ВОСПОМИНАНІЯ О БЫЛОМЪ

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

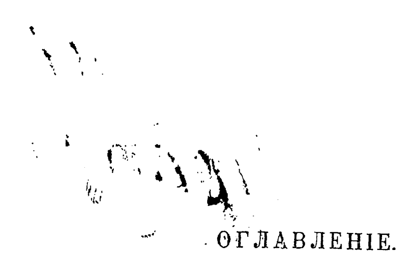
1770–1838

Е. А. САБАНѢЕВОЙ

ПРЕДИСЛОВІЕ Д. А. КОРСАКОВА
РЕДАКЦІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ
Б. Л. МОДЗАЛЕВСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28
4533

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Воспоминанія о быломъ Е. А. Сабанѣевой.

Перечень иллюстрацій:

ОТЪ РЕДАКТОРА.

«Воспоминанія о быломъ» Екатерины Алексѣевны Сабанѣевой, рожденной Прончищевой, впервые были опубликованы профессоромъ Казанскаго Университета Д. А. Корсаковымъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за 1900 годъ [1]), съ его же предисловіемъ и объяснительными примѣчаніями. Въ настоящемъ отдѣльномъ изданіи, нѣсколько дополненномъ противъ прежняго [2]) и исполненномъ на средства троюроднаго брата автора—Николая Сергѣевича Кашкина,—они выходятъ съ разрѣшенія сына Е. А. Сабанѣевой — доктора Ивана Ѳедоровича Сабанѣева, при чемъ перепечатываются, съ любезнаго согласія Д. А. Корсакова, какъ его Предисловіе къ Воспоминаніямъ, такъ и нѣкоторыя объясненія къ тексту, имъ же составленныя (они помѣчены буквами Д. К.). Объясненія Д. А. Корсакова мы пополнили и нѣкоторыми другими, своими примѣчаніями и поясненіями (они подписаны буквами Б. М.), съ цѣлью способствовать болѣе отчетливому представленію о лицахъ, выступающихъ, въ качествѣ дѣйствующихъ, въ любопытныхъ разсказахъ Сабанѣевой. Для примѣчаній и поясненій этихъ мы использовали, между прочимъ, статью покойнаго Николая Николаевича Кашкина: «По поводу

---

[1]) Т. LXXXII, октябрь, ноябрь и декабрь, стр. 49—90, 414—436 и 809—856.

[2]) Воспоминанія печатаются нами по подлинной рукописи Сабанѣевой, любезно доставленной намъ Д. А. Корсаковымъ.

Воспоминаній о быломъ Е. А. Сабанѣевой», напечатанную въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1901 г. [1]), а также замѣчанія на Воспоминанія помѣщенныя княземъ Дмитріемъ Дмитріевичемъ Оболенскимъ, въ майской книжкѣ того же журнала за тотъ же годъ [2]).

Къ Воспоминаніямъ, по желанію Н. С. Кашкина, прилагаются: 1) снимокъ съ фотографическаго портрета Е. А. Сабанѣевой, сдѣланнаго въ Одессѣ въ 1888 г. и любезно сообщеннаго для настоящаго изданія Д. А. Корсаковымъ; 2) снимокъ съ портрета князя Петра Николаевича Оболенскаго, дѣда автора Воспоминаній (см. о немъ въ гл. IX), столь ярко въ немъ описаннаго (по подлиннику масляными красками, принадлежащему Н. С. Кашкину въ Калугѣ) [3]); 3) снимокъ съ фотографической карточки декабриста князя Евгенія Петровича Оболенскаго, родного дяди Е. А. Сабанѣевой (см. въ гл. XVI); карточка эта снята въ началѣ 1860-хъ годовъ и принадлежитъ Н. С. Кашкину, племяннику князя Оболенскаго; и 4) снимокъ съ семейной группы Прончищевыхъ, на которой изображены: отецъ Е. А. Сабанѣевой—Алексѣй Владиміровичъ Прончищевъ, его жена Варвара Петровна, рожд. княжна Оболенская, и ихъ четыре дочери, въ томъ числѣ и Екатерина Алексѣевна, авторъ настоящихъ Воспоминаній. Подлинникъ этой группы, писанный масляными красками неизвѣстнымъ, но довольно искуснымъ художникомъ, принадлежитъ также Н. С. Кашкину.

О значеніи Воспоминаній Сабанѣевой не будемъ здѣсь распространяться: всякому, кто прочтетъ ихъ, станутъ ясны ихъ достоинства: правдивость, жизненность, безпристрастность, занимательность. Интересъ разсказа не мѣняется въ зависимости отъ

---

[1]) Т. LXXXIII, стр. 418—424. Статья эта перепечатана отдѣльною брошюрою Н. С. Кашкинымъ въ Калугѣ въ началѣ 1913 года (Типо-литографія Губернскаго Правленія, 8°, 8 стр.).

[2]) Т. LXXXIV, стр. 833—836.

[3]) Воспроизведенъ также при томѣ II «Родословныхъ Развѣдокъ» Н. Н. Кашкина С.-Пб. 1913.

того, описываетъ-ли Сабанѣева лицъ болѣе крупныхъ, въ родѣ декабриста Оболенскаго, сенатора Кашкина и его жены—пріятельницы Карамзина,—или она говоритъ о людяхъ, вполнѣ заурядныхъ, не оставившихъ по себѣ никакого слѣда въ исторіи Русской общественности: настолько сумѣла она живо и ярко представить типы людей прошлаго, уже отъ насъ столь далекаго и часто намъ уже мало понятнаго. Многія мелочи житейскаго уклада и бытовой обстановки людей второй половины XVIII—первой трети XIX вѣка (такую эпоху охватываютъ Воспоминанія Е. А. Сабанѣевой) обрисованы ею ярко, иногда прямо талантливо. Кромѣ того, Сабанѣева обладала и несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, а потому разсказы ея читаются легко и съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Всякое правдивое показаніе современника, къ тому же добросовѣстно и умѣло воспользовавшагося разсказами представителей старшихъ поколѣній, является для исторической литературы желаннымъ пріобрѣтеніемъ; однако, мы не сомнѣваемся, что «Воспоминанія о быломъ» Е. А. Сабанѣевой будутъ оцѣнены по достоинству не только спеціалистами, но съ интересомъ прочтутся любителями историческаго чтенія и, такимъ образомъ, займутъ въ библіотекѣ Русскихъ мемуаровъ подобающее имъ мѣсто.

Б. Модзалевскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Екатерина Алексѣевна Сабанѣева, рожденная Прончищева, родилась въ Калугѣ 17-го мая 1829 г. и была старшей въ семьѣ; кромѣ нея, у родителей ея было еще три дочери. Мать Е. А. Сабанѣевой—Варвара Петровна, рожденная княжна Оболенская, дочь князя Петра Николаевича Оболенскаго и Анны Евгеніевны, рожденной Кашкиной. Эпизоды изъ жизни этихъ трехъ фамилій — Прончищевыхъ, князей Оболенскихъ и Кашкиныхъ—и сообщаетъ Е. А. Сабанѣева въ своихъ Воспоминаніяхъ.

Все время до замужества Екатерина Алексѣевна прожила со своими родителями и сестрами въ Калужской деревнѣ, совершая вмѣстѣ съ ними частыя поѣздки въ Москву и по губерніямъ Калужской и Тульской, гдѣ проживали многочисленные ихъ родственники и друзья. Это долгое пребываніе въ деревнѣ и частые переѣзды сроднили ее съ русскою сельскою жизнью и дали возможность близко познакомиться съ крестьянскимъ населеніемъ, главнымъ образомъ Тульской и Калужской губерній, и полюбить русскаго простолюдина.

Въ 1853 году Екатерина Алексѣевна Прончищева вышла замужъ за Ѳедора Петровича Сабанѣева, который получилъ образованіе въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ и былъ, по отзывамъ лицъ, хорошо и близко его знавшихъ, человѣкомъ глубоко-христіанскихъ правилъ. Его служебная и общественная дѣятельность

относится главнымъ образомъ къ эпохѣ освобожденія крестьянъ. Этой реформѣ Ѳ. П. Сабанѣевъ отдалъ лучшій періодъ своей жизни и въ Калугѣ, гдѣ былъ мировымъ посредникомъ, и въ Кіевѣ; въ послѣдніе годы жизни онъ занималъ отвѣтственную должность начальника Канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора. Екатерина Алексѣевна была посвящена во всѣ подробности службы мужа и такъ сжилась съ его дѣятельностью, что можно сказать, что они служили вмѣстѣ. Ѳедоръ Петровичъ былъ домосѣдъ и держался строгихъ житейскихъ правилъ: не любилъ гостей, не ходилъ ни въ клубъ, ни въ театръ; все свободное отъ службы время онъ удѣлялъ дѣтямъ, готовя съ ними уроки, читая русскихъ и иностранныхъ классиковъ и т. д. Екатерина Алексѣевна, прежде любившая общество, до самой смерти мужа вела ту же затворническую жизнь, всецѣло отдавшись воспитанію дѣтей, и только послѣ его смерти стала изрѣдка бывать у знакомыхъ и принимать у себя.

Ѳедоръ Петровичъ скончался въ Кіевѣ 25-го января 1876 г. Кончина мужа такъ глубоко поразила Екатерину Алексѣевну, что она долго и тяжело была больна, и ея семейные опасались за ея жизнь. Услыхавъ о кончинѣ своего хорошаго знакомаго, Ѳедора Петровича Сабанѣева, мой тесть Дмитрій Дмитріевичъ Благово, бывшій тогда рясофорный монахъ подмосковнаго Николо-Угрѣшскаго монастыря о. Пименъ, выразилъ соболѣзнованіе его вдовѣ, которую знавалъ еще въ дни своей юности. Между ними возникла переписка, которая продолжалась до самой кончины Екатерины Алексѣевны. Мой тесть былъ знакомъ съ семействами Прончищевыхъ и князей Оболенскихъ въ Москвѣ еще въ 1840-хъ годахъ, будучи студентомъ Московскаго Университета и вращаясь въ томъ же великосвѣтскомъ Московскомъ обществѣ, въ которомъ протекли дѣтство и юность «Кати-Розы», какъ называли въ то время въ Москвѣ Екатерину Алексѣевну Прончищеву. Оба корреспондента — монахъ, нѣкогда великосвѣтскій Московскій юноша, и мать многочисленнаго семейства, скорбѣвшая о потерѣ нѣжно любимаго ею мужа, — невольно въ своихъ

письмахъ (у меня сохранившихся) припоминаютъ былое изъ ихъ давно прошедшей Московской жизни. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній молодости и возникла у Е. А. Сабанѣевой мысль изложить ихъ на бумагѣ. Вотъ что̀ писала она о. Пимену въ Римъ (гдѣ онъ былъ въ то время архимандритомъ и настоятелемъ Русской посольской церкви) въ письмѣ изъ Кіева отъ 29-го января 1886 г.: «Ваше письмо дало моимъ мыслямъ направленіе къ воспоминаніямъ. Au fond il ne me reste de la vie que de pieux souvenirs! Это понятно. Вотъ я начала рыться въ перепискѣ моей съ матерью, съ друзьями и нашла между прочимъ записки, составленныя давно мною: онѣ относятся къ моему дѣтству, юности и жизни у дѣда моего, князя Петра Николаевича Оболенскаго, въ бывшемъ домѣ его въ Москвѣ, подъ Новинскимъ. Затѣмъ мнѣ пришло въ голову сгруппировать все это въ разсказѣ, и, съ помощью Божіей, за эти два мѣсяца явилась первая часть его... [1]). Это все останется моимъ внукамъ и правнукамъ. Быть можетъ, найдутъ эту рукопись впослѣдствіи и, быть можетъ, вынесутъ изъ нея что-нибудь не совсѣмъ безполезное». Въ октябрѣ 1887 г. Екатерина Алексѣевна отправила отдѣланную окончательно рукопись своихъ «Воспоминаній» о. Пимену. Послѣ этого она изложила на бумагѣ семейную жизнь своей матери и свою собственную, но эта часть воспоминаній не была ею послана о. Пимену, и гдѣ находится въ настоящее время — неизвѣстно. «Я люблю мой трудъ и продолжаю его», — писала она о. Пимену 30-го ноября 1887 г. — «Удалось найти старыя письма, изъ нихъ нѣчто пришлось кстати. Этотъ трудъ меня занимаетъ, перо довольно послушно мысли; затѣмъ, погружаясь въ прошедшее, отдѣляешься отъ мелочей дѣйствительной жизни, легче переносишь невзгоды».

Послѣ смерти мужа Екатерина Алексѣевна прожила въ Кіевѣ почти безвыѣздно десять лѣтъ, заботясь о дѣтяхъ и внучатахъ и называя себя поэтому въ письмахъ къ архимандриту Пимену,

---

[1]) Эта первая часть соотвѣтствуетъ тремъ первымъ главамъ первой части печатнаго текста.

«Мароой, пекущейся о множемъ». Въ 1887 году, вслѣдствіе нездоровья младшаго сына, переселилась она въ Одессу, вмѣстѣ со старшимъ, женатымъ сыномъ. Здѣсь она и скончалась 29-го октября 1889 года.

Хотя въ «Воспоминаніяхъ» Е. А. Сабанѣевой рѣчь идетъ о той порѣ, которую она лично помнитъ только отчасти и которая основана, главнымъ образомъ, на семейныхъ преданіяхъ и разсказахъ ея матери, но въ самомъ тонѣ повѣствованія уже ясны симпатичныя черты автора «Воспоминаній»: наблюдательный умъ, безпристрастіе, скромность, сердечная теплота, глубокая религіозность. Эти же черты нравственнаго облика Екатерины Алексѣевны еще полнѣе выражаются въ письмахъ ея къ архимандриту Пимену. Самостоятельность и критичность мысли — вотъ что́ особенно отличало умственныя качества Е. А. Сабанѣевой, по словамъ ея сына Ивана Θедоровича. «Эта самостоятельность и критичность мысли, — писалъ онъ мнѣ, — особенно рельефно выступали въ ея отношеніяхъ къ людямъ. Воспитанная въ традиціяхъ дворянской розни людей между собою и во всѣхъ вытекающихъ отсюда предразсудкахъ, она, тѣмъ не менѣе, всѣ эти традиціи и предразсудки признавала только внѣшне, только по формѣ; внутренно же и въ своихъ дѣйствіяхъ совершенно не дѣлала различія между людьми: со всѣми сходилась, прекрасно понимала людей всѣхъ сословій, всѣхъ религій, всѣхъ національностей,—и люди такъ же къ ней относились, какъ и она къ нимъ. Съ ней были одинаково откровенны, разсказывая ей о своихъ дѣлахъ семейныхъ, о своихъ нуждахъ, заботахъ, горестяхъ и радостяхъ, — и военный генералъ, и простая русская баба, и мастеровой нѣмецъ, и торгашъ-жидъ».

«Воспоминанія» Е. А. Сабанѣевой найдены были мною въ бумагахъ покойнаго моего тестя архимандрита Пимена, скончавшагося 9-го (21-го) іюня 1897 г. въ Римѣ. Авторъ «Воспоминаній» письменно уполномочилъ о. Пимена проредактировать ихъ и сдѣлать тѣ измѣненія или дополненія, которыя онъ найдетъ

нужными; на то же получилъ согласіе и я отъ сыновей Е. А. Сабанѣевой. Не касаясь слога «Воспоминаній», столь характернаго и образнаго, я позволилъ себѣ сдѣлать измѣненія лишь въ редакціонномъ отношеніи, а именно, я иначе, чѣмъ Е. А. Сабанѣева, раздѣлилъ «Воспоминанія» на части и главы, такъ какъ въ началѣ эти отдѣлы были слишкомъ дробны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ не было дѣленія на главы; въ большинствѣ случаевъ сохранены названія главъ, данныя Е. А. Сабанѣевой. Кромѣ того, измѣнено заглавіе «Воспоминаній» — именно такъ, какъ предполагалъ это сдѣлать о. Пименъ, на что выразила ему согласіе и сама Екатерина Алексѣевна.

«Воспоминанія о быломъ», написанныя живымъ литературнымъ языкомъ, чуждыя произвольныхъ воззрѣній, ярко изображаютъ бытъ и нравы провинціальнаго русскаго дворянства второй половины XVIII и начала XIX вв. и сообщаютъ интересные эпизоды изъ жизни высшаго Московскаго дворянскаго круга первой четверти текущаго столѣтія. Этими качествами они становятся весьма цѣннымъ вкладомъ въ до сихъ поръ еще не особенно богатую литературу Русскихъ мемуаровъ, во многомъ дополняя записки Болотова, Данилова, Жихарева, С. Т. Аксакова, графа М. Д. Бутурлина и др. и являясь, такимъ образомъ, еще новымъ источникомъ для бытовой исторіи Русской общественности.

Д. Корсаковъ.

Екатерина Алексѣевна
САБАНѢЕВА
рожд. Прончищева
(1888 г.)

ХУДОЖ.-ГРАФ. ЗАВ. А. А. БЕМЕ, СПБ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

> Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
> И взоромъ медленнымъ пронзая ночи темь,
> Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
> Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
>
> Изъ стихотв. Лермонтова «*Родина*».

Не въ телегѣ, а въ каретѣ или тарантасѣ пришлось и мнѣ съ ранняго дѣтства проѣзжать немалыя пространства по двумъ губерніямъ моего дорогого отечества. Мои родители жили безвыѣздно въ своемъ Калужскомъ имѣніи, но часто предпринимали всей семьей путешествія то по Калужской, то по Тульской губерніямъ, гдѣ жили многочисленные наши родственники или добрые друзья. Бывали мы часто въ Калугѣ. Я хорошо помню Тарусу, Козельскъ, Одоевъ, Лихвинъ, Бѣлевъ, Алексинъ.

Ненарядна наша сѣверная природа: равнины, поля, рощи; очень обрадуешься хвойному лѣсу, если онъ встрѣтится на пути,— и это бывало, когда приходилось путешествовать по теченію рѣки Жиздры въ Козельскомъ уѣздѣ, или же, какъ ѣзжали въ Москву, такъ подъ Серпуховомъ мы любили сосновый боръ и заливные луга; очень любовались ими.

Но чѣмъ скупѣе природа на свои красоты, тѣмъ глубже впечатлѣніе, которое онѣ оставляютъ; полученныя же впечатлѣнія въ дѣтскомъ возрастѣ положительно теряютъ способность изгла-

живаться изъ памяти: теперь, когда я собираю для своихъ Записокъ воспоминанія дѣтства, то слѣжу шагъ за шагомъ за развитіемъ моихъ чувствъ, мыслей, симпатій и антипатій, сложившихся у меня подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній моего дѣтства. Прошли годы, протекли событія. Прошла юность съ ея волненіями, зрѣлый возрастъ съ его трудами; настала старость съ ея недугами, тоскою и утратами, а мысль, стремясь въ прошедшее, роется въ немъ, ищетъ и находитъ, какъ послѣдовательно изъ этихъ же дѣтскихъ впечатлѣній сложился весь строй и порядокъ моего нравственнаго бытія.

Эти рѣки, эти рощи, эти проселочные пути, по которымъ мы ѣзжали тогда съ родителями, оставили во мнѣ столь глубокія впечатлѣнія, что изъ нихъ, какъ изъ нитей, соткалось полотно всей моей нравственной природы. Для меня ясно, что на этой почвѣ родились и выросли въ душѣ моей привязанность къ родинѣ, къ народу, къ церкви; эти нити и впечатлѣнія дѣтства дали направленіе всему содержанію моей жизни.

Позволю себѣ теперь дать читателю весьма краткій обзоръ Калужской губерніи. Онъ его не утомитъ, но можетъ быть кстати при чтеніи этихъ Записокъ.

Калужская губернія составляла долго часть Московской и занимала всегда видное мѣсто въ нашей отечественной исторіи. Въ 1658 г. Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ присоединить къ Калужскому посаду село Спасское, принадлежавшее прежде Романовымъ, и съ тѣхъ поръ Калуга сдѣлалась довольно значительнымъ городомъ.

Калуга лежитъ въ 168 верстахъ отъ Москвы. Она сохраняла всегда тѣсную связь съ столицей, и вслѣдствіе этого всѣ историческія событія, волнующія Россію, отражались на ней. Въ 1812 г., при вторженіи въ наше отечество Наполеоновскихъ полчищъ, Кутузовъ устраивалъ артиллерійскіе парки въ пяти-шести верстахъ отъ Калуги; знаменитая битва подъ Бородиномъ, близъ села Тарутина, и сраженіе при Маломъ Ярославцѣ происходили на Калужской территоріи.

Калужская губернія не можетъ считаться одной изъ хлѣбородныхъ полосъ Россійской Имперіи: почва земли тамъ глинистая; природа вовсе не поражаетъ своею живописностью; климатъ, хотя его называютъ умѣреннымъ, весьма непріятный: морозы и санный путь лежитъ около семи мѣсяцевъ въ году.

Народъ въ Калужской губерніи работящій, смѣтливый и способный. Калужскіе крестьяне являются и до сихъ поръ повсюду лучшими ремесленниками: они ходятъ далеко за промыслами, ѣздятъ на Кавказъ и въ Персію, торгуютъ тамъ канарейками, которыхъ разводятъ и выращиваютъ въ селѣ Полотняный Заводъ въ Медынскомъ уѣздѣ. Въ Одессѣ, въ гостиницахъ, часто встрѣчаешь цѣлый персоналъ дворниковъ въ красныхъ рубахахъ: это все расторопные молодцы калужане; въ Кіевѣ лучшіе печники и плотники изъ Калуги.

Правда, что нужда научила калужанъ искать средствъ къ пропитанію другими путями, чѣмъ земледѣліе. «Вѣстимо,—говоритъ Калужскій мужичекъ,—земелька у насъ плохая, глинка святая: глядишь, къ Аксиньѣ полухлѣбницѣ (24-го января) у хозяйки не осталось ни синь-пороху муки, чтобы замѣсить хлѣбушки,—семья хоть по-міру иди!» Впрочемъ, и внутри губерніи крестьяне находили себѣ заработки. Многія мѣстности Калужской губерніи изобилуютъ чугунною рудой, и скоро тамъ возникли чугуно-литейные заводы; затѣмъ при Петрѣ I существовали уже въ Калугѣ канатныя фабрики, кожевенные заводы, сортировка щетины: значитъ, и тутъ крестьяне получали заплатную работу. Торговое движеніе развивалось быстро въ Калужской губерніи, и промышленныя производства начали доставляться въ Балтійскіе порты. Судоходная широкая Ока протекаетъ по Калужской губерніи; кромѣ того, рѣки Серена, Угра и Упа служатъ для сплавки товаровъ въ Мценскъ и Орелъ. Въ Козельскомъ уѣздѣ село Сухиничи служитъ складомъ пеньки, которую везутъ туда изъ Тульской, Полтавской и Орловской губерніи и затѣмъ отправляютъ ее въ сѣверные порты.

При Петрѣ I Калуга была сначала приписана къ Москов-

ской губерніи, затѣмъ, съ 1719 года, назначена провинціальнымъ городомъ Калужской провинціи. При Екатеринѣ II она сдѣлалась главнымъ городомъ Калужскаго намѣстничества и при Александрѣ I, 1808 года, оставлена губернскимъ городомъ.

По дѣламъ духовнымъ Калуга была сначала подчинена Крутицкой епархіи, потомъ управлялась Московскимъ архіереемъ, и наконецъ въ 1798 году создана Калужская и Боровская епархіи, и дѣла духовныя получили въ Калугѣ самостоятельное управленіе. Очень можетъ быть, что вліялъ въ этомъ случаѣ Московскій митрополитъ Платонъ, желая создать непосредственную духовную власть тамъ, гдѣ было много раскольниковъ: они являлись въ Калужской губерніи между купцами и экономическими крестьянами Платонъ написалъ много поученій къ раскольникамъ вообще.

Къ этому краткому обзору Калужской губерніи прибавлю еще, что въ ней было много святыхъ обителей,—такъ, какъ и во многихъ другихъ губерніяхъ нашего обширнаго отечества. Въ 15-ти верстахъ отъ Калуги лежитъ Тихонова пустынь (мужской монастырь); затѣмъ въ самомъ городѣ—дѣвичій монастырь во имя Казанской Божіей Матери и Лаврентьева пустынь подъ самымъ городомъ Калугой, а недалеко отъ города, въ довольно живописной мѣстности,—Лаврентьева пустынь. Верстахъ въ семи отъ Калуги было тоже въ древности городище при рѣчкѣ Калужкѣ. Впослѣдствіи въ этомъ мѣстѣ, въ домѣ помѣщика, явилась чудотворная икона Калужской Божіей Матери. Тогда былъ сооруженъ храмъ, въ который и перенесли икону; въ это село, Калужку, стекаются многочисленные богомольцы на поклоненіе чудотворному образу. Я помню, что въ юности мы предпринимали путешествіе пѣшкомъ на Калужку; она находилась верстахъ въ 25-ти отъ имѣнія моего батюшки.

Въ дѣвичьемъ Калужскомъ монастырѣ я тоже часто бывала у тетушки моей, бывшей въ міру Софьи Дмитріевны Кашкиной [1].

---

[1]) См. у Н. Н. Кашкина, «Родословныя Развѣдки», т. II, С.-Пб. 1913, стр. 525—526.
Б. М.

Помню я ея уютную свѣтлую келейку, опрятно убранную. Войдешь, бывало, въ ея пріемную комнату—такъ тихо кругомъ; на окнахъ бѣлыя кисейныя занавѣски, горшки жасмина и герани; коверъ своей работы передъ диваномъ, подъ круглымъ столомъ, а по обѣимъ сторонамъ его чинно стоятъ небольшія кресла. Надъ диваномъ—портреты родныхъ, въ переднемъ углу комнаты Распятіе, передъ нимъ теплится лампада.

Лѣтомъ, бывало, окно открыто въ небольшой палисадникъ; тетушка собственноручно сажала и поливала свои цвѣты. И какія крупныя и пестрыя маргаритки тамъ цвѣли! Любуешься ими, а изъ храма, который былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея кельи, доносятся звуки церковнаго пѣнія. Я часто гостила у этой тетушки; игуменья была тамъ добрая и кроткая мать Анжелика [1]): я была еще ребенкомъ, и она щедро кормила меня вареньемъ и смоквами. За то казначея, мать Аполлинарія, была высокая и плотная монахиня, строгая и суровая; я ея очень боялась.

Въ Калужской губерніи, въ Козельскомъ уѣздѣ, есть еще обитель; воспоминанія о ней глубоко врѣзались въ мою память. Эта обительноситъ названіе Оптиной пустыни. Видъ этого монастыря дѣлалъ на меня особое впечатлѣніе; хотя мѣстность не поражаетъ исключительною живописностью, я всегда находила особую прелесть въ простотѣ его ландшафта.

Монастырь расположенъ на берегу рѣки Жиздры, въ сосновой рощѣ. Когда вы къ нему подъѣзжаете, то онъ является постепенно вашему взору изъ-за темной хвойной зелени, точно эти сосны берегутъ его подъ своею сѣнью отъ любопытныхъ взоровъ грѣшныхъ людей. Рѣка Жиздра огибаетъ одну сторону обители, затѣмъ, обратясь отъ нея въ другомъ направленіи, продолжаетъ свое теченіе по широкимъ полямъ и лугамъ и теряется на горизонтѣ передъ вашими глазами.

Усердіе мірянъ къ этой обители имѣло издавна большое значеніе въ Калужской губерніи; туда ѣздили дворянскія семьи

---

1) Вѣрнѣе—Ангелина. *Б. М.*

говѣть, и многіе имѣли духовниковъ между иноками. При монастырѣ была гостиница для посѣтителей.

Народъ несъ туда свою лепту; всякій искалъ тамъ поддержку для упованій и борьбы на пути земной жизни. Я помню тамъ старца схимника Леонида: мы ходили въ его келью испрашивать его благословеніе.

Затѣмъ прошло много лѣтъ. Я жила въ Кіевѣ, гдѣ столько святыни; эти младенческія впечатлѣнія юности исчезли изъ моей памяти. Но лѣтъ семь тому назадъ читала я романъ талантливаго нашего писателя Достоевскаго «Братья Карамазовы» и на страницахъ его я встрѣтила описаніе одного монастыря. Это описаніе невольно перенесло мои воспоминанія въ ту святую обитель. Въ лицѣ старца Зосимы, мнѣ казалось, я видѣла одного изъ схимниковъ; разсказъ о немъ у Достоевскаго вышелъ вѣренъ и характеренъ. Затѣмъ авторъ мастерски указалъ на ту связь, которая существуетъ въ нашемъ отечествѣ между всѣми сословіями и церковью; могучая кисть Достоевскаго бросила яркія краски на эту сторону русской жизни: передъ вами является ясно картина народныхъ вѣрованій, глубоко прочувствованная авторомъ.

Скажу, однако, что страницы, которыя касаются кончины Зосимы, смутили меня смѣлымъ анализомъ положеній. Я осталась недовольна, будто уязвлена душой. Какой-то голосъ говорилъ мнѣ: «Не то, не то!»

1883-й годъ я прожила на Кавказѣ. Я умилялась передъ величіемъ его природы, созерцала его цвѣтущія долины, могучіе бурливые потоки, снѣжныя вершины его горъ и забыла миловидные ландшафты моей родины—я забыла нашу широкую Оку съ ея отлогими берегами. Но разъ какъ-то въ Кутаисѣ (губернскій городъ Закавказья; тамъ есть и библіотека съ абонементомъ) попалась мнѣ въ библіотекѣ майская книжка «Русскаго Вѣстника», кажется, за 1883 годъ [1]), и на ея страницахъ я прочла

[1]) За 1882 г., въ коемъ помѣщена статья К. Н. Леонтьева: «Іеромонахъ Оптиной пустыни отецъ Климентъ, въ мірѣ Константинъ Карловичъ Зедергольмъ». *Б. М.*

біографію Зедергольма. Я знавала его въ Москвѣ въ 40-хъ годахъ; онъ былъ сынъ важнаго по сану духовнаго лица при лютеранской миссіи въ Москвѣ. Въ то время молодой Зедергольмъ былъ студентомъ Московскаго Университета, съ типомъ лица Остзейскихъ нѣмцевъ, воспитанный въ патріархальной средѣ нѣмецкаго порядка. Зедергольмъ успѣшно окончилъ курсъ филологическаго факультета въ Москвѣ, былъ посланъ за границу отъ Университета—передъ нимъ лежала блестящая карьера. И этотъ Зедергольмъ бросаетъ ее, удаляется въ Оптину пустынь и произноситъ тамъ иноческіе обѣты!

Онъ и въ кельѣ трудился надъ греческими манускриптами, но болѣзнь прекратила вскорѣ нить его жизни. Чт̀о побудило этого лютеранина, этого ученаго сороковыхъ годовъ удалиться въ ту святую обитель?

Тогда опять я вспомнила Оптину пустынь и мои молитвы тамъ передъ престоломъ Божіимъ...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Прончищевы.

I.

Село Богимово.

Въ Тарусскомъ уѣздѣ рѣка Ока служитъ естественною границею двухъ губерній: Тульской и Калужской. По теченію Оки есть мѣста очень живописныя: то ея крутой берегъ покрытъ лѣсомъ, то онъ плоскій и отлогій, такъ что въ маѣ мѣсяцѣ онъ представляетъ картину цвѣтущихъ заливныхъ луговъ, а въ іюнѣ богатыхъ покосовъ.

Но поселки по Окѣ отодвигались далеко отъ русла рѣки, вѣроятно, вслѣдствіе ея широкаго разлива въ весеннее время, и помѣщичьи усадьбы были рѣдки надъ Окою; развѣ-развѣ появлялись онѣ на ея кручахъ, гдѣ рѣка во время разлива не могла приносить вреда: эти усадьбы были самыя живописныя. Я помню таковую въ Тарусскомъ уѣздѣ — сельцо Колосово [1])

[1]) Сельцо Колосово въ 1830-хъ годахъ принадлежало Александру Дмитріевичу Черткову. Въ Москвѣ было два Черткова, оба Александра и оба Дмитріевичи. Тарусскаго помѣщика Александра Дмитріевича называли Денежнымъ, ибо у него былъ домъ въ Денежномъ переулкѣ въ Москвѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Софьѣ Павловнѣ Мещерской. Другой Александръ Дмитріевичъ Чертковъ былъ Московскимъ предводителемъ дворянства и былъ женатъ на графинѣ Чернышевой. *Е. С.*

Чертковыхъ: оно поражало своимъ мѣстоположеніемъ. Но усадьба эта была не очень старинная; архитектура барскаго дома могла быть отнесена къ характеру построекъ временъ Императора Александра I: балконъ представлялъ ротонду съ колоннадой подъ куполомъ. Сидимъ мы, бывало, лѣтомъ на этомъ балконѣ послѣ поздняго обѣда (у Чертковыхъ обѣдывали по-англійски— часовъ въ шесть) и любуемся Окой. Она разлилась широко внизу густого парка, а противоположный берегъ рѣки представляетъ равнину зеленыхъ луговъ; вдали на горизонтѣ, освѣщенный закатомъ солнца, въ розовомъ свѣтѣ его послѣднихъ лучей, является, какъ на ладонкѣ, хорошенькій уѣздный городокъ Алексинъ Тульской губерніи. Этотъ городокъ, съ группой строеній и церквей на полугорѣ, давалъ жизнь и особую прелесть ландшафту. Но я бывала въ Колосовѣ въ 1839 году и помню его во всемъ блескѣ затѣй, вывезенныхъ тогда подъ впечатлѣніемъ недавней поѣздки Чертковыхъ за границу; древнія же усадьбы въ нашемъ Тарусскомъ уѣздѣ строились скорѣе внутри уѣзда, по берегамъ рѣкъ, менѣе значительныхъ, чѣмъ судоходная Ока. Такова была рѣка Мышинга въ Тарусскомъ уѣздѣ— она впадаетъ въ Оку, противъ самаго Алексина; въ этой мѣстности оказалась желѣзная руда, и вскорѣ на этой незначительной рѣкѣ возникъ чугуно-литейный заводъ [1]).

Вверхъ по Мышингѣ являются крестьянскіе поселки, деревушки: параллельно ея теченію проходилъ когда-то большой трактъ Калужской казенной дороги. Мышинга—не широкая рѣка; то она выливается между лугами, то одинъ изъ ея береговъ вздувается горками, которыя покрыты хвойнымъ лѣсомъ, иногда осинникомъ или березникомъ. Природа тутъ довольно миловидна; у самаго русла рѣки растетъ ивнякъ съ его блѣдною, голу-

---

[1]) Въ 1830-хъ годахъ Мышингскій чугуно-литейный заводъ принадлежалъ князю Бибарсову. *Е. С.*

Заводъ былъ построенъ въ 1729 году; въ началѣ XIX вѣка принадлежалъ онъ заводчику Максиму Масалову (А. Щекатовъ, Словарь географическій, ч. IV, М. 1805, столб 456). *Б. М.*

боватою зеленью, дальше группируются ольхи съ ихъ темною листвой; между букетами этихъ деревьевъ являются лужки и болотца, изъ которыхъ подымаются часто стада дикихъ утокъ и куропатокъ. Дичи много въ этой мѣстности. Мышинга — прелюбезная рѣчка; она имѣетъ способность служить обитателямъ ея береговъ, сообразуясь послушно съ ихъ требованіями: такъ, надъ ея русломъ является плотина, задерживающая ея воды въ глубокій прудъ, надъ которымъ работаетъ чугуно-литейный заводъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ по ея берегамъ лѣпятся крестьянскія избушки, и она течетъ, скромно журча по камешкамъ, такая мелкая и ничтожная, что надъ ней царятъ крестьянскіе ребятишки, которые съ самой весны ставятъ верши и ловятъ раковъ въ ея такъ называемыхъ бучилахъ.

Въ 1770-хъ годахъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, по теченію рѣки Мышинги было расположено село Богимово, Тарбеево тожъ. Крестьянскій поселокъ съ ветхими избушками и плетневыми огородами тянулся вдоль теченія рѣки по обоимъ ея берегамъ, изъ которыхъ одинъ подымался, постепенно возвышаясь, и терялся на горизонтѣ, представляя съ одной стороны едва замѣтную полоску лѣса и равнину полей, а другой берегъ былъ гористый, съ овражками, вершинками и осиновою рощей, изъ-за которой виднѣлся деревянный барскій домъ съ садомъ. Недалеко отъ барской усадьбы, на полугорѣ, стояла ветхая деревянная церковь съ кладбищемъ; немного ниже—домикъ священника съ крылечкомъ, избы причетниковъ... Проселочная дорога вьется по горѣ мимо этихъ построекъ, крутая, глинистая, съ глубокими колеями и рытвинами по обѣимъ ея сторонамъ: она теряется на горизонтѣ [1]).

Картина этого сельскаго вида имѣла всегда что-то грустное: эта ветхая деревянная церковь, съ крышей, поросшей мохомъ, кладбище съ оградой, въ которой, тамъ и сямъ, не досчитывалось всѣхъ продольныхъ переборовъ; какъ-то угрюмо и не-

[1]) Нынѣ село Богимово принадлежитъ Тарусскому помѣщику Евгенію Дмитріевичу Былимъ-Колосовскому, женатому на Ольгѣ Николаевнѣ Кашкиной. *Б. М.*

привѣтливо было въ этомъ мѣстѣ. Даже народъ Богимовскій отличался тою же угрюмостью и въ особенности приниженностью: пройдитесь по деревнѣ, окликните кого изъ мужиковъ,—они неохотно будутъ съ вами гуторить, точно они глуповаты, не то глуховаты, недовѣрчивы и упрямы.

Барская усадьба, съ довольно большимъ деревяннымъ домомъ, смотритъ не то убого, не то бѣдно, не то таинственно. Замкнутость всюду какая-то, точно въ монастырѣ.

Село Богимово принадлежало въ то время Іонѣ Кононовичу Прòнчищеву; онъ былъ разбитъ параличемъ и впадалъ почти въ дѣтство [1]).

Изъ родословной Прончищевыхъ мы видимъ, что этотъ дворянскій родъ далъ двѣ вѣтви двухъ дворянскихъ фамилій: Потресовыхъ и Прончищевыхъ. Не думаю, впрочемъ, чтобы онѣ восходили слишкомъ далеко своею древностью либо вышли изъ Орды; однако, при Петрѣ Великомъ одинъ изъ предковъ Прончищевыхъ былъ во главѣ экспедиціи, посланной царемъ въ Сибирь для изслѣдованія устьевъ рѣки Лены, другой былъ отправленъ посломъ къ одному изъ иностранныхъ дворовъ. Теперь сей родъ угасъ: послѣднимъ изъ рода Прончищевыхъ былъ мой отецъ—Алексѣй Владимировичъ Прончищевъ [2]).

---

[1]) Авторъ ошибается въ отчествѣ своего прапрадѣда: его звали не Кононовичемъ, а Васильевичемъ; онъ былъ сыномъ стольника и ротмистра Василія Парѳеньевича Прончищева (уп. въ 1686—1701 гг.); см. Н. Булычевъ, «Калужская губернія. Списокъ дворянъ внесенныхъ въ Дворянскую Родословную Книгу по 1-е Октября 1908 года, и перечень лицъ, занимавшихъ должности по выборамъ дворянства съ 1785 года», Калуга. 1908, стр. 239; Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. II, С.-Пб. 1895, стр. 138—139. *Б. М.*

[2]) Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о Прончищевыхъ, сообщаемымъ Е. А. Сабанѣевой, считаемъ небезынтереснымъ прибавить слѣдующія данныя на основаніи «Русской родословной книги», составленной княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ (см. 2-е изданіе, С.-Пб. 1895 г., т. II, стр. 136—139), и другихъ источниковъ. Предокъ Прончищевыхъ по ихъ родословной былъ Иванъ Васильевичъ Прончище, выѣхавшій изъ Польши на службу къ Московскому Великому Князю Іоанну III въ 1488 году; но это семейное преданіе не можетъ быть почтено достовѣрнымъ, такъ какъ сыновья Ивана Васильевича Прончищева являются въ службѣ уже у внука Іоанна III—Царя Іоанна Васильевича IV, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVI вѣка, т.-е., черезъ 80—90 лѣтъ по выѣздѣ ихъ отца изъ Польши. Среди служилыхъ людей Московскаго государя нѣкоторые изъ Прончи-

Добрые люди разсказывали, будто этотъ владѣлецъ села Богимова былъ въ свое время человѣкъ разумный и добрый, что прежде жилось хорошо въ его семьѣ, что если богатства не было, то и недостатковъ не терпѣлось. Мелкопомѣстнымъ помѣщикомъ его назвать было нельзя, ибо въ Богимовѣ числилось за Прончищевымъ ревизскихъ 100 душъ; земли было при имѣніи достаточно, такъ что можно было жить и не тужить. Оно, въ сущности, и было такъ, но дѣло въ томъ, что Іона Кононовичъ потерялъ нѣжно любимую имъ супругу, отъ которой у него остался сынъ Алеша еще въ колыбели [1]); тогда, ради этого ребенка, онъ призвалъ къ себѣ на жительство сестру свою, Мавру Кононовну [2]), пожилую и степенную дѣвицу; она имѣла и свое маленькое имѣньице; однако, поставивъ тамъ надъ хозяйствомъ смѣтливаго мужичка старосту, рѣшилась переѣхать къ братцу въ Богимово.

щевыхъ стали занимать болѣе или менѣе видныя должности лишь съ начала XVII в., а именно съ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Такъ, Осипъ Яковлевичъ Прончищевъ въ 1617 г. посланъ къ Шведскому королю Густаву-Адольфу для утвержденія Столбовскаго мирнаго договора, а въ 1625 г. былъ посломъ къ Крымскому хану. Его потомство выдвигается на служебномъ и преимущественно дипломатическомъ поприщѣ при преемникахъ царя Михаила Ѳеодоровича въ теченіе всего XVII вѣка. Сынъ Осипа Яковлевича—Аѳанасій Осиповичъ въ 1632 г. ѣздилъ посломъ къ Турецкому султану, а при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1654 г., получилъ чинъ думнаго дворянина; онъ умеръ 30-го декабря 1660 г. О немъ см. «Акты Московскаго государства», изданные Императорскою Академіей Наукъ, подъ редакціей профессора Н. А. Попова, т. I, С.-Пб. 1895 г., стр. 378, 379, 535, 573, и «Русскій Біографическій Словарь», т. П—Р., стр. 63—65. Сынъ Аѳанасія Ивановича Прончищева—Иванъ Аѳанасьевичъ—былъ посломъ въ Швеціи въ 1660 году, затѣмъ служилъ въ разныхъ Приказахъ, участвовалъ въ 1682 г. на Земскомъ Соборѣ, уничтожившемъ мѣстничество, и дошелъ до чина окольничаго (о немъ см. статью В. Д. Корсаковой въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ», т. П—Р., стр. 66—67). Два его сына были стольниками; старшій изъ нихъ—Петръ Ивановичъ (ум. въ 1700 г.) при Царевнѣ Софьѣ получилъ также чинъ думнаго дворянина (см. тамъ же), а меньшой, Михаилъ Ивановичъ (умеръ 1702 г.), служилъ стольникомъ при Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Прончищевы XVII вѣка спускаются въ ряды заурядныхъ офицеровъ реформированной Петромъ Великимъ арміи и не идутъ по службѣ выше чина премьеръ-маіора. *Д. К.*

[1]) Младшій сынъ Іоны Васильевича Прончищева, у котораго было еще 8 сыновей; Алексѣй Іоновичъ родился въ 1751 году, умеръ 6-го марта 1824 г. («Московскія Вѣдомости» 1824 г., стр. 1782); съ 9-го декабря 1788 по 15-е декабря 1791 г. былъ, въ чинѣ секундъ-маіора, Тарусскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства (Н. Булычевъ, назв. соч., стр. LXXXV). *Б. М.*

[2]) Не Кононовну, а Васильевну. *Б. М.*

И вотъ съ той поры въ Богимовѣ жизнь потекла пасмурно, все вокругъ стало глядѣть сентябремъ: таковъ ужъ былъ нравъ у Мавры Кононовны. Надо, конечно, отдать ей полную справедливость въ томъ, что порядокъ въ домѣ она умѣла содержать и нравы блюсти самымъ строгимъ образомъ, но у нея все выходило рѣзко, докучливо, и все окрашивалось мрачными красками. И при ея управленіи тяжело жилось въ Богимовѣ, особенно, когда хозяинъ послѣ параличнаго удара сталъ жить совсѣмъ дѣтскою жизнью.

Къ племяннику своему Алешѣ Мавра Кононовна относилась всегда строго; когда онъ подросъ, она взяла дьячка для обученія его грамотѣ, была весьма довольна его успѣхами, ибо мальчикъ былъ очень смышленый и бойкій: даже для ради преуспѣянія въ наукахъ Мавра Кононовна пригласила ему въ товарищи Прошу Крюкова [1], крестника Іоны Кононовича, сына одного изъ ближайшихъ Богимовскихъ сосѣдей. Такъ вотъ и шло образованіе въ тѣ времена, и бо́льшаго не требовалось, особенно въ провинціяхъ. Если бы отецъ Алеши былъ здоровъ, то, можетъ быть, иначе устроилось бы его жизненное поприще; но при властолюбивой тетушкѣ племянникъ росъ, сознавая вполнѣ надъ собой ея полнѣйшій авторитетъ, да пока и не мечталъ еще ни о какой карьерѣ.

Мавра Кононовна была пресолидная и преосновательная персона. По гостямъ ѣздить не любила; развѣ только въ годъ раза два ѣзжала она на Калужку или въ село Боръ на поклоненіе чудотворнымъ иконамъ; положительно всѣ сосѣди забыли дорогу въ село Богимово съ тѣхъ поръ, какъ она тамъ поселилась.

Напримѣръ, хотя бы священникъ села Богимова, отецъ Даніилъ, который, при покойной супругѣ помѣщика, часто заходилъ въ барскія хоромы, являлся теперь къ Маврѣ Кононовнѣ только по дѣламъ церкви. Надо знать, что сельское духо-

---

[1]) Прохоръ Алексѣевичъ Крюковъ. См. о немъ ниже, въ главѣ V. *Б. М.*

венство было всегда въ большой зависимости отъ помѣщиковъ, которые имѣли всѣ средства помогать священнику и причту, входя въ ихъ домашнія нужды, или же оставаться къ нимъ равнодушными. Ревнуя больше къ церкви, чѣмъ къ ея служителямъ, Мавра Кононовна избрала въ этомъ случаѣ благую часть: она ходила въ церковь, не пропуская ни одной заутрени, прикасалась губами къ рукѣ священника, получая отъ него благословеніе, но она не была склонна видѣть въ немъ человѣка или ближняго; попъ возбуждалъ въ ней даже чувство недовѣрія и враждебности, соединяясь въ ея воображеніи со всѣмъ духовнымъ сословіемъ, къ которому дворянство относилось всегда свысока. Нерѣдко въ обществѣ слышались тогда такія мнѣнія: «Если и хорошій священникъ, а все же кутейническое отродье; а у кутейника глаза завидущіе, а руки загребущія». И Мавра Кононовна была убѣжденій той среды, въ которой родилась и жила. По натурѣ своей она была эгоистична и неспособна смягчаться передъ нуждами ближняго, между тѣмъ, какъ ея собственные интересы выступали въ жизни всегда на первый планъ. Чужая бѣда слабо касалась ея сердца, и если кто спотыкнется на жизненномъ пути, она рѣзко говорила: «по дѣломъ вору и мука». Пользуясь сама отличнымъ здоровьемъ, она не сочувствовала ничьимъ страданіямъ и презирала страждущихъ. Она очень долго сохранила свѣжесть и физическую красоту; можно сказать, что она была классически хороша собой и даже въ старости имѣла длинную густую косу, въ которой не было ни единаго сѣдого волоса. Странно, что при такомъ запасѣ здоровья и силъ душевное ея настроеніе носило мрачный характеръ: все покрывалось въ ея глазахъ неудачей и тяжелыми предчувствіями. Она была убѣждена, что какой-то злой рокъ тяготѣетъ надъ домомъ и родомъ Прончищевыхъ. Предвидѣнія не то пожара, не то крушенія никогда не оставляли ея воображенія.

Она всегда жаловалась, все берегла на черный день: въ Богимовѣ будто никогда не было праздника, а все подрядъ будніе дни. Домашняя провизія была у Мавры Кононовны раздѣ-

лена на возрасты и, достигши, по ея понятію, зрѣлости, являлась на столъ несвѣжею. Зорко наблюдалась подъ счетомъ всякая тряпка въ домѣ; кладовыя и амбары запирались собственноручно самою барышней (такъ называли въ домѣ Мавру Кононовну), и она носила всегда въ большомъ бархатномъ ридикюлѣ связку ключей, которой никогда никому не повѣряла.

Не свѣтлое и не нарядное было дѣтство Алексѣя въ домѣ отца при такой тетушкѣ: немудрено, что нравомъ онъ сдѣлался тоже недовѣрчивъ, упрямъ, даже хитеръ. Власть тетки была слишкомъ сильна, чтобы возможна была съ нею борьба; но не разъ въ дѣтствѣ Алеша съ Прошей забирались черезъ окно въ ея кладовую и устраняли тамъ орѣхи, яблоки и пряники. Послѣ и доставалось же имъ за это, но «съ злой собаки хоть шерсти клокъ». Поучитъ дѣтей Мавра Кононовна розгами, да и спокойна на нѣсколько мѣсяцевъ; въ тѣ времена не задавались наблюденіями за дѣтскими впечатлѣніями или анализомъ дѣтскихъ ихъ характеровъ; тогда не говорили о развитіи дѣтей, но главнымъ принципомъ было держать ихъ въ черномъ тѣлѣ. Несмотря на все это, Алексѣй выросъ и превратился въ статнаго красиваго юношу и наружностью очень походилъ на тетку. Черты его лица были правильны; темные волосы откидывались назадъ, густо обрамляя высокій лобъ; каріе глаза были красивы, но брови надъ ними имѣли способность дрогнуть иной разъ гнѣвомъ и страстью. Ему пошелъ уже семнадцатый годъ. Русскую грамоту онъ хорошо усвоилъ и писалъ куда красивѣе и четче своего учителя, Богимовскаго дьячка, бойко читалъ, даже любилъ заниматься книжками. Мавра Кононовна, вообще недовольная всѣмъ и всѣми, была, однако, удовлетворена степенностью племянника, находила, что его образованіе совершенно соотвѣтствуетъ его дворянскому достоинству, и рѣшила даже, что скоро придется записать юношу на службу царскую: чего ему дома баклуши бить? Обстоятельства, на которыя она всегда жаловалась, сложились, однако, совершенно согласно ея желанія и даже гораздо скорѣе, чѣмъ могла предполагать Мавра Кононовна.

II.

Сельцо Данько́во.

Сельцо Данько́во было въ трехъ верстахъ отъ Богимова и принадлежало Крюкову. Родъ Крюковыхъ весьма древній. Они вышли изъ Большой Орды и вели свой родъ отъ Салахоміра Мирославича, принявшаго при крещеніи имя Іоанна. Одинъ изъ предковъ Крюковыхъ угодилъ великому князю. Онъ былъ женатъ на сестрѣ великаго князя, и Крюковымъ принадлежалъ когда-то городъ Ростиславъ [1]). Минуя то мѣсто, гдѣ по горѣ, мимо Богимовской церкви, вьется крутая проселочная дорога, пойдутъ поля по обѣ стороны ея, и мѣстность дѣлается совершенно ровная, вы проѣдете съ версту,—будетъ поворотъ налѣво: сверните тогда на эту боковую дорогу, проѣзжайте еще съ версту,—и вы доѣхали до сельца Данькова.

Въ лѣтнее время Даньково имѣло видъ особенно привлекательный въ своей скромной деревенской простотѣ. Когда вы къ нему подъѣзжаете, по правую сторону дороги явится передъ вашими глазами большая сажалка, или прудъ, обнесенный валомъ; ивовыя деревья идутъ въ два ряда по этому валу и образуютъ аллею, которая огибаетъ этотъ искусственный прудъ съ одной его стороны, съ другой же стороны ивовая аллея начинаетъ рѣдѣть, деревья стоятъ уже въ одинъ рядъ, склоняются ниже надъ водою, и берегъ безъ насыпи естественно подымается до ея уровня; по этому берегу раскиданы въ безпорядкѣ крестьянскія избушки съ огородами; стоятъ тамъ и сямъ плетневыя клѣтушки и амбарчики.

Садъ тянулся по лѣвую сторону дороги, густой и тѣнис-

[1]) См. «Родословную книгу» князя П. В. Долгорукова, т. II, стр. 113. Отъ одного родоначальника съ Крюковыми происходятъ Апраксины, Вердеревскіе и Хитрово. О Крюковыхъ см. замѣтку Вл. Михайловича: «Старая жалованная грамота»—«Историч. Вѣстн.» 1883 г., кн. 5, и «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза, кн. 32.

Д. К.

тый; онъ былъ обнесенъ хорошимъ плетнемъ, обрытъ канавой, заросшей травой, а подъ плетнемъ густой каймой росъ мелколистный, низкій крыжовникъ и зрѣли на солнцѣ его красныя ягодки. Деревянная крыша и бѣлыя трубы барскаго дома едва виднѣлись изъ-за яблонь, вишенъ, калины и черемухи; тамъ, гдѣ кончался плетень сада, начинался невысокій заборъ барскаго двора съ хозяйственными постройками. Домикъ былъ небольшой; одной стороной онъ точно прятался въ густой садъ, передній же фасадъ, съ каменнымъ бѣлымъ фундаментомъ и крылечкомъ, глядѣлъ весело во дворъ, большой и просторный. Строенія группировались въ немъ не тѣсно; между ними тамъ и сямъ росли ивы, березки и елочки; усадебка была не богатая, но уютная и веселая.

У Крюковыхъ было единственное дѣтище—сынъ Проша, въ которомъ они души не чаяли; отецъ неустанно работалъ ради Проши и денно, и нощно, не брезгая ни сохой, ни бороной, ни заступомъ. При числящихся при сельцѣ Даньковѣ 30-ти ревизскихъ крестьянскихъ душахъ полевыя работы у него шли успѣшно, и всѣмъ жилось въ Даньковѣ хорошо и привольно. Сосѣди завидовали этой мелкопомѣстной дворянской семьѣ.

У Даньковскаго барина мужички забыли, что они крѣпостные и рабы: ни крику, ни расправы не было въ этомъ уголкѣ Тарусскаго уѣзда. Помѣщикъ управлялся со своимъ народомъ какими-то ему одному присущими пріемами и средствами. Народъ этотъ копошился возлѣ него, точно муравьи въ муравейникѣ. Въ этомъ маленькомъ Даньковскомъ государствѣ было тоже министерство; оно состояло изъ двухъ лицъ: Логина и Савишны. Первый былъ и садовникомъ, и кучеромъ, и сторожемъ, вторая же была въ довѣріи у барыни, и на ней лежали всѣ должности по женскому хозяйству: она ходила, что называется, въ ключахъ; затѣмъ, когда Крюковымъ Богъ даровалъ наслѣдника, Савишна усердно приняла его на свои руки и выняньчила его съ великимъ стараніемъ и даже успѣхомъ. Сынъ этотъ былъ крестникомъ Іоны Кононовича

Прончищева и хотя былъ гораздо моложе Алексѣя, но сдѣлался почти единственнымъ его товарищемъ дѣтства и юности. Они учились вмѣстѣ грамотѣ у Богимовскаго дьячка, вмѣстѣ ходили сначала по рощамъ, по грибы и по ягоды, затѣмъ вмѣстѣ стали ходить съ ружьями по болотамъ за дичью или удить рыбу въ бучилахъ.

Характеръ Даньковскихъ помѣщиковъ до того располагалъ къ довѣрію, что Мавра Кононовна даже благоволила къ нимъ и являлась иногда въ Даньково, хотя рѣдкою, но тѣмъ не менѣе желанною гостьей. И Крюковы ко всѣмъ относились съ равнымъ привѣтомъ и радушіемъ; въ Даньковѣ для каждаго посѣтителя изыскивалось и находилось угощеніе или угожденіе. Въ сажалкѣ у нихъ водились крупные караси и налимы; кто поститъ по средамъ и пятницамъ, Даньковская барыня непремѣнно при отъѣздѣ того гостя велитъ всунуть въ экипажъ ведро съ рыбой либо яблоковъ моченыхъ въ узелокъ завяжетъ на дорогу, либо орѣховъ каленыхъ,—добрые и привѣтные были Даньковскіе помѣщики!..

Но не суждено имъ было порадоваться долго на единственнаго сына Прошу: ему было 15-ть лѣтъ, когда онъ лишился обоихъ родителей и тогда онъ остался на попеченіи Логина и Савишны.

Этими двумя существами все продолжало вестись въ Даньковѣ прежнимъ порядкомъ, и, видно, эти порядки имѣли почву твердую, ибо все шло по прежнему масштабу, какъ заведенные часы, и жизнь вовсе не измѣнялась вокругъ молодого наслѣдника и хозяина Данькова.

Проша Крюковъ былъ въ то время высокій, неуклюжій, бѣлокурый юноша, съ полнымъ румянымъ лицомъ; губы его часто складывались въ дѣтскую наивную улыбку, кудри упрямо набѣгали на лобъ, насовывались близко надъ бровями; няня Савишна всякій день собственноручно расчесывала эти кудри и за обѣдомъ подвязывала салфетку большому дитю, — чтобъ, неравно, не облился.

Няня Савишна была высокая, сухопарая старуха; изъ-подъ сѣдыхъ густыхъ бровей ея глядѣли умные сѣрые глаза. Она ходила всегда въ синемъ затрапезномъ сарафанѣ, въ бѣлой занавѣскѣ съ узкими рукавами и повязывала голову темнымъ платкомъ по-старушечьи, степенно и аккуратно, такъ что сѣдые волосы развѣ на вискахъ иной разъ выбивались изъ-подъ него.

И жилъ молодой Крюковъ въ своемъ родовомъ гнѣздѣ весьма счастливо. Онъ часто ѣзжалъ въ допотопныхъ дѣдовскихъ дрожечкахъ къ сосѣднимъ помѣщикамъ, со всѣми дружилъ, со всѣми охотился; онъ былъ любимъ въ околоткѣ и мало заботился о будущемъ. Въ Богимовѣ онъ тоже бывалъ ежедневно; молодые Прончищевъ и Крюковъ видались каждый день, и вотъ мы заглянемъ въ Даньково въ одно іюньское утро.

Это было въ Петровки. Полдень. Въ воздухѣ никакого движенія, на небѣ ни одного облачка. Все тихо вокругъ Даньковской усадьбы.

Въ этотъ день мужички начали косить, едва только заря занялась. Работа шла живо; духомъ обкосили лужокъ, что̀ подъ барскимъ садомъ, поспѣли и на свою работу на лугъ, что позади ихъ огородовъ, подъ рощей.

Къ полудню деревня точно заснула; всѣ отдыхали, прикурнувъ по клѣтямъ, либо гдѣ-нибудь въ холодкѣ.

Въ воздухѣ было душно; на барскомъ дворѣ никого изъ прислуги не было видно: тишина всюду невозмутимая.

Передъ окнами кухни, на веревкѣ, протянутой отъ длиннаго шеста къ черемухѣ, сушилось бѣлье на солнцѣ; подлѣ сруба колодца валялось опрокинутое ведро, стояло корыто, и стадо утокъ, опустивъ носы въ его грязную воду мутили ее, изрѣдка покрякивая. Насѣдка съ цыплятами врылась въ пыльную ямку и мигала глазами отъ яркихъ лучей полуденнаго солнца; сѣрая овчарка-собака нашла тѣнь подъ навѣсомъ амбара; она вытянулась, точно мертвая, свѣсивъ голову между перильцами. Въ домѣ окна были открыты, ситцевыя занавѣски задернуты и не колыхались.

Вдругъ, со стороны сада, по верхушкамъ деревьевъ пробѣжалъ легкій взрывъ вѣтра; онъ точно взъерошилъ макушки черемухи и калины; въ то же время занавѣски въ окнахь шевельнулись въ одну сторону, хлопнуло гдѣ-то плохо затворенное окно, бѣлье заколыхалось на веревкѣ, и вдали послышался глухой раскатъ грома. Сѣрыя облака помчались по небу, заслонили солнце, крупныя капли дождя забили въ тактъ по деревянной крыши дома.

Изъ кухни въ это мгновенье выбѣжала босая дѣвка въ затрапезномъ кафтанѣ. Изъ распахнувшейся двери послышался плачъ ребенка. Дѣвка начала поспѣшно снимать бѣлье съ веревки себѣ на плечо; въ домѣ закрывали окна, дождь усиливался. Собака вскочила на ноги, спрыгнула съ подмостковъ навѣса, побѣжала въ сторону кухни. Она спугнула насѣдку съ цыплятами, которая, громко кудахтая, бросилась подъ амбаръ со своимъ семействомъ. Утки подняли головы отъ корыта, громко закрякали...

На крыльцѣ барскаго дома показались два юноши: хозяинъ Прохоръ Крюковъ и гость его Алексѣй Прончищевъ. Проша сталъ на верхней ступенькѣ крыльца подъ навѣсомъ, охвативъ одною рукой его деревянный столбикъ; онъ подался однимъ плечомъ впередъ, протянулъ руку и, какъ шаловливый ребенокъ, получалъ съ удовольствіемъ падавшія на нее съ крыши струи воды. Глаза его внимательно слѣдили за облаками, которыя то быстро неслись по небу, то замазывали его сѣрою, какъ дымъ, массой. Дождь изъ крупнаго превратился въ мелкій и частый; онъ обѣщалъ разойтись,—громъ только вдали погромыхивалъ. Гроза прошла, видно, стороной, захвативъ Даньково только крылышкомъ.

Алексѣй постоялъ на крыльцѣ, поглядѣлъ на небо и присѣлъ на лавку.

— Гроза пошла дальше, — говорилъ онъ,—а небо замазывается, сулитъ непогоду. Сѣно твое, Проша, въ рядахъ лежитъ, это плохо; у насъ на широкомъ лугу вчера его скопнили—оно вѣрнѣе.

— Что и говорить, — отвѣчалъ Проша и сѣлъ на лавку подлѣ гостя. — Оно если и разведритъ, если и высохнетъ, а все того цвѣта уже не будетъ. Досада! У меня-то, куда ни шло, лужокъ подъ садомъ самый маленькій, копенъ десять тамъ, больше не станетъ, а вотъ мужики нынче весь свой лугъ повалили. Не въ пору этотъ дождь.

Молодые люди сидѣли на крыльцѣ, бесѣдовали, не обращая больше вниманія на дождь, который то усиливался, то опять прекращался. Имъ было такъ хорошо въ это іюньское утро тутъ на крылечкѣ! Воздухъ освѣжился послѣ грозы, травка во дворѣ свѣжая, зеленая; деревья стоятъ подъ дождемъ, точно радуются влагѣ, точно ихъ умываетъ этотъ благотворный небесный благодѣтель!... Няня Савишна приходила не разъ на крылечко: она любила поглядѣть на молодыхъ господъ; отворитъ тихонько дверь, высунетъ изъ-за нея голову и вновь скроется въ хоромы. Она обѣдъ варила: надо все изготовить и накормить дѣтушекъ.

Разговоръ между молодыми людьми перешелъ скоро съ покоса на будущую ярмарку въ Алексинѣ. Она долженствовала быть на самый Петровъ день. Имъ обоимъ очень хотѣлось туда съѣздить: по городу походить, коней поторговать, людей посмотрѣть и себя показать.

— Такъ какъ же это, Алеша,—говорилъ Проша,—такъ-таки мы и не катнемъ на Петровъ день въ Алексинъ? Такъ-таки и потащитъ насъ тетка въ Никольское къ обѣднѣ, чтобъ тамъ потомъ съ ней горшки да черепки покупать—не плоше, какъ въ прошломъ году?

— Вѣрно такъ, не плоше прошлаго года, — отвѣчалъ Алексѣй. — Дѣло мое совсѣмъ не выгораетъ съ тетушкой. Все шло хорошо, она обѣщала денегъ мнѣ дать и коней на ярмарку, а тутъ опять заупрямилась. Будь батюшка, родитель мой, въ своемъ разумѣ, не то бы было, а съ ней одинъ только срамъ. Чего она глядитъ? одно чужое посмѣшество, того и гляди, нашъ приходъ упразднятъ. Али ты думаешь, братецъ ты мой, у тетки денегъ нѣтъ,—я про то знаю, что это неправда. То-то,

у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Она теперь чѣмъ мучится, какъ не этими нашими церковными дѣлами? Я все знаю. На счетъ тѣхъ дѣлъ долго глухо было: какъ вчера, такъ и сегодня, такъ и завтра, все по старому. Теперь же, видно, ожидаютъ движенія въ дѣлахъ. Въ Москвѣ Платонъ митрополитомъ, будутъ перемѣны, попъ говорилъ, что намъ въ Калугу архіерея дадутъ.

— Такъ намъ-то что до этого,—возразилъ Проша, глядя на Алексѣя простодушными глазами. — По мнѣ хоть десять архіереевъ назначай! Они, попы, сами по себѣ, а мы, дворяне, сами по себѣ!

— Чудакъ ты, братецъ,—говорилъ, смѣясь, Алексѣй,—пойми ты, что попъ нашъ пришелъ къ тетушкѣ, доложилъ, что дескать ожидаетъ благочиннаго къ намъ въ Богимово; и тотъ попъ въ камилавкѣ, значитъ, и у насъ будетъ въ домѣ — теткѣ хлопоты да расходы. Раскошеливайся, Мавра Кононовна, тащи изъ чулка полтину, а то и весь рубль, ставь тому попу угощенье! Вотъ съ той поры, какъ попъ приходилъ, тетка словно белены объѣлась: всякаго оборветъ. Парашку побила намедни. Вчера я съ утра изъ дому ушелъ; то на деревнѣ болтался, подъ закатъ солнца съ дѣвками въ сосенникъ за грибами уходилъ; только и думаешь, какъ бы время убить. Вечеромъ это я, однако, приступился къ ней: «тетушка, говорю: какъ же это насчетъ ярмарки? Пожалуйте лошадокъ, вы изволили обѣщать». Не тутъ-то было — и не поминай! Разсердилась, накричала, наотрѣзъ отказала. — Отложи, — говоритъ, — всякое попеченіе о той ярмаркѣ; не тѣ времена, чтобъ по ярмаркамъ кататься: денегъ у меня нѣтъ. Нешто ты не слыхалъ — благочинный будетъ у насъ, надо его угостить. Того и гляди съ сумой пойдешь! Сиди лучше на печи, да не бей посуды.

— Оно вотъ что̀! такъ-то!—вскричалъ Проша.—Попробуй теперь Мавра Кононовна повезти насъ въ Никольское на Петровъ день вмѣсто Алексина! Увидитъ она, что Прохоръ Крюковъ не то, что ея Алеша. Я, братецъ ты мой, коли на то

пошло, посуду въ свои дрожки возьму, какъ и въ прошломъ году — помнишь? — я тогда въ сохранности доставилъ. А теперь — семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ! Всю посуду перебью, одни черепки доставлю въ Богимово!

Молодые люди при такомъ благомъ настроеніи насолить теткѣ покатились оба со смѣху.

Въ эту минуту въ воротахъ показался верховой на сѣрой худой кобылкѣ: то былъ Ираклій, Богимовскій кучеръ. Онъ рысцей подъѣхалъ къ крыльцу, увидалъ молодыхъ господъ, соскочилъ съ лошади, взялъ ее подъ уздцы, снялъ картузъ и подошелъ близко къ крыльцу, кланяясь господамъ въ поясъ. Ираклій былъ низенькій, лысый старичокъ, онъ переминался долго съ ноги на ногу, вперивъ глаза въ упоръ на молодыхъ господъ, и, наконецъ, вымолвилъ старческимъ, дребезжащимъ голосомъ:

— Домой пожалуй, свѣтъ ты нашъ Алексѣй Іонычъ! Родитель твой преставился. Барышня за тобой шлетъ!

При этихъ словахъ оба юноши встали, подошли на самый край крыльца, ближе къ кучеру. Еще, казалось, не замеръ въ воздухѣ послѣдній звукъ ихъ веселаго смѣха, а какой-то голосъ произнесъ слова печали, которую вдругъ не можетъ обнять ихъ воображеніе.

Тутъ вбѣжала на крыльцо старуха-няня; она стала между молодыми людьми, оттолкнула слегка рукой своего Прошу назадъ и, близко нагнувшись къ кучеру: «Чего лѣзешь, Ираклій, прямо къ дѣтямъ?—вскричала она. — Дуралей! Долженъ ко мнѣ черезъ садъ съ чернаго крыльца пройти. Чтó тебѣ надо?»

— Перекрестись, Катерина Савишна! — отвѣчалъ Ираклій: — нешто я самовольно господъ безпокою, на то есть воля барская, чтобъ меня за барчукомъ посылать; на то есть воля Божія, чтобъ старый баринъ нашъ приказалъ долго жить.

Алексѣй перекрестился во всю грудь, глубоко вздохнулъ и прислонился къ столбику крылечка. Проша залился слезами, бросился къ нянѣ на шею, обнялъ старуху своими длинными

руками; онъ рыдалъ и приговаривалъ: «Крестненькій мой, родный ты мой! и ты Богу понадобился!»

Дождь въ это время, какъ нарочно, усилился. Ираклій отыскалъ Логина, запрягли дрожки, подкатили къ крыльцу, и черезъ четверть часа оба юноши ѣхали по дорогѣ изъ Данькова въ Богимово. Ираклій сопровождалъ ихъ верхомъ на своей сѣрой кобылкѣ.

III.

Пора на службу царскую.

Іона Кононовичъ лежалъ уже на столѣ, одѣтый и убранный,—въ ожиданіи долженствующихъ произойти надъ нимъ обрядовыхъ дѣйствій отпѣванія, панихидъ и погребенія,—когда сынъ его прибылъ въ Богимово.

Алексѣй съ Прошей вступили въ столовую, гдѣ лежалъ покойникъ, которому уже ничего не нужно было въ этой земной жизни. Между тѣмъ, движеніе вокругъ него носило характеръ какихъ-то хлопотливыхъ, мятежныхъ заботъ; это всегда такъ бываетъ: тѣ, которые остаются жить, точно усложняютъ свою дѣятельность подъ вліяніемъ великой тайны смерти и небытія.

Что касается Мавры Кононовны, то она была, такъ сказать, въ своемъ элементѣ, какъ рыба въ водѣ: она являлась, по свойству своего нрава, жрицей печали и слезъ. Ея высокая фигура скользила, какъ тѣнь, вокругъ покойника; она отдавала такія точныя приказанія, группировала все такъ прилично въ виду настоящихъ обстоятельствъ.

— Что́ бы я сталъ безъ нея дѣлать? — мелькнуло въ головѣ Алексѣя, когда онъ, ставъ на колѣни подлѣ покойника, творилъ, крестясь, молитву, устремивъ глаза въ уголъ комнаты, гдѣ лампада теплилась передъ иконами въ старинномъ кіотѣ. Проша молился подлѣ него и плакалъ, всхлипывая.

День склонялся къ вечеру; ненастье потушило быстрѣе обыкновеннаго послѣдніе лучи свѣта; въ домѣ закрыли ставни. Изъ церкви принесли паникадилы, покровъ изъ золотой парчи; зажженныя свѣчи ярко освѣтили ее; бѣлымъ облакомъ казалась кисея, накинутая на лицо покойника.

Домочадцы сгруппировались въ одномъ углу комнаты; настало глубокое молчаніе, торжественная тишина; вошелъ священникъ, облачился. Была первая панихида.

Наступила ночь. Проша гдѣ-то уснулъ на диванѣ, не раздѣваясь; Алексѣй долго читалъ псалтырь надъ покойникомъ, затѣмъ почувствовавъ сильную усталость, передалъ книгу дьячку и сѣлъ на стулъ подлѣ буфетнаго шкафа, плотно прислонясь къ нему. Онъ скоро глубоко заснулъ. И снился ему покойный отецъ живымъ, какимъ помнилъ онъ его въ дѣтствѣ, добрымъ и ласковымъ, и снилась ему тетка съ пучкомъ розогъ, и будто свистали эти гибкіе прутья надъ его головой. Потомъ няня спрятала его къ себѣ подъ фартукъ, а фартукъ въ дырахъ, и тетка хлещетъ его жидкими розгами. Затѣмъ явилось ему свѣтлое видѣніе: не то облако, превратившееся въ звѣзду, не то звѣзда, принявшая форму розоваго облака. Тутъ гроза, молнія, громъ, ливень и какой-то лугъ—лѣсъ!... и вдругъ онъ во снѣ сознаетъ, что этотъ лугъ—ихъ широкій лугъ, на которомъ такъ кстати скопнили сѣно подъ непогоду, а лѣсъ—ихъ Богимовскій лѣсъ, именуемый Потресово, лѣсъ, чтó близъ болота за широкимъ лугомъ. И Алексѣй подошелъ къ одной изъ копенъ сѣна на томъ лугу и засунулъ въ нее руку по локоть, чтобы испробовать, насколько сѣно отсырѣло отъ дождя; глядитъ Алексѣй, а на той копнѣ сидитъ старичокъ съ сѣденькой бородкой,—маленькій, чуднóй такой, глазки у того старичка бѣгаютъ, а въ рукѣ держитъ онъ палочку или шестокъ, да указываетъ на Потресово и на болото. Тогда глаза Алексѣя слѣдятъ за движеніемъ палочки въ ту сторону, куда указываетъ старичокъ; затѣмъ изъ копны, не то отъ старичка, слышенъ голосъ и слова: «ищи кладъ». Алексѣева рука, засунутая въ копну, показалась

ему въ эту минуту тяжелая и точно горячая до боли. Онъ выдернулъ руку изъ копны, желая ее освободить,—и проснулся. Когда Алексѣй опомнился отъ сна, было уже утро. Свѣтало. Дневной свѣтъ ложился длинными и бѣловатыми полосами, скользя по полу сквозь щели старыхъ ставней. Огонь отъ свѣчей и лампадъ мерцалъ голубоватымъ пламенемъ; въ комнатѣ слышался сиплый голосъ понамаря, смѣнившаго подъ утро дьячка дял чтенія псалтыря. Алексѣй всталъ и только тогда замѣтилъ тетку на колѣняхъ передъ кіотомъ: она стояла на молитвѣ.

Крестясь во всю грудь, какъ долго оставалась Мавра Кононовна прильнутой къ холодному полу, когда била поклоны! какъ упорно вперяла она свой жесткій взоръ въ темные лики святыхъ въ кіотѣ, когда, поднявшись или, лучше сказать, оторвавшись отъ пола, подымала высоко голову и читала вполголоса молитвы, обращая свои прошенія къ Господу за упокой души вновь преставленнаго боярина Іоны!

Почему бы, кажется, не умилиться Алексѣю, не стать тутъ же на колѣни подлѣ сестры его покойнаго родителя и не присоединить свои молитвы къ ея молитвамъ? Но въ его душѣ возстало чувство, совсѣмъ не похожее на умиленье. Онъ взглянулъ на покойнаго отца; сердце его сжалось, крупныя слезы покатились по щекамъ, и затѣмъ въ эту горькую минуту онъ созналъ, что дорогой покойникъ будетъ недвижимо лежать тутъ, пока его не предадутъ землѣ, а тетушка сейчасъ встанетъ, будетъ ходить и двигаться, шумѣть связкой ключей отъ шкафовъ и амбаровъ и будетъ отдавать приказанія своимъ непріятнымъ голосомъ. Пучекъ розогъ въ ея рукахъ явился тоже въ этотъ мигъ передъ душевными очами юноши, и недоброе чувство шевельнулось въ душѣ противъ тетки.

— Впрочемъ,—мелькнуло у него въ головѣ,—наши съ ней пути въ домѣ измѣняются: я теперь здѣсь хозяинъ.

Мавра Кононовна въ это время встала, ставни отворились, деннной свѣтъ озарилъ комнату; вошла стряпуха и ключница, и въ домѣ началось движеніе. Предстояло немало хлопотъ въ виду

похоронъ. Эта печальная церемонія совершилась на другой день послѣ того утра, когда Алексѣй сознал себя хозяиномъ въ Богимовѣ.

Немногіе изъ сосѣднихъ помѣщиковъ явились отдать послѣдній долгъ покойнику. Его жизнь за послѣднія десять лѣтъ текла подъ вліяніемъ паралича: поддерживать связи и знакомства онъ не могъ, Мавра Кононовна не любила сообщаться съ людьми, а Алексѣй былъ еще такъ молодъ.

Изъ почетныхъ сосѣдей пріѣхалъ, однако, А. С. Раевскій, который пользовался уваженіемъ и авторитетомъ между дворянами Тарусскаго уѣзда [1]); онъ почтилъ своимъ присутствіемъ поминальный обѣдъ, а когда, при отъѣздѣ, молодой хозяинъ вышелъ проводить почетнаго гостя на крыльцо, то онъ потрепалъ его по плечу и сказалъ ему ласково: «Пора тебѣ, Алеша, на службу царскую. Чего будешь здѣсь сидѣть въ Богимовѣ, да голубей гонять?» — прибавилъ онъ, когда сидѣлъ уже въ коляскѣ.

Несомнѣнно, что эти слова стариннаго знакомаго отца указали Алексѣю путь-дорожку изъ родного гнѣзда. Онъ рѣшилъ немедля поступить на службу.

Съ теткой Алексѣй помирился, вмѣсто того, чтобы разойтись съ ней, какъ можно было бы ожидать послѣ впечатлѣній, разсказанныхъ выше. Хитрый и великій эгоистъ въ душѣ, юноша скоро расчелъ всю выгоду для него въ ея заботахъ о домѣ и по хозяйству въ его отсутствіе. Мавра Кононовна вздумала-было укладывать свои сундуки. Она пожелала сдѣлать племяннику сцену отреченія отъ прежней власти, но Алексѣю доложили о ея движеніяхъ и намѣреніяхъ (добрые люди изъ прислуги, желавшіе снискать расположеніе молодого хозяина), такъ что онъ былъ приготовленъ во всеоружіи, когда тетка разъ утромъ

---

[1]) Вѣроятно, Андрей Семеновичъ Раевскій, отставной секундъ-маіоръ, Калужскій помѣщикъ, съ 1785 до 1788 г., въ чинѣ коллежскаго ассессора, бывшій Мещовскимъ Уѣзднымъ предводителемъ дворянства; род. въ 1735 — 1739 г., умеръ 5-го іюня 1801 г. См. Б. Л. Модзалевскій, «Родъ Раевскихъ», С.-Пб. 1908, стр. 40. *Б. М.*

вошла въ кабинетъ покойника, где племянникъ сиделъ у окна, следя за полетомъ галокъ во дворе. Тетка села подле него.

— Слушай, светикъ ты мой, — говорила Мавра Кононовна, опустивъ глаза долу, — мне, сироте, пора убираться восвояси; я уезжаю въ мою Калиновку. — Она глубоко вздохнула, и слезы ручьями потекли по ея щекамъ; при этомъ она очень ловко потянула снурочки своего бархатнаго чернаго ридикюля, который лежалъ у нея на коленяхъ, и вынула изъ него носовой платокъ, затемъ начала громко сморкаться и отирать слезы одною рукой, другою же, взявъ ридикюль за одинъ изъ его кончиковъ, опрокинула изъ него на окно связку ключей, прямо передъ Алексеемъ. — Возьми, прими отъ меня, батюшка, ключи во свое владеніе и распоряженіе, я всегда была тебе радетельница. А коли наше не въ ладъ, то мы со своимъ назадъ.

— Это, тетушка, какъ вамъ угодно будетъ,—отвечалъ спокойно Алексей,—только вы извольте обождать отъездомъ до моего возвращенія. Я еду завтра утромъ въ Тарусу. Лошадей не будетъ вашей милости. Не прогневайтесь, у меня дело спешное, я поступаю на службу, и мне кое-какія бумаги надо выправять.

— Какъ? что́? — говорила удивленная тетка, — на службу, куда?

— Пора, тетушка: я решилъ это вскоре после кончины батюшки. Васъ же смею просить не оставлять теперь моего сиротскаго пепелища. Вы изволите обидеть меня, коль скоро удалитесь изъ Богимова. Я ничемъ отъ васъ того не заслужилъ.

Темъ только разговоромъ и кончилась эта сцена между теткой и племянникомъ. Въ те времена кратче разыгрывались роли на жизненной сцене: не требовалось на то ни остроумія, ни измышленій или же какихъ анализовъ техъ или другихъ чувствъ. Кроме того, въ данномъ случае и тетка, и племянникъ стояли тверже всего на почве своихъ личныхъ, эгоистичныхъ интересовъ: Мавре Кононовне вовсе не хотелось уезжать изъ дома покойнаго брата, къ которому привыкла, Алексей же,

съ своей стороны, смекалъ, что ему вовсе невыгодно раздражать тетку. У нея, онъ это зналъ, водились деньги: въ полку онѣ могли ему пригодиться. На другой же день онъ въ самомъ дѣлѣ съѣздилъ въ Тарусу, устроилъ тамъ свои дѣла, затѣмъ простился съ роднымъ гнѣздомъ и съ тетушкой и уѣхалъ изъ Богимова. Онъ скоро поступилъ на службу въ военное вѣдомство.

IV.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ.

Я покидаю теперь почти что апокрифическій разсказъ о моихъ предкахъ Прончищевыхъ, который составляетъ первую часть моихъ записокъ, и перейду прямо къ нашей семейной хроникѣ въ томъ порядкѣ, какъ она является мнѣ частью по разсказамъ моей матери, бабушки и другихъ лицъ, съ которыми я жила съ дѣтства.

Прежде, однако, необходимо сказать, кто я, и какая связь существуетъ между мною и тѣмъ разсказомъ, точно такъ же, какъ и деревнями, селами и дѣйствующими лицами, съ которыми я познакомила въ немъ читателя.

Я родилась въ Калугѣ въ 1829 г., мая 17 дня.

Меня назвали Екатериной въ честь бабушки, родной тетки моего отца. На седьмой день послѣ моего рожденія я была крещена. Воспріемниками при святомъ таинствѣ крещенія были записаны: дѣдъ мой — князь Петръ Николаевичъ Оболенскій, отецъ моей матушки, и тетушка ея, фрейлина Александра Евгеніевна Кашкина. При купелѣ же стояли дѣйствительными воспріемниками: бывшій въ то время Калужскій губернаторъ князь Александръ Петровичъ Оболенскій и тетушка моего отца — Екатерина Алексѣевна Прончищева. Родитель мой [1]) былъ по-

---

[1]) Алексѣй Владимировичъ Прончищевъ былъ внукъ Алексѣя Іоновича. Въ 1830-хъ годахъ онъ былъ владѣльцемъ села Богимова и единственнымъ представителемъ рода Прончищевыхъ. *Е. С.*

мѣщикъ Калужской губерніи Тарусскаго уѣзда и владѣлецъ села Богимова, гдѣ родился и жилъ почти безвыѣздно. Въ виду же появленія на свѣтъ перваго ребенка, онъ нанялъ въ Калугѣ очень покойный и большой домъ купчихи Хохловой, перевезъ туда мою матушку, чтобъ не подвергнуть ее опасности родовъ въ деревнѣ. Когда же кончилось шесть недѣль послѣ появленія моего на свѣтъ Божій, родители мои уѣхали вновь въ село Богимово, которое было въ 40 верстахъ отъ Калуги.

Къ первымъ воспоминаніямъ дѣтства я должна непремѣнно отнести портретъ моего прадѣда Алексѣя Іоновича Прончищева. Портретъ этотъ висѣлъ въ гостиной, надъ диваномъ, между другими фамильными портретами въ домѣ бабушки Екатерины Алексѣевны Прончищевой [1]) въ ея Спѣшиловкѣ [2]), куда мы ѣздили ежедневно съ моей матушкой съ тѣхъ поръ, какъ я начала себя помнить. Прадѣдъ на этомъ портретѣ изображенъ въ мундирѣ секундъ-маіора Екатерининскихъ временъ. Прическа его напоминаетъ времена, когда начали бросать пудру и только-что оставили ношеніе косъ. Надъ лбомъ волоса взбиты и сегка напудрены, затѣмъ падаютъ длинно по плечамъ. Лобъ упрадѣда высокій, глаза каріе, брови слегка сдвинуты надъ переносьемъ, линія носа правильная и породистая,углы рта, нагнутые немного внизъ, придаютъ лицу выраженіе не то презрительное, не то самоувѣренное; затѣмъ прекрасный цвѣтъ лица великорусскихъ брюнетовъ. Судя по портрету, прадѣдъ, вѣроятно. былъ красивъ. Если бабушка замѣтитъ, что я гляжу на портретъ, то всегда бывало скажетъ:

— Батюшка въ свое время былъ красавецъ.

Но матушка моя не раздѣляла этого мнѣнія съ бабушкой, хотя при ней его не высказывала; я это замѣтила впослѣдствіи.

---

[1]) Екатерина Алексѣевна Прончищева, моя крестная мать и родная тетка моего отца, была дочь прадѣда Алексѣя Іоновича. *Е. С.*

Она родилась въ 1783 году. *Б. М.*

[2]) Сельцо Спѣшиловка принадлежало Екатеринѣ Алексѣевнѣ Прончищевой. Оно лежало въ. 3-хъ верстахъ отъ имѣнія моего отца — села Богимова. *Е. С.*

Разъ даже матушка заявила, что, слава Богу, этого красавица нѣтъ болѣе въ живыхъ... Понятно,—не въ присутствіи бабушки, и это крайне меня удивило.

Затѣмъ я стала замѣчать, что воспоминанія о прадѣдушкѣ принимались всѣми особенно странно въ нашемъ домѣ: люди говорили о покойномъ, понижая всегда голосъ, точно они боялись, что онъ съ того свѣта услышитъ ихъ. Когда же я вошла въ возрастъ самосознанія и стала спрашивать матушку отъ этомъ, то удостовѣрилась въ ея къ нему нерасположеніи. Основаніемъ къ тому былъ характеръ покойнаго: жесткій, неукротимый и деспотическій. Я была тогда такимъ еще ребенкомъ, что эти чувства негодованія противъ прадѣда пугали меня, но дорогая моя матушка была сама тогда очень молода и спѣшила, такъ сказать, внушать дѣтямъ своимъ сочувствіе къ добру и отвращать ихъ отъ зла. Эти чувства весьма понятны, въ особенности же при жизни въ деревнѣ, гдѣ я и сестры мои воспитывались при родителяхъ и были окружены крѣпостными людьми, хорошо помнящими дѣдовскія дѣянія. Матушка, вступая въ домъ своего супруга, послѣ своего замужества завела совсѣмъ новые порядки въ домѣ, многое смягчила, и насъ, конечно, воспитала въ своемъ духѣ относительно крѣпостныхъ людей.

Много разсказывала матушка о горькой жизни въ Богимовѣ при прадѣдушкѣ. Она говорила, что тогда была въ домѣ бироновщина! Невозможно все подробно разсказывать, но мнѣ пришлось найти въ одной книгѣ, напечатанной еще въ 1833 году и озаглавленной: «Послѣдній годъ власти герцога Бирона, портретъ характера этого временщика». Этотъ очеркъ до того сходенъ съ понятіемъ моей матери о прадѣдѣ, что я осмѣливаюсь дать его здѣсь, переписавъ его дословно.

«Онъ былъ весьма честолюбивъ и, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Государыни, не имѣлъ недостатка въ льстецахъ и угодливыхъ поклонникахъ; его вспыльчивость доходила иной разъ до крайности, и тогда не щадилъ онъ никого и нимало не затруднялся въ выборѣ выраженій, которыя были

весьма грубы и дерзки; онъ не умѣлъ и не хотѣлъ таить своихъ чувствованій ни пріязни, ни ненависти; былъ щедръ какъ на похвалы и награды, такъ на порицанія и наказанія; будучи же перемѣнчивъ въ своей благосклонности, отнималъ оную у своего любимца почти безо всякой побудительной причины, вдругъ дѣлался изъ покровителя врагомъ и только въ ненависти своей былъ постояненъ, никогда не забывая нанесенную ему обиду. Въ продолженіе своего благорасположенія къ кому-либо обращался съ нимъ откровенно и бывалъ, вопреки природной молчаливости своей, даже излишне говорливъ; но о чемъ почиталъ за нужное умалчивать, того никакъ нельзя было у него вывѣдать. Предубѣжденіе къ кому-нибудь сильно на него дѣйствовало, и трудно было убѣдить его мыслить хорошо о томъ человѣкѣ, о которомъ онъ по слухамъ составилъ себѣ худое понятіе. Будучи корыстолюбивъ, любилъ, однако, пышность. Онъ былъ статенъ и недуренъ лицомъ, но не умѣлъ нравиться въ обществѣ и не имѣлъ той ловкости, которая есть отличительное качество людей знатныхъ фамилій, съ малолѣтства къ тому пріобвыкшихъ,— качество, неподражаемое въ неисчетныхъ его оттѣнкахъ тонкой вѣжливости и обязательной предупредительности, весьма рѣдко достигаемое тѣми, коихъ судьба возводитъ на сію степень изъ низшаго класса общества. Впрочемъ, Биронъ не имѣлъ недостатка въ способностяхъ, но разумъ его былъ весьма мало образованъ науками» [1]).

Этотъ очеркъ Бирона, вѣроятно, написанный безпристрастнымъ его цѣнителемъ, такъ хорошо совпалъ съ моимъ пред-

---

[1]) «Послѣдній годъ власти Герцога Бирона. Повѣсть, взятая изъ стариннаго архива моего дѣдушки», 4 части, М. 1835 (а не 1833 г., какъ пишетъ Е. А. Сабанѣева). Авторъ повѣсти неизвѣстенъ. *Б. М.*

Отрывокъ изъ этого романа помѣщенъ былъ въ журналѣ «Телескопъ», издававшемся въ Москвѣ Н. И. Надеждинымъ (въ XI книгѣ за 1832 г., стр. 309—346). Авторъ романа пользуется записками современниковъ: Манштейна, князя Я. П. Шаховского, лэди Рондо и др., на которыя у него имѣются цитаты. Характеристика герцога Э. І. Бирона, приводимая Е. Л. Сабанѣевой, находится во II-й главѣ отрывка. *Д. К.*

ставленіемъ характера прадѣда, что я рѣшилась дать его читателю, убѣдившись, что мои личныя о прадѣдушкѣ разсужденія не могли бы вѣрнѣе его воспроизвести.

Правда, что Биронъ былъ придворный временщикъ, между тѣмъ какъ Алексѣй Іоновичъ былъ помѣщикъ Тарусскаго уѣзда, но власть его въ маленькомъ углѣ этого уѣзда была такъ же сильна на его поприщѣ, какъ и власть Бирона.

Дѣянія же прадѣда, имѣющія происходить въ царствованіе Императрицы Екатерины II, мало отличались произволомъ съ дѣяніями Бирона при Аннѣ Іоанновнѣ.

Алексѣй Іоновичъ былъ женатъ на дѣвицѣ Бахметевой, за которой взялъ крупное приданое, и вслѣдствіе этого изъ небогатаго помѣщика превратился въ своемъ уѣздѣ въ крупнаго землевладѣльца. Своею ловкостью и, вѣроятно, умомъ на службѣ тоже онъ достигъ почтеннаго положенія и, оставя ее въ чинѣ секундъ-маіора, игралъ не маловажную роль въ дворянскомъ обществѣ Тарусскаго уѣзда [1]). Въ льстецахъ онъ тоже не имѣлъ вокругъ себя недостатка, и если сопоставить всѣ эти обстоятельства его жизни, то передъ читателемъ можетъ частью оправдаться мое личное о томъ впечатлѣніе и воззрѣніе.

V.

Жена А. І. Прончищева и воспоминанія о немъ П. А. Крюкова.

Перейдемъ теперь къ прабабушкѣ Глафирѣ Михайловнѣ, супругѣ Алексѣя Іоновича. Съ тѣхъ поръ, какъ помню себя съ ранняго дѣтства, надъ ней носился ореолъ святости и благоговѣйнаго уваженія къ ея памяти въ моей душѣ и воображеніи. Она была изъ тѣхъ кроткихъ и чистыхъ созданій, съ которыхъ

---

[1]) По выходѣ въ отставку онъ былъ Тарусскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства съ 9-го ноября 1788 г. по 15-ое декабря 1791 г. *Б. М.*

не можетъ взыскать самый строгій судья. Знаю, что между нею и супругомъ ея произошла какая-то драма, но я не желаю помѣщать ее на страницахъ этихъ Записокъ. Слышала я, что прадѣдушка сильно оскорбилъ свою супругу, затѣмъ Богъ взыскалъ ее тяжкою болѣзнью и она лишилась разсудка. Но умопомѣшательство прабабушки было тихое; она жила въ домѣ мужа въ отдѣльныхъ покояхъ, изъ которыхъ никуда не выходила. У нея былъ свой штатъ прислуги, и она была, какъ дитя: ничего для себя не требовала, почти ни съ кѣмъ не говорила. Единственнымъ ея занятіемъ было вязанье кошельковъ изъ тончайшихъ нитокъ; послѣ ея кончины осталось безсчетное количество такихъ экземпляровъ мѣшечковъ, вывязанныхъ безцѣльно, но весьма изящно и искусно. Въ домѣ ее почитали за юродивую о Христѣ; въ понятіи домочадцевъ она была отмѣчена, какъ взысканная отъ Бога и служащая Его Святой Волѣ своими страданіями. Супругъ, при всемъ своемъ деспотизмѣ, долженъ былъ подчиняться удаленію изъ ея присутствія; въ ней, всегда тихой въ своемъ умопомѣшательствѣ, его появленіе возбуждало страхъ, смѣшанный съ порывами гнѣва. Онъ избѣгалъ показываться ей на глаза, но разъ навсегда было имъ приказано, чтобы барыню покоили.

Въ 1812 году, передъ Бородинскою битвою, прадѣдъ съ семьей собрался выѣхать изъ имѣнія въ Вологду. Французы были въ 60-ти верстахъ отъ Богимова. Когда все было готово для отъѣзда, Алексѣй Іоновичъ приказалъ нести барыню въ приготовленную для нея карету, но она кричала и не соглашалась покинуть своей комнаты. Дочери уговаривали ее, но она легла въ постель, завернулась одѣялами, врылась въ подушки. Супругъ тогда вошелъ въ ея комнату, бросился передъ нею на колѣни и говорилъ:

— Глафирушка, ты погибнешь, кто защититъ тебя отъ врага?

Она скинула съ головы одѣяло, взглянула на него и говоритъ:

— Вотъ моя защита!—При этомъ она указала на икону Василія Великаго, которою ее благословляли при замужествѣ. Затѣмъ Глафира Михайловна вновь закуталась одѣялами и подушками, обратясь лицомъ къ стѣнѣ. Такъ и должны были оставить ее въ Богимовѣ, тогда какъ вся семья уѣзжала въ Вологодское имѣніе. Это разсказывалъ мнѣ мой батюшка, передавая мнѣ икону Василія Великаго, съ которою я никогда не разстаюсь. Я въ то время была уже замужемъ.

Въ Богимовѣ, говорило преданіе, стекла въ домѣ были выбиты отъ пушечной пальбы во время Бородинской битвы. Приходили также мародеры, забрали много съѣстного, но барыни не тронули: она осталась совершенно спокойна. Трудно, однако, вѣрить, чтобы стекла въ домѣ были выбиты, ибо село Тарутино было отъ нашего имѣнія верстахъ въ 70-ти. Этотъ разсказъ я записала со словъ старой Пелагеи, сѣнной дѣвушки прабабушки моей: она по старости лѣтъ иногда завиралась. Пелагея эта жила долго у насъ въ домѣ безъ всякой опредѣленной должности. Помню только, что во время грозы Пелагея брала всегда изъ кіоты икону св. Николая Чудотворца, зажигала восковую свѣчу и обходила нѣсколько разъ вокругъ дома съ иконой и зажженною свѣчей, творя молитву. Мы всегда думали, что и Пелагея особенно угодна Богу. Она была кривая, и вотъ, будучи еще ребенкомъ, бывало спросишь ее:

— Пелагеюшка, отчего у тебя глазокъ кривой?

— Это, сударыня-барышня,—отвѣчаетъ она: прадѣдушка вашъ Алексѣй Іоновичъ изволили выколоть.

Была еще у насъ юродивенькая въ Богимовѣ. Эту, говорили, прадѣдушка чѣмъ-то напугалъ. Звали ее Дарьей Ильиничной. Вѣроятно, она тоже была очень стара, но до чего стройна и пряма! Коричневый суконный кафтанъ такъ ловко сидѣлъ на ней. Она была очень высокаго роста; небольшая головка ея всегда слегка склонена,—однимъ словомъ, вся фигура ея была живописна. Она подвязана подъ бороду бѣлымъ платкомъ, спущеннымъ низко надъ глазами, и улыбка на лицѣ какая-то

дѣтская, одѣта чисто, и коса заплетена. И какая же она была трудящая! Ежедневно ходила она за водой за двѣ версты по нѣскольку разъ въ день въ сосѣднюю рощу, гдѣ былъ ключъ отличной студеной воды. Едва проснешься, бывало, глянешь въ окно, а Дарья идетъ уже съ коромысломъ на плечѣ и двумя ведерками,—это она принесла воды изъ рощи на самоваръ къ чаю. Матушка скажетъ ей:

— Дарья Ильинична, ты стала слаба, небось, стара; зачѣмъ тебѣ воду таскать? Вѣдь все равно взять ее намъ изъ Золотиловки.

— Незамай!—отвѣчаетъ она.—Богъ труды любитъ.

И отвѣчаетъ такъ странно, безъ всякой интонаціи въ голосѣ, безъ всякаго выраженія. И глядишь,—идетъ снова въ рощу маленькой тропинкой, которую протоптала до овражка, гдѣ былъ тотъ колодезь.

Былъ тоже юродивый у насъ въ Богимовѣ; звали его Алексѣй Ивановичъ; тотъ былъ бурный. иногда сердитый: то бранился, то читалъ молитвы. И лѣто и зиму ходилъ босой, несмотря ни на какіе морозы, и всегда въ длинной бѣлой рубахѣ. Онъ тоже поминалъ часто прабабушку въ молитвахъ, называя ее святою.

Въ Богимовѣ не было сада при Алексѣѣ Іоновичѣ. Онъ былъ врагъ всего, что можетъ быть любезно для взора; за то усадебныя строенія были капитальныя: они были вытянуты, точно казармы, и представляли собой массу прочнаго домашняго краснаго кирпича, который, казалось, и въ огнѣ не горѣлъ, и въ водѣ не тонулъ. Строитель не увлекался стилемъ или же украшеніями, а главною его цѣлью была солидность и прочность построекъ.

Большой двухъэтажный домъ въ 25 комнатъ, съ двумя такими же флигелями, конный и скотный дворъ—все это стояло лѣтъ тридцать небѣленымъ: прадѣдъ говорилъ, что строенію надо дать выстояться. Отецъ мой къ свадьбѣ рѣшился выбѣлить усадебныя постройки, домъ внутри оштукатурилъ, затѣмъ за-

велъ сады, разбивъ передъ домомъ правильныя аллеи, которыя засадилъ липами. Былъ у насъ почтенный старичокъ сосѣдъ,— Прохоръ Алексѣевичъ Крюковъ [1]), современникъ прадѣда, знавшій отца моего съ пеленокъ, любившій его, кажется, больше своихъ родныхъ чадъ и читавшій всегда отцу моему мораль. Сидимъ мы, бывало, въ Богимовѣ за рукодѣльемъ въ батюшкиномъ кабинетѣ вокругъ стола; батюшка куритъ изъ пѣнковой трубки, сидя въ дѣдовскихъ креслахъ, а противъ него на маленькомъ диванчикѣ сидитъ старичокъ Крюковъ въ длинномъ коричневомъ старомодномъ сюртукѣ, въ парикѣ; онъ нюхаетъ табакъ изъ черной лукутинской табакерки съ ландшафтикомъ и ведетъ непремѣнно рѣчь, восхваляя прежніе порядки и порицая текущіе. Прохоръ Алексѣевичъ былъ недоволенъ, что батюшка обсадилъ усадьбу липовыми аллеями, и называлъ эти липы смородиной.

— А спрашивается, — говорилъ онъ батюшкѣ: что тебѣ дастъ эта смородина? При дѣдушкѣ твоемъ, два аршина отступя отъ дому,—сейчасъ и поле. Сидитъ, бывало, передъ окошечкомъ, да копны считаетъ въ уборку; у него, шалишь, ничего не стянутъ, ниже единаго снопика! Усердный былъ къ своему добру, оттого и нажилъ.

— Все бренно и все тлѣнно, — отвѣчаетъ обыкновенно батюшка. — Смѣйтесь пока надъ моей смородиной, почтеннѣйшій Прохоръ Алексѣевичъ, а когда выростутъ липы, увидите, какая это роскошь будетъ.

— Роскошь, роскошь! Задалъ бы тебѣ дѣдушка за эту роскошь: липы-то и въ рощѣ растутъ, продавать ихъ не будешь, а хлѣба въ закромахъ у тебя не прибыло. Хозяинъ ты, Алеша,—нечего и говорить.

— Не вамъ бы говорить, Прохоръ Алексѣевичъ, а не мнѣ бы слушать. У васъ въ Даньковѣ развѣ садъ-то плохой? А я у дѣдушки никогда яблочка не видывалъ. Да что поминать прежніе порядки!.. Были, да, слава Богу, прошли!

---

[1]) Тотъ самый Проша Крюковъ, о которомъ авторъ разсказывалъ выше.
Б. М.

— Нѣтъ, свѣтикъ мой, дѣдушкины порядки не такіе, чтобъ прошли. Онъ какого ума-то былъ? — не нашего съ тобой! Не прошли дѣдушкины порядки, когда онъ тебѣ такое сокровище, какъ Богимово, оставилъ. Вѣдь, усадьба-то у тебя—настоящій городъ! — Бѣлокаменная, да и только! Погляди ты только на строеніе!

— Я вотъ что только, Прохоръ Алексѣевичъ, не могу понять въ дѣдушкѣ: зачѣмъ онъ усадьбу перенесъ на эту сторону рѣки? Зачѣмъ онъ ее тамъ, на горѣ не оставилъ, гдѣ была прежняя старая усадьба и церковь? Какая тамъ живописная мѣстность, какой бы паркъ можно было тамъ разбить, да и чего бы я тамъ ни соорудилъ!

— Ну, ужъ это его капризъ былъ. Оно вотъ какъ было это дѣло. Вѣдь кирпичный-то сарай былъ выстроенъ на той сторонѣ рѣки, позади старой усадьбы; кому бы въ голову пришло, чтобъ твоему дѣдушкѣ пришла такая фантазія: весь матеріалъ былъ уже готовъ—вотъ-вотъ, только воздвигай постройки. Не тутъ-то было! Пріѣзжаю это я въ Богимово, пора была осенняя (съ именинъ изъ Жукова заѣхалъ). Дрожки свои я домой отпустилъ, чтобъ не держать человѣка на дождѣ; слякоть такая, да изморозь! Думаю себѣ: пойдутъ у насъ тары да бары, да сладкіе разговоры, — засижусь долго. Вотъ разлетаюсь я къ твоему дѣдушкѣ, а онъ сидитъ, насупившись: значитъ, не въ духѣ. У него были такіе мрачные дни. Ничего себѣ; я свой человѣкъ: взялъ трубочку, закурилъ, похаживаю по комнатѣ. Смотрю въ окно, дождь такъ и хлещетъ въ стекла, въ трубахъ вѣтеръ гудитъ. Вдругъ это вижу я: одна, двѣ, три, т.-е. телѣга за телѣгой съ лошаденками крестьянскими, одна за другой, по горѣ-то тянутся, грязь, скользь,—телѣги вязнутъ колесами по ступицу; мужички погоняютъ своихъ кляченокъ, понукаютъ, помахиваютъ кнутиками, сами лаптями глину мѣсятъ, небось, онучи у нихъ на ногахъ мокрыя, и какъ есть вся тутъ Богимовская барщина. Что за притча, думаю, какія такія тутъ работы производятся? Спросить не смѣю: коли не въ духѣ Алексѣй Іоновичъ,—непремѣнно

оборветъ. Сталъ я передъ окномъ, гляжу—ажъ руками развелъ! Должно, я долго стоялъ: какъ трубку приложилъ опять къ губамъ, она не курится. И покажись это самое смѣшно твоему дѣдушкѣ: какъ захохочетъ онъ, да и говоритъ: «Что, Проша, обжогся?»—Шутникъ тоже былъ, да и надо мною любилъ кашу варить. Затѣмъ подошелъ онъ ко мнѣ, глядитъ тоже въ окно, да и говоритъ, показывая на обозъ: «Видалъ ты, Прохоръ, такіе виды? Это, братецъ, ты мой, доложу тебѣ, кирпичъ у меня теперь возятъ съ этого берега за мельницу, на ту сторону; на той сторонѣ буду строить усадьбу, а не на этой. Понялъ?»

— Такъ говорю, Алеша, значитъ, не перечь моему ндраву—такъ, что ли?

— Такъ, такъ,—говоритъ онъ и развеселился, и пошли мы съ нимъ закусить въ столовую.

— Такъ тоже рылъ онъ съ полгода кладъ, приснившійся ему во снѣ [1]); тоже держалъ всю барщину надъ этой безполезной работой около полугода. Ничего, конечно, не нашелъ, а народу много заморилъ надъ нею.

VI.

Дѣти Алексѣя Іоновича Прончищева.

У Алексѣя Іоновича было три дочери: Евдокія, Софья и Екатерина и единственный сынъ—Владиміръ. Про послѣдняго семейное преданіе говоритъ, что онъ былъ нелюбимъ отцомъ и находился въ полку гдѣ-то въ Остзейскомъ краѣ. Наружностью онъ походилъ на мать, былъ бѣлокуръ въ Бахметевыхъ, по характеру тоже былъ кротокъ и застѣнчивъ [2]).

Меньшая дочь прадѣда А. І., Екатерина, жила всегда при отцѣ

---

[1]) См. выше. *Б. М.*

[2]) Владиміръ Алексѣевичъ Прончищевъ, дѣдъ Е. А. Сабанѣевой, родился въ 1780 г., а умеръ въ 1815 году. (Родословная книга князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, изд. 2-е, т. II, С.-Пб. 1895, стр. 139). *Б. М.*

и посвятила всю свою жизнь попеченію о больной матери. Пути ея жизни были тернисты, исполнены борьбы и истинно христіанскихъ подвиговъ. За нее сватался въ молодости нѣкто Балкъ, человѣкъ умный и достойный; онъ ей нравился, но она отказала ему, пожертвовавъ своимъ чувствомъ долгу: она не рѣшилась оставить больную мать на попеченіе прислуги. Екатерина Алексѣевна по уму была замѣчательна, но нравъ имѣла очень вспыльчивый; у нея тоже были мрачные дни, въ которые всѣ вокругъ нея говорили, что барышня не въ духѣ. Когда же сойдетъ съ нея тотъ мракъ, она точно перерождалась и была умна, увлекательна и любезна. Я съ дѣтства знала ее и очень боялась, но между тѣмъ нѣжно была къ ней привязана и впослѣдствіи, когда стала себя сознавать, глубоко ее уважала.

Батюшка мой не помнилъ своихъ родителей: отецъ его скончался прежде, чѣмъ сынъ увидалъ свѣтъ Божій, мать же— вскорѣ послѣ его рожденія, поручивъ сына Екатеринѣ Алексѣевнѣ, сестрѣ своего покойнаго супруга. Такимъ образомъ, бабушка Екатерина Алексѣевна воспитала моего отца и заступила ему мѣсто матери. Понятно, что у насъ въ семьѣ она пользовалась большимъ авторитетомъ и считалась главою. Она жила въ Богимовѣ до женитьбы моего отца, послѣ же переѣхала въ свое имѣніе, сельцо Спѣшиловку. Очень часто то она у насъ гостила, то мы съ матушкой проживемъ у нея недѣлю или двѣ. Когда бабушка бывала у насъ, то матушка уступала ей мѣсто хозяйки въ домѣ и окружала ее всевозможнымъ почетомъ и уваженіемъ. Мы всѣ очень любили ее, и она была къ намъ очень милостива.

Воспоминанія о бабушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ связаны для меня съ самыми дорогими воспоминаніями моего дѣтства и, кромѣ того, съ нравственнымъ катехизисомъ, который указала мнѣ матушка на пути жизни. Съ бабушкой не легко было ладить при ея живомъ и вспыльчивомъ нравѣ, и матушкѣ приходилось часто терпѣть отъ нея незаслуженные упреки. Бабушка была мастерица дѣлать сцены, а съ батюшкой она умѣла

ссориться и мириться по нѣскольку разъ въ день; милая моя дорогая мать была часто между двухъ огней и съ великимъ терпѣніемъ, тактомъ и кротостью мирила она обѣ стороны, проливая отъ себя такую струю свѣта, которой никакой мракъ не могъ противиться. Привыкшая къ мирному очагу своей родной семьи (матушка моя была урожденная княжна Оболенская), какъ пугалась она сначала волненіями той среды, въ которую попала въ домѣ супруга! Надо удивляться, съ какимъ мужествомъ она боролась съ враждебными ей нравственными стихіями и какъ успѣшно восторжествовала надъ ними. Бабушка впослѣдствіи отвыкла отъ мысли, чтобъ матушка могла чѣмъ-нибудь противъ нея провиниться или даже ошибиться, и отношенія между этими двумя женщинами были полны такого довѣрія другъ къ другу, что обѣ слились въ одну душу и дѣйствовали въ одномъ смыслѣ на пользу семьи и дѣтей.

Екатерина Алексѣевна Прончищева была строительницей новаго храма въ селѣ Богимовѣ; онъ выстроенъ частью иждивеніемъ прадѣда Алексѣя Іоновича, частью ея. Когда Богимовскую усадьбу перенесли на другой берегъ Мышинги, то испросили дозволенія и церковь строить на противоложномъ берегу отъ старой деревянной церкви. Это стоило бабушкѣ немало хлопотъ. Она съ великимъ усердіемъ занималась этимъ великимъ дѣломъ, очень удачно окончила его, посвятивъ на него нѣсколько лѣтъ своей жизни. Новая Богимовская церковь была окончена въ царствованіе Императора Николая I. Главный придѣлъ былъ во имя Успенія Божіей Матери; у насъ этотъ день въ семьѣ было два праздника—храмовой и рожденіе моей матери 15-го августа.

Храмъ Богимовскій былъ хорошей архитектуры; въ немъ было много соразмѣрности, окна тоже давали хорошее освѣщеніе, что́ въ старинныхъ сельскихъ церквахъ рѣдко встрѣчалось; живопись была прекрасная; всѣмъ нравилась наша церковь, и сосѣди охотно ее посѣщали. Она стояла недалеко отъ нашей усадьбы, по дорогѣ въ бабушкино имѣніе. Отъ дому почти до самой церкви была широкая липовая аллея.

Былъ Великій постъ на исходѣ—кажется, Вербная недѣля; бабушка прислала сказать, что будетъ къ намъ, ибо желаетъ поговѣть. Сейчасъ же приказано было приготовить для нея комнаты. Для насъ, дѣтей, ея пребываніе въ домѣ соединялось съ вакаціей, потому что матушка, которая сама давала намъ уроки, при бабушкѣ не имѣла времени нами заниматься. Я была старшая въ семьѣ, а мнѣ было въ то время лѣтъ семь.

Бабушку сопровождалъ всегда большой штатъ прислуги; ѣздила она въ четвероместной каретѣ въ шесть лошадей съ выносными, форейторомъ и двуми лакеями на запяткахъ. Въ каретѣ—масса подушекъ; кромѣ бабушки, сидѣли въ ней: ея компаньонка, горничная Лена и двѣ собачки—Мирза и Журикъ. И вотъ мы ожидаемъ бабушку. Какъ только ея экипажъ покажется по дорогѣ мимо церкви, такъ буфетчикъ Сергѣй Николаевичъ войдетъ въ батюшкинъ кабинетъ, остановится въ дверяхъ и возвѣститъ, что барышня къ намъ жалуетъ,—мы къ окнамъ. Карета въѣхала въ ворота большого двора, и мы бѣжимъ встрѣчать въ переднюю нашу дорогую гостью. Дверь отворяется, входитъ бабушка, укутанная въ шубу, въ большомъ атласномъ капорѣ фіолетоваго цвѣта; ее ведутъ подъ руки, и Лена разстегиваетъ на ходу ея шубу, а лакей принимаетъ ее на свои руки; бабушка садится на диванъ, и съ нея снимаютъ теплые бѣлые лохматые сапоги, осоюзенные бѣлымъ сафьяномъ. Мы должны все время смирно стоять; затѣмъ бабушка проходитъ въ батюшкинъ кабинетъ, гдѣ ее усаживаютъ на диванъ. Мы, между тѣмъ, приняли отъ лакея ея двухъ собачекъ и несемъ ихъ на рукахъ за бабушкой, что́ составляетъ для насъ большое удовольствіе; но мы отнюдь не должны при этомъ забывать, что съ бабушкой слѣдуетъ поздороваться, а этого никакъ нельзя сдѣлать, пока она не сниметъ капора и безчисленнаго множества платочковъ и косыночекъ, которые на нее накутаны. Мы стоимъ противъ нея и ожидаемъ. Наконецъ снятъ послѣдній шарфикъ, и бабушка осталась въ однихъ волосахъ. Тогда ей было лѣтъ подъ семь-

десятъ, а въ ея темнорусыхъ косахъ, которыя она носила, закладывая ихъ по-дѣтски вокругъ головы, не было еще сѣдыхъ волосъ. Эти глянцевитые темные волосы гладко лежали надъ ея невысокимъ лбомъ и немного вились надъ висками. Говорили, что она была очень хороша въ молодости, высока и стройна. Глаза ея были каріе, очертаніе лица мягкое, черты тоже мягкія, носъ породистый, прямой, безъ горбика, а ноздри имѣли способность раздуваться подъ вліяніемъ душевнаго волненія; выраженіе ея лица такъ часто мѣнялось, и довольно полныя губы раздувались въ гнѣвѣ, выражая такъ откровенно, что она сердится. За то при улыбкѣ углы ея рта подымались вверхъ особенно пріятно, придавая ея лицу сдержанно-лукавое выраженіе. Игра ея лица производила на меня всегда глубокое впечатлѣніе: такъ вотъ и догадаешься, чего она хочетъ, и что ей нравится, и что ей не по-нутру. Я замѣтила, что скрывать свои чувства она не умѣла, да, кажется, и не могла, оттого и была часто рѣзка. Если ей приходилось принять une mine de circonstance, хотя бы, напримѣръ, въ гостиной, то выходило смѣшно. Подчиняться модѣ или этикету она никогда не могла: всегда утрировала оборки своихъ чепцовъ, цвѣта матерій на платьяхъ и вообще мало обращала вниманія на впечатлѣніе, которое производила на другихъ.

Но пора вернуться къ моему повѣствованію. Итакъ, когда послѣдній шарфикъ снятъ, то Лена уноситъ всѣ аттрибуты зимняго кутанья и подаетъ бабушкѣ чепецъ именно съ преширокой оборкой и бридами изъ газовыхъ лентъ. Когда онъ уже на головѣ у бабушки, мы чинно подходили къ ней къ рукѣ. Въ это время показывается няня въ дверяхъ кабинета; она несетъ на серебряномъ подносѣ весь чайный приборъ и ставитъ его на круглый столъ противъ бабушки, которая послѣ самаго краткаго путешествія любила кушать чай.

Бабушка Екатерина Алексѣевна была большая рукодѣльница: изъ ея рукъ выходили замѣчательно изящныя работы. Она много вышивала для нашего храма. Помню по серебряному

глазету воздухи, которые обновили на храмовой нашъ праздникъ. По канвѣ золотомъ она вышивала безъ очковъ до глубокой старости. По поводу вязанья шерстями я слышала отъ нея слѣдующія воспоминанія изъ ея молодости.

— Теперь, — говорила она, — берлинская и англійская шерсть такая обыкновенная вещь,—ею хоть прудъ пруди; въ мое же время она была рѣдкостью; ее употребляли только большія барыни. Въ высшихъ сферахъ общества было доступно вышивать ковры; у насъ же въ деревнѣ и понятія о томъ не имѣли. Я смолоду была охотница до работъ, но шерсти купить и подумать не смѣла: батюшка такъ бы прогнѣвался, еслибъ я осмѣлилась заикнуться о покупкѣ такого цѣннаго товара. У насъ вѣдь все было домашнее: шерстяные чулки мы носили, конечно, изъ домашней шерсти, не говоря уже о бѣльѣ— все изъ домашняго холста. И столовое бѣлье то же самое. У насъ-то все матушкины Ярославскіе мужички привозили — это входило въ ихъ оброкъ. Но и въ Богимовѣ отлично пряли и ткали; мы съ сестрами носили по буднямъ платья изъ домашней холстинки, по воскресеньямъ только ситцевыя. Я была меньшая изъ сестръ, и мнѣ первое бѣлое канифасовое платье сшили, когда я была взрослой дѣвицей лѣтъ 18-ти. Такъ вотъ насчетъ шерсти я стала разсказывать. Гостила я одно время у Кашкиныхъ въ Прыскахъ (изъ Оптиной пустыни [1]) къ нимъ заѣзжала) и видѣла у ихъ гувернантки прелестную подушку, вышитую берлинскою шерстью; узоръ то я перерисовала, и канвы мнѣ подарили: за малымъ дѣло оставалось — нѣтъ у меня шерсти. Какъ тутъ быть? Тогда добрые Кондыревы [2]) вошли въ мое спасенье: у нихъ были шленскія овцы, такъ они велѣли начесать шерсти изъ душекъ (это та шерсть, что на груди и подъ шеей у овецъ, такъ называется); эту шерсть вымыли и привезли мнѣ. У насъ Пелагея хорошо

---

[1]) Оптина пустынь—монастырь въ трехъ верстахъ отъ Козельска. *Е. С.*

[2]) Кондыревы—сосѣди и большіе друзья Екатерины Алексѣевны Прончищевой. *Е. С.*

и ровно пряла, — и вышла мягкая, довольно хорошая шерсть, но бѣлая вся, а узоръ безъ тѣней вышивать нельзя. Что же бы вы думали? — я сама покрасила шерсть, и вышло очень недурно, такъ что я вышила коверъ. Когда-нибудь я вамъ его покажу.

Еще по поводу своей страсти къ цвѣтамъ бабушка разсказывала слѣдующее. «Это была всегда такая оказія, — моя страсть къ цвѣтамъ, — говорила она: бывало, только въ людяхъ и полюбуешься ими, дома и подумать не смѣй посадить цвѣточковъ; ни смородины, ни малины у насъ не было. Батюшка ничего такого терпѣть не могъ, называлъ все это пустяковиной. Развѣ что подсолнечникъ на огородѣ допускался; бузина гдѣ-то подлѣ кухни разрослась, — и ту велѣлъ вырубить. Когда, однако, послѣ кончины брата батюшка заболѣлъ [1]), и все хозяйство перешло на мои руки, то и пришелъ ко мнѣ разъ приказчикъ, да и говоритъ: «Осмѣлюсь доложить вашей милости: подъ скотнымъ дворомъ мѣстечко пустуетъ, а земля хорошая,—не благоволите ли ее мнѣ подъ огородъ пожаловать? Мы съ женой сами ее обработаемъ, горошку да бобковъ насадимъ». Я подумала, подумала, да и позволила и велѣла то мѣстечко плетнемъ забрать. Да и сама стала тамъ садить; то смородины, то малинки; цвѣтовъ развела, розы были, левкой, только души нѣтъ, бывало: боишься, какъ бы батюшка не свѣдалъ!

Такимъ образомъ текла жизнь бабушки въ родительскомъ домѣ, всегда подъ страхомъ, всегда въ тревогѣ между больною матерью и деспотомъ-отцомъ. Повѣрятъ ли тоже, что она не только цвѣты сажала потихоньку отъ своего родителя, но и французскому языку втайнѣ отъ него выучилась и говорила на этомъ языкѣ не очень чисто, но поддерживать разговоръ могла. Много читала и много себя образовала. Екатерина Але-

---

[1]) Какъ сказано было выше, Алексѣй Іоновичъ Прончищевъ умеръ въ 1824 году, а его сынъ Владимиръ—въ 1815. *Б. М.*

ксѣевна была замѣчательная женщина по уму и способностямъ; характеръ же ея и душевныя силы пріобрѣтали особое мужество въ этой борьбѣ съ дикими предразсудками и тяжелыми семейными драмами.

Прадѣдъ не допускалъ мысли о воспитаніи дѣтей: въ тѣ времена чада должны были удерживаться въ черномъ тѣлѣ въ домѣ родителей, и онъ за порокъ считалъ, чтобы русскія дворянки, его дочери, учились иностраннымъ языкамъ.

— Мои дочери не пойдутъ въ гувернантки, — говорилъ Алексѣй Іоновичъ.—Онѣ не безприданницы: придетъ время, повезу ихъ въ Москву, найдутся женихи для нихъ.

Вотъ какъ прадѣдъ возилъ дочерей въ Москву, людей посмотрѣть и себя показать.

Это было въ началѣ царствованія Императора Павла Петровича. Было слышно, что дворъ будетъ въ Москвѣ, значитъ будутъ празднества. Бѣлокаменная всегда ликуетъ, когда монархъ почтитъ ее своимъ присутствіемъ. Алексѣй Іоновичъ нанялъ домъ въ Москвѣ на три мѣсяца и зимнимъ путемъ поѣхалъ съ двумя старшими дочерьми,—Евдокіей и Софьей,—въ столицу. Разсчетъ былъ вѣрный. Государь былъ въ Москвѣ, и едва успѣли сшить на Кузнецкомъ мосту бальныя платья для Калужскихъ барышень, дѣвицъ Прончищевыхъ, какъ зимній сезонъ открылся баломъ, который монархъ почтилъ своимъ присутствіемъ. Это былъ первый выѣздъ дѣвицъ Прончищевыхъ, но какъ далеки онѣ были отъ мысли, что онъ будетъ и послѣдній! Дня три спустя послѣ этого бала Алексѣй Іоновичъ приказалъ дочерямъ свечера укладываться и собираться въ дорогу. На утро подвезли подъ крыльцо просторный деревенскій возокъ,—и Богимовскій властелинъ увезъ дочерей во-свояси.

Домашніе удивились этому быстрому возвращенію изъ столицы, сосѣди еще болѣе; пошли разные толки, но прадѣдъ отмалчивался, и никто не узналъ причины этой внезапной перемѣны въ его предположеніяхъ. Наёмъ дома въ Москвѣ такъ и остался безплоденъ: видно, не всегда можно стремиться

къ своей цѣли безпрепятственно. Бабушка, которая разсказывала объ этомъ моей матушкѣ, объясняла это быстрое возвращеніе прадѣда изъ столицы страхомъ его за старшую дочь, которая своей красотой обратила на себя вниманіе Государя, такъ что на другой день послѣ бала было сдѣлано изъ дворца освѣдомленіе о чинѣ отца Калужской красавицы.

— Батюшка,—говорила бабушка:—не желалъ фавора для сестры при дворѣ и скорѣе увезъ ее въ деревню. Матушка моя видѣла эту тетку моего отца, когда она была уже не молода, но и тогда она еще сохраняла слѣды замѣчательной красоты.

По возвращеніи изъ Москвы прадѣдъ, будто осердясь за неудачную поѣздку, поспѣшилъ найти дочерямъ жениховъ въ деревнѣ. Старшую, красавицу Евдокію, выдалъ замужъ за князя Якова Алексѣевича Несвицкаго [1]), человѣка богатаго, но мало подходящаго ей по лѣтамъ: ей было 17, а супругу ея подъ семьдесятъ [2]). Вторая дочь, Софья, была выдана за Арбузова. Алексѣй Іоновичъ наградилъ дочерей хорошимъ приданымъ.

VII.

„Скажи мнѣ, съ кѣмь ты знакомъ,—я скажу, кто ты".

Чтобы лучше выяснить предъ читателемъ характеръ бабушки Екатерины Алексѣевны, считаю полезнымъ дать ему понятіе о ея друзьяхъ. Она являлась до сихъ поръ въ своей

---

[1]) Князья Несвицкіе, бывшіе удѣльные князья города Несвижа, въ настоящее время уѣзднаго города Минской губерніи, происходятъ, по всей вѣроятности, отъ древнихъ мѣстныхъ Литовскихъ «кунигасовъ», но не дома Гедимина. Предокъ ихъ, князь Василій Несвижскій, выѣхалъ изъ Литвы на службу Московскаго государя въ 1508 г. (см. В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ: «Родословный Сборникъ», т. II, стр. 166). *Д. К.*

[2]) Авторъ ошибается: князя Несвицкаго звали Яковъ Николаевичъ; онъ былъ отставнымъ артиллеріи подпоручикомъ (1824), родился въ 1753 году и умеръ до 1835 г. (тамъ же, стр. 169),—слѣдовательно, ему было не подъ семьдесятъ а подъ *пятьдесятъ* лѣтъ, когда онъ женился. Его сынъ, князь Николай Яковлевичъ, въ 1850—1851 г. былъ Калужскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства. *Б. М.*

семьѣ передъ его глазами, какъ дочь деревенскаго сквайра, т.-е. помѣщика 1770-хъ годовъ; посредствомъ же ея друзей я надѣюсь дать болѣе обширное понятіе о ея мѣстѣ и значеніи въ обществѣ.

Я живо помню прекрасный портретъ у бабушки, которымъ она очень дорожила. Это былъ поясной портретъ, писанный на полотнѣ масляными красками въ Италіи. Лицо, какъ живое, а соболь и пунцовый бархатъ кацевейки, накинутой на плечи старушки, которая на немъ изображена, хочется погладить рукой,—такъ мастерски они вышли на полотнѣ подъ кистью художника. То не былъ портретъ, напоминающій молодую пору жизни, но передъ вашими глазами является умное лицо старушки съ тѣмъ пытливымъ взоромъ, который будто приглашаетъ не горячиться, глядя на суеты міра сего; улыбка на устахъ, немного лукавая по-женски, и выраженіе этого лица возбуждаютъ въ васъ желаніе познакомиться съ тою, которую вы видите тутъ на полотнѣ. Оборка тюлеваго чепца, бриды и бантикъ изъ газовыхъ лентъ, вышивка гладью на батистовомъ бѣломъ шарфѣ, который пышно лежитъ вокругъ шеи надъ большимъ собольимъ воротникомъ кацевейки,—всѣ эти детали превосходно исполнены; то былъ портретъ Прасковьи Юрьевны Кологривовой [1]).

Бабушка Екатерина Алексѣевна часто ѣзжала гостить въ Жарки, Калужское имѣніе Кологривовыхъ, въ 12-ти верстахъ отъ нашего Богимова. Между нею и Прасковьей Юрьевной велась давняя и тѣсная дружба. Прасковья Юрьевна Кологривова была въ первомъ бракѣ за княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ, который былъ убитъ во время Варшавскаго возмущенія

---

[1]) П. Ю. Кологривова, рожд. княжна Трубецкая (род. 1762, ум. 24-го апрѣля 1846 г.), жена отставного полковника Петра Александровича Кологривова, за котораго вышла послѣ смерти перваго своего мужа, князя Ѳедора Сергѣевича Гагарина (род. 1757, ум. въ 1794 г., а не 1795, какъ ниже говоритъ Е. А. Сабанѣева). Женщина веселая, живая, энергичная, она пользовалась большимъ вліяніемъ въ административныхъ сферахъ. Грибоѣдовъ вывелъ ее въ «Горѣ отъ ума» подъ именемъ Татьяны Юрьевны (См. «Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ», т. I, стр. 445 и др.). *Б. М.*

1795 года. Княгиня Прасковья Юрьевна удивила въ то время своимъ мужествомъ. Вѣсть, что супругъ ея убитъ, достигла до нея ночью; не медля ни минуты, княгиня, взявъ съ собой нѣсколько солдатъ съ фонарями, отправилась на мѣсто кровавой драмы и отыскала трупъ князя между убитыми. Въ эту минуту ее арестовали, и она, такъ же, какъ и многія другія русскія дамы въ то время, находилась нѣсколько дней подъ стражей и въ заключеніи.

При жизни перваго своего супруга, по положенію и богатству, Прасковья Юрьевна принадлежала къ высшему кругу Петербургскаго общества; въ молодости она бывала при дворѣ Императрицы Екатерины и пользовалась тамъ общимъ уваженіемъ. Она была хорошо образована, очень умна и держала себя всегда очень самостоятельно, не увлекаясь скептическимъ направленіемъ, которое преобладало тогда въ обществѣ. При дворѣ ее называли ханжой, не менѣе того уважали за благочестіе и скромность. Про нее разсказывали слѣдующее. Однажды (не могу утверждать, чтобъ это было во дворцѣ, однако, говорятъ, въ присутствіи Императрицы Екатерины) Потемкинъ сидѣлъ въ обществѣ на вечерѣ подлѣ княгини Прасковьи Юрьевны, въ разговорѣ съ нею осмѣлился сказать молодой и прекрасной княгинѣ Гагариной какую-то двусмысленность: недолго думая, княгиня подняла руку и дала ему очень громкую пощечину. Это тогда надѣлало много шуму при Дворѣ.

Послѣ смерти перваго супруга княгиня Гагарина осталась вдовою съ большою семьей на рукахъ и съ крупнымъ, но разстроеннымъ состояніемъ; она тяжело переживала потерю мужа, желала уединенія отъ мірскихъ суетъ, но, имѣя много дочерей, должна была для нихъ поддерживать свѣтскія и придворныя связи. Тогда на пути ея жизни встрѣтился человѣкъ, который принялъ въ ней и ея дѣлахъ большое участіе: это былъ Петръ Александровичъ Кологривовъ. Онъ помогъ распутать какой-то процессъ по имѣнію покойнаго князя Гагарина, затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, сдѣлался вторымъ супругомъ княгини Прасковьи

Юрьевны, которая умѣла оцѣнить его здравый умъ и доброе сердце.

Старшія дочери [1]) ея были тогда уже замужемъ и неблагосклонно смотрѣли на отчима; несмотря на это, между стариками-супругами Кологривовыми была полная гармонія. Они часто жили въ ихъ Калужскомъ имѣніи,—Жаркахъ. Прасковья Юрьевна говорила, что тамъ она отдыхаетъ отъ столичнаго шума; Кологривовы въ Жаркахъ почти никого не принимали, кромѣ людей самыхъ близкихъ, изъ которыхъ была и бабушка моя, Екатерина Алексѣевна Прончищева.

Дружба Прасковьи Юрьевны имѣла большое значеніе для бабушки; она отдыхала тамъ въ домѣ этой большой барыни (grande dame) отъ тяжелой жизни въ домѣ отца. Нравы въ домѣ Кологривовыхъ были очищены отъ сора помѣщичьей безотрадной, будничной жизни въ Богимовѣ. Вмѣсто расправы съ крѣпостными, у Кологривовыхъ она встрѣчала заботу о рабахъ, попеченіе о нихъ. И эти лучи свѣта очищали ея душу отъ предразсудковъ, среди которыхъ она провела свое дѣтство и юность, а уваженіе и дружба Прасковьи Юрьевны поддерживали ея мужество на пути ея самоотверженной жизни. Я помню, какъ любила бабушка разсказывать о благочестивой жизни у Кологривовыхъ, о привычкахъ, вкусахъ и мнѣніяхъ Прасковьи Юрьевны. По возвращеніи изъ Жарокъ, бабушка привозила домой изящные канвовые узоры, выкройки, рецепты для вареній, пирожныхъ; это радовало ее и вносило движеніе въ ея одинокую жизнь въ старости; ранѣе же ей было еще болѣе потребности въ нравственной поддержкѣ, которую она получала отъ дружбы съ Кологривовой.

Григорій Ильичъ Раевскій [2]) приходился двоюроднымъ бра-

---

[1]) Одна была замужемъ за княземъ Борисомъ Антоновичемъ Четвертинскимъ, другая—за княземъ Вяземскимъ; и остальныя ея дочери сдѣлали блестящія партіи.

Е. С.

Княжна Вѣра Ѳедоровна Гагарина была за княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, извѣстнымъ писателемъ. *Б. М.*

[2]) Г. И. Раевскій, служившій въ 1795 г. въ Астраханскомъ гренадерскомъ полку,

томъ бабушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (кажется, по Бахметевымъ) [1]). Я хорошо его помню. Онъ сохранилъ въ своей внѣшности и манерахъ формы и пріемы дворянина временъ Императора Павла Петровича. Рѣчь его была цвѣтиста, онъ отличался утонченною учтивостью, нѣкоторою сентиментальностью тогдашняго романтизма. Онъ ни за что не хотѣлъ слѣдовать новѣйшимъ модамъ, но одѣвался по послѣдней модѣ своей юности. Сюртуки его были очень длинны, жабо и манжеты—большихъ размѣровъ и ослѣпительной бѣлизны. Рѣдко можно было встрѣтить такого изящно-красиваго старца, каковъ былъ Раевскій; матушка моя очень его любила и была расположена думать, что въ его жизни долженъ былъ произойти какой-нибудь романъ. И когда впослѣдствіи она пріобрѣла полное довѣріе бабушки, та повѣрила ей слѣдующее сказаніе о Григорьѣ Ильичѣ. Какъ близкій родственникъ, онъ былъ вхожъ къ нимъ въ домъ, часто бывалъ и гостилъ въ Богимовѣ. Затѣмъ онъ страстно влюбился въ старшую ея сестру, Евдокію Алексѣевну, быть можетъ, и она не была къ нему равнодушна, но въ тѣ времена помысла о бракѣ между такими близкими родственниками и быть не могло. Тутъ совершилась неудачная поѣздка въ Москву прадѣда съ дочерьми, быстрое возвращеніе, и сейчасъ же послѣ того двѣ свадьбы: Евдокія Алексѣевна сдѣлалась княгинею Несвицкой. Съ великимъ прискорбіемъ и борьбой вынесъ Григорій Ильичъ потерю любимой дѣвушки; онъ уѣзжалъ тогда куда-то на долгое время и не возвращался въ ихъ семью, пока не пережилъ остраго періода своего горя, затѣмъ долженъ

потомъ служилъ по Коммиссаріатской части, будучи при Имп. Павлѣ кригсъ-цалмейстеромъ, а въ 1799 г. былъ уже въ отставкѣ. Богатый помѣщикъ Калужскаго и Московскаго уѣздовъ, онъ 2-го іюля 1835 г. продалъ гвардіи штабсъ-капитану князю Николаю Яковлевичу Несвицкому (сыну княгини Е. А. Несвицкой, рожд. Прончищевой) свое родовое имѣніе—Лихунъ-Коротаево въ Калужскомъ уѣздѣ; въ 1845 году онъ жилъ въ Москвѣ; женатъ не былъ (Б. Л. Модзалевскій, Родъ Раевскихъ, С.-Пб. 1908, стр. 38). *Б. М.*

[1]) Поручикъ Николай Михайловичъ Бахметевъ, братъ жены Алексѣя Іоновича Прончищева (женатаго на Глафирѣ Михайловнѣ Бахметевой), приходился дядей и Григорію Ильичу Раевскому, и Екатеринѣ Алексѣевнѣ Прончищевой. *Б. М.*

былъ покориться дѣйствительности. Княгиня, которая была женщина суетная и тщеславная, не оцѣняла его страданій, но Екатерина Алексѣевна очень сочувствовала Григорію Ильичу, вела съ нимъ постоянную переписку, и между ними установилась самая тѣсная дружба, продлившаяся до конца ихъ жизни.

Княгиня Несвицкая была любимою дочерью Алексѣя Іоновича. Бабушка говаривала всегда, что прадѣдъ никогда не перечилъ Дунюшкѣ, только бы съ ней не разставаться. Князь Несвицкій былъ очень богатый человѣкъ и имѣлъ большія вотчины въ Калужской же губерніи, но рѣдко ѣзжалъ въ свои имѣнія, а постоянно гостилъ у тестя въ Богимовѣ съ многочисленнымъ своимъ семействомъ.

По разсказамъ бабушки, да и по семейнымъ преданіямъ, ясно видно, что она несла ношу всѣхъ жизненныхъ бременъ въ своей семьѣ. Княгиня Несвицкая наряжалась, ѣздила по гостямъ, а Екатерина Алексѣевна вела хозяйство и занималась воспитаніемъ дѣтей сестры Несвицкой, которыхъ было восемь человѣкъ; затѣмъ она же воспитала моего отца и осиротѣвшую племянницу Арбузову (дочь сестры ея Софьи Алексѣевны), которая рано лишилась матери. Князь и княгиня Несвицкіе скончались тоже весьма скоро одинъ за другимъ, и ихъ семья тогда уже не разставалась съ Екатериной Алексѣевной; она же и вывозила племянницъ въ Москвѣ, живя въ домѣ Несвицкихъ зимою на Прѣсненскихъ Прудахъ, и въ эту пору жизни Григорій Ильичъ много помогалъ ей въ ея заботахъ. Онъ не имѣлъ своей семьи, былъ человѣкъ богатый и независимый; его воздержная, скромная жизнь давала ему права на полное уваженіе въ обществѣ; для осиротѣвшей семьи Несвицкихъ онъ сдѣлался другомъ и руководителемъ. У нихъ въ семьѣ его всѣ любили и почитали; безъ совѣта дядюшки Григорія Ильича ничего серьезнаго не предпринималось. Мой батюшка, который воспитывался съ Несвицкими въ домѣ прадѣда, любилъ и уважалъ Григорья Ильича, какъ родного отца.

VIII.

Ромео и Юлія въ селѣ Богимовѣ.

У батюшки моего было бюро изъ корельской березы очень хорошей работы. Оно стояло въ его кабинетѣ подлѣ большого вольтеровскаго кресла прадѣда. Ключъ отъ ящиковъ этого бюро былъ очень оригинальной формы,—съ сердечкомъ въ верхней части, тяжелый и гладко такъ отшлифованный. Когда отпираешь ящикъ стола, то замокъ издаетъ дискантовый металлическій звукъ, весьма пріятный. Я съ раннихъ лѣтъ пользовалась довѣріемъ моего отца и была дѣвочкой лѣтъ десяти, когда онъ довѣрялъ мнѣ этотъ ключъ, и я знала, гдѣ лежатъ его бумаги, портфели, деньги и нѣкоторыя цѣнныя вещи: кольца, дѣдовскія табакерки, часы. Батюшка мой былъ очень брезгливъ, имѣлъ много причудъ и предразсудковъ, и я одна въ домѣ умѣла ему угождать. Напримѣръ, если онъ довѣрялъ кому-нибудь ключъ отъ своего стола, то требовалъ, чтобъ оный возвращали ему изъ рукъ въ руки. Боже упаси положить ключъ на столъ противъ него!— это его сильно раздражало, ибо есть примѣта, что ключъ, не возвращенный хозяину изъ рукъ въ руки, предвѣщаетъ ссору въ домѣ. Точно также опрокинутая солонка заставляла блѣднѣть моего отца, и сколько разъ эти солонки летали у насъ со стола—лѣтомъ въ окно, зимою въ форточку, какъ бы для того, чтобы разрушить силу предвѣщанія; тринадцати человѣкъ у насъ за столъ никогда не садилось.

Батюшка мой былъ нервный, какъ женщина, и страдалъ всегда припадками меланхоліи, скуки, тоски какой-то. Матушка моя, которая была, напротивъ, очень живая и дѣятельная, порицала эти припадки, и батюшка призывалъ меня часто къ себѣ въ такія тяжелыя минуты и заставлялъ меня болтать съ нимъ· это его развлекало. Въ домѣ говорили, что я его любимица и сходна съ нимъ какъ характеромъ, такъ и наружностью. Ба-

бушка тоже говаривала моему отцу про меня: «Катя — точно твоя покойная мать, Алеша, вылитая Юлія Ивановна!» Я очень поздно начала помнить, чтобы въ семьѣ поминали о родителяхъ батюшки. Впрочемъ, именно въ этомъ бюро, вмѣстѣ съ портфелемъ, гдѣ хранилась его дворянская грамота, лежалъ небольшой пакетъ, на который я долго не обращала большого вниманія, но однажды батюшка показалъ мнѣ, что̀ лежало въ этомъ пакетѣ, сказавъ: «Вотъ работа моей матушки—единственное, оставшееся мнѣ о ней воспоминаніе». Работа эта была такая изящная и художественная, что послѣ я никогда въ жизни не встрѣчала ничего подобнаго. То былъ кисетъ для табаку изъ бѣлаго атласа, по сторонамъ котораго были вышиты волосами въ тѣнь два наивные ландшафта: одинъ представлялъ хижину въ лѣсу, ручей, мостикъ, другой — аллею сада. На полянкѣ—мавзолей въ видѣ колонны. Перспективность ландшафта доказывала въ исполнительницѣ работы знакомство съ живописью; вообще эта работа была тонкая, требующая большого терпѣнія и искусства.

Засимъ, вотъ романъ моего дѣдушки, Владимира Алексѣевича Прончищева, который мнѣ разсказывала моя матушка гораздо позднѣе, когда я была уже большой дѣвицей. Владимиръ Алексѣевичъ служилъ долго въ военной службѣ въ Остзейскомъ краѣ, и полкъ его стоялъ въ Ревелѣ. Онъ былъ моложе своихъ сестеръ, былъ отцомъ не любимъ, и о немъ въ семьѣ мало заботились. Въ Ревелѣ молодой Прончищевъ полюбилъ молодую дѣвушку по фамиліи Борнеманъ [1]) и женился на ней; ей было тогда 16 лѣтъ. Въ бракъ этотъ Владимиръ Алексѣевичъ вступилъ, не спрося на то дозволенія у родителей. Затѣмъ молодая чета пріѣхала въ Богимово; они бросились къ ногамъ Алексѣя Іоновича, умоляя о прощеніи, и просили ихъ благословить. Но не таковъ былъ прадѣдъ, чтобы прощать: ему было свойственно порицать и наказывать. Онъ прогналъ сына и невѣстку съ

[1]) Я впослѣдствіи была съ моими родителями въ Ревелѣ, и тамъ мы нашли родственниковъ моей покойной бабушки Юліи Ивановны. То были все люди почтенные и образованные и были въ родствѣ съ Лидерсами, фамилія которыхъ является часто на страницахъ нашей отечественной исторіи. *Е. С.*

глазъ долой и повелѣлъ молодымъ занять избу на скотномъ дворѣ для ихъ помѣщенія.

Мать моей бабушки, Юліи Ивановны, пріѣхала съ молодыми въ Богимово; можно себѣ вообразить положеніе этихъ двухъ Остзейскихъ нѣмокъ, не знавшихъ ни слова по-русски и вступившихъ такъ неосторожно въ семью прадѣда!

Бабушка Екатерина Алексѣевна разсказывала, какъ трогательна и прелестна была молоденькая супруга ея брата, какъ хорошо воспитана, кротка и наивна. Бабушка сердечно къ ней привязалась и старалась, чѣмъ могла, смягчить горькую участь молодыхъ людей въ домѣ ихъ гнѣвнаго родителя.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ такой тяжелой драмы въ семьѣ, и срокъ отпуска изъ полка моего дѣда кончался, а отецъ не снималъ опалы съ сына, не слушая просьбъ родныхъ, которые всѣ старались смягчить его гнѣвъ. Такъ и уѣхалъ Владимиръ Алексѣевичъ въ полкъ, поручивъ жену бабушкѣ. Взять же ее съ собой онъ не рѣшился, ибо она была въ тягости и очень слаба здоровьемъ.

Екатерина Алексѣевна со слезами разсказывала моей матушкѣ объ этомъ печальномъ времени ея жизни. «Здоровье невѣстки послѣ отъѣзда брата дѣлалось все хуже и хуже», говорила она; «приближалось время родовъ, а батюшка ничего не хотѣлъ слушать о невѣсткѣ. Такъ прошло еще нѣсколько времени, какъ вдругъ батюшкѣ подали съ почты письмо изъ Ревеля. Полковой командиръ брата извѣщалъ батюшку, что сынъ его, Владимиръ Алексѣевичъ Прончищевъ, не доѣхавъ даже до Ревеля, заболѣлъ тифомъ въ Варшавѣ, гдѣ и скончался въ Варшавскомъ военномъ госпиталѣ. Это извѣстіе сильно поразило батюшку; онъ тогда смягчился къ невѣсткѣ, приказалъ сей же часъ отвести ей покои въ домѣ, принялъ ее съ почетомъ, даже нѣжностью. Бѣдняжка вскорѣ послѣ кончины любимаго мужа разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Алеша, — продолжала бабушка,—родился такимъ слабымъ ребенкомъ, но въ рубашечкѣ, и я ее храню до сихъ поръ.

Послѣ родовъ Юлія Ивановна начала пуще чахнуть, слабѣла не по днямъ, а по часамъ. Каково скорбно было ея матери видѣть дочь въ такомъ положеніи!

Батюшка пожелалъ, чтобы брата похоронили въ Богимовѣ, и сдѣлалъ для того нужныя распоряженія. Тогда Юлія Ивановна начала сильно томиться и все ожидала, когда привезутъ тѣло покойника; она просила не разлучать ее съ мужемъ въ могилѣ, пожелала перейти въ лоно нашей церкви, и таинство присоединенія къ православію успѣли надъ ней совершить. Желаніе ея лечь въ одну могилу съ мужемъ исполнилось: она скончалась, когда показался на горѣ мимо нашей старой церкви гробъ съ останками ея супруга. И такъ ихъ и отпѣвали вмѣстѣ и положили въ одну могилу въ нашемъ семейномъ склепѣ. Алешу она поручила мнѣ и своей матери».

Вотъ какая тяжелая драма встрѣтила появленіе моего отца на свѣтъ Божій! Преданіе говоритъ, что прадѣдъ смягчился послѣ потери сына и невѣстки. Передъ колыбелью внука онъ плакалъ и молилъ Бога простить ему его жестокосердіе. Къ внуку тоже сильно привязался. Насколько Алексѣй Іоновичъ былъ равнодушенъ къ сыну, настолько баловалъ онъ внука и воспитывалъ его, какъ единственнаго наслѣдника Богимова [1]), да и другихъ его вотчинъ.

---

[1]) Въ селѣ Богимовѣ провелъ лѣто 1891 г. Антонъ Павловичъ Чеховъ; вотъ что писалъ онъ о немъ А. С. Суворину 18-го мая, тотчасъ по переѣздѣ въ Богимовскую усадьбу: «Я познакомился съ нѣкіимъ помѣщикомъ К[олосовскимъ] и нанялъ въ его заброшенной поэтической усадьбѣ верхній этажъ большого каменнаго дома. Что за прелесть, если бы Вы знали! Комнаты громадныя, какъ въ благородномъ собраніи, паркъ дивный, съ такими аллеями, какихъ я никогда не видѣлъ, рѣка, прудъ, церковь для моихъ стариковъ и всѣ, всѣ удобства». (Письма А. П. Чехова, т. III, М. 1913, стр. 235). 20-го мая онъ писалъ ему же: «Какое раздолье! Въ моемъ распоряженіи верхній этажъ большого барскаго дома. Комнаты громадныя; изъ нихъ... одна съ колоннами; есть хоры для музыкантовъ. Когда мы устанавливали мебель, то утомились отъ хожденія по громаднымъ комнатамъ. Прекрасный паркъ; прудъ, рѣчка съ мельницей, лодка,—все это состоитъ изъ множества подробностей, просто очаровательныхъ» (тамъ же, стр. 237; см. также стр. 240). *Б. М.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Князья Оболенскіе и ихъ родственники.

IX.

Дѣдушка.

Дѣдушку, отца моей матушки, князя Петра Николаевича Оболенскаго [1]) я начала помнить съ 1833 года; ему было тогда болѣе семидесяти лѣтъ.

Въ 1833 году мои родители — Алексѣй Владимировичъ и Варвара Петровна [2]) Прончищевы — ѣздили заграницу и меня брали съ собой, какъ старшую изъ нашей семьи, а мнѣ было четыре года. Это путешествіе на воды въ Германію было пред-

---

[1]) См. снимокъ съ его портрета масляными красками, прилагаемый къ настоящему изданію. Оригиналъ принадлежитъ Н. С. Кашкину и находится въ Калугѣ. Князь Оболенскій началъ службу въ Конной гвардіи (1782 г.), въ 1792 г. вышелъ изъ нея «къ статскимъ дѣламъ» бригадиромъ, затѣмъ былъ Тульскимъ вице-губернаторомъ, произведенъ въ генералъ-маіоры и въ 1796 г. былъ Правителемъ Вознесенскаго Намѣстничества; наконецъ, съ 6-го января 1797 г. былъ Тульскимъ губернаторомъ, въ чинѣ д. с. совѣтника, но вскорѣ вышелъ въ отставку. *Б. М.*

[2]) Рожденная княжна Оболенская—дочь князя Петра Николаевича Оболенскаго отъ его 2-го брака съ Анной Евгеньевной, рожд. Кашкиной (ум. 11-го іюня 1810 г.). Портретъ Варвары Петровны Прончищевой см. на приложенной къ настоящему изданію семейной группѣ. *Б. М.*

принято ради тетушки моей, княжны Натальи Петровны Оболенской. Она была тогда дѣвица лѣтъ 23-хъ, очень болѣзненная, и мы провели съ ней зиму въ Дрезденѣ, весну и лѣто — въ Карлсбадѣ и Франценсбадѣ. Лѣченіе водами ей помогло, и мы въ началѣ ноября вернулись въ Москву, прямо въ домъ дѣдушки.

Я помню довольно ясно этотъ нашъ пріѣздъ въ Москву. Мы сидѣли въ большой четверомѣстной каретѣ, съ тетушкой, съ матушкой и няней; ѣхали долго по улицамъ; кто-нибудь изъ сидѣвшихъ въ каретѣ непремѣнно называлъ, по какой улицѣ мы ѣдемъ, или же всѣ вдругъ ихъ называли, церкви тоже самое, — и всѣ крестились и мнѣ велѣли креститься. На концѣ мы повернули въ большой дворъ, — и карета наша подкатилась къ крыльцу большого двухъ-этажнаго дома. Дверцы кареты отворились, меня первую передали кому-то на руки и понесли по лѣстницѣ; помню много лицъ въ передней; затѣмъ большую, высокую комнату и опять много лицъ; меня поставили на стулъ, и няня меня придерживаетъ, ноги у меня слабы отъ дороги, и я едва стою. Однако, я вижу въ этой большой комнатѣ впереди всѣхъ старика съ бѣлой, какъ лунь, головой; онъ принимаетъ въ свои объятія моихъ родителей, тетку; меня къ нему подносятъ, онъ цѣлуетъ меня въ голову; затѣмъ отъ него мы переходимъ всѣ въ объятія высокой, худой дамы въ чепцѣ съ широкой оборкой и съ буклями. Позади старичка стоитъ полная женщина въ кокошникѣ и красномъ сарафанѣ; у нея на рукахъ двѣ маленькія дѣвочки. Всѣ, кто въ этой комнатѣ, цѣлуются и обнимаются, потомъ исчезаютъ въ боковую дверь. Тогда няня несетъ меня сначала по корридору, затѣмъ опять по лѣстницѣ; за нами идетъ женщина въ кокошникѣ съ дѣвочками на рукахъ; наконецъ, мы опять въ свѣтлой большой комнатѣ съ тремя дѣтскими кроватками. Меня сажаютъ на диванъ, гдѣ и дѣвочки очутились подлѣ меня съ женщиной въ сарафанѣ: дѣвочки были мои сестры, которыхъ оставили у дѣдушки, пока мы были за-границей, а женщина — наша добрая кормилица

Агафья, которая выкормила моихъ обѣихъ сестеръ. Она плакала отъ радости, что господа вернулись домой.

Мы прогостили на этотъ разъ недолго въ Москвѣ и уѣхали въ наше Калужское имѣніе, но въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ часто ѣздили въ Москву и гостили у дорогого моего дѣда.

Я хорошо помню этотъ домъ дѣдушки, большой, въ два этажа [1]; между улицей и домомъ — дворъ, позади дома — садъ съ аллеей изъ акацій по обѣимъ его сторонамъ. Домъ раздѣлялся большой столовой на двѣ половины: одна половина называлась князевой, другая—фрейлинской. Точно такъ же люди въ домѣ, то-есть,—лакеи, кучера, повара и горничныя, равно какъ лошади, экипажи,—носили названіе княжескихъ и фрейлинскихъ; это оттого, что тетушка моей матушки,—фрейлина Александра Евгеньевна Кашкина [2]) жила въ домѣ дѣда и была тамъ полной хозяйкой. Дѣдушка былъ вдовъ, и эта сестра его жены воспитала всю его семью, замѣнила его дѣтямъ ихъ покойную мать; въ домѣ дѣда бабушка-фрейлина пользовалась большимъ почетомъ, и въ Москвѣ всѣ ее уважали, и она занимала, по своему званію фрейлины, весьма видное положеніе.

Александра Евгеньевна Кашкина (родилась 21-го мая 1773 г., ум. 7-го января 1847 года) была сестра княгини Анны Евгеньевны Оболенской (родившейся 2-го октября 1778, ум. 11-го іюня 1810 года), покойной супруги моего дѣда. Обѣ онѣ были дочери генералъ-аншефа Евгенія Петровича Кашкина [3]), который при

---

[1]) Домъ князя Петра Николаевича Оболенскаго былъ въ Москвѣ подъ Новинскимъ, въ приходѣ Покрова, въ Кудринѣ. *Е. С.*

[2]) О ней см. въ книгѣ Н. Н. Кашкина: «Родословныя Развѣдки», т. II, С.-Пб. 1913 г., стр. 530—536. *Б. М.*

[3]) Евгеній Петровичъ Кашкинъ (родился 12-го января 1733 года, ум. 7 октября 1796 года), 27-ми лѣтъ отъ роду, будучи уже подполковникомъ, отличился производствомъ слѣдствія по дѣлу Мировича. При открытіи намѣстничествъ въ царствованіе Екатерины II былъ послѣдовательно намѣстникомъ Пермскимъ и Тобольскимъ (1780—1788 гг.), Ярославскимъ и Вологодскимъ (1788—1793 гг.) и, наконецъ, Тульскимъ и Калужскимъ (1793—1796 гг.). О немъ см. статью П. Н. Петрова въ «Русской Старинѣ» 1882 года (т. XXXV, стр. 1—34) и сообщеніе г. Бибикова (ibid., стр. 35—40); его пор-

Императрицѣ Екатеринѣ II былъ Намѣстникомъ въ Тулѣ. Александра Евгеньевна была фрейлиной Императрицы Маріи Ѳеодоровны [1]).

На бабушкиной половинѣ былъ всегда парадъ; въ ея распоряженіи была лучшая часть дома, у нея всегда были посѣтители. Дѣдушка же имѣлъ свои небольшіе покои, надъ которыми былъ устроенъ антресоль для дѣтей. Свѣтской жизни князь-дѣдушка не любилъ: онъ въ міру велъ совершенно иноческую жизнь, соблюдалъ посты и никогда не появлялся ни на какихъ общественныхъ гуляньяхъ или въ театрахъ. Въ клубъ онъ никогда не ѣздилъ, въ карты не игралъ, ложился почивать очень рано и такъ же рано вставалъ; всякій день гулялъ пѣшкомъ, выѣзжалъ къ обѣднѣ и послѣ дѣлалъ визиты роднымъ или самымъ близкимъ знакомымъ, въ которыхъ принималъ участіе. Дѣдушка кушалъ всегда на своей половинѣ, въ своей маленькой гостиной, семья же — въ столовой, и во главѣ стола бабушка-фрейлина, когда она здорова. Я очень помню этотъ большой столъ, за который не садилось менѣе 15 и даже до 20 человѣкъ, когда мы гащивали у дѣдушки. Подлѣ бабушки всегда сидѣли почетные гости: дяди, тетки, мои родители, затѣмъ—одна бѣдная вдова съ дочерью, живущія всегда въ домѣ, Лизанька-сиротка, которую бабушка взяла на свое попеченіе, и мы, внуки, между ними въ концѣ стола.

Когда скушаютъ жаркое, передъ пирожнымъ, дверь изъ маленькой гостиной отворяется — и появляется дѣдушка. Какъ сейчасъ его вижу: онъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ,

---

треты—тамъ же и въ альбомѣ «Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ Сѣряковымъ», изд. «Русской Старины». *Д. К.*

Подробная біографія Е. П. Кашкина, исправляющая многія ошибки его прежнихъ біографовъ, помѣщена въ книгѣ Н. Н. Кашкина: «Родословныя Развѣдки», т. II, С.-Пб. 1913, стр. 303—476. Тамъ же помѣщенъ и снимокъ съ прекраснаго портрета Е. П. Кашкина—пастели работы Барду, принадлежащей Н. С. Кашкину. *Б. М.*

[1]) Это не совсѣмъ вѣрно: она была, съ 23-го декабря 1796 г., фрейлиной Великой Княжны Александры Павловны, а по выходѣ ея замужъ за Іосифа, Палатина Венгерскаго, числилась вообще фрейлиною Государынь Императрицъ, но живала и въ Павловскѣ при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. *Б. М.*

не худъ, очень бодрый и прямой. Волосы бѣлые, точно серебряные, довольно длинные, зачесанные назадъ надъ высокимъ лбомъ; лицо гладко выбритое и старческій румянецъ на щекахъ, жилками. Черты лица мелкія, профиль легкій, но не классическій, большіе глаза подъ бѣлыми бровями свѣтятся кротостью. Улыбка рѣдкая на этомъ лицѣ, но искренняя; и въ мысль не могло никогда прійти, что она перейдетъ въ насмѣшку. Дѣдушка за столомъ появлялся всегда въ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, камзолъ или жилетъ бѣлый пикеевый, очень низко опущенный за талью, бѣлый высокій батистовый галстукъ, на шеѣ орденскій крестъ (не помню, св. Анны или св. Владимира) [1]. Дѣдушка прежде всего подойдетъ къ концу стола, гдѣ сидитъ бабушка, и тамъ поговоритъ со всѣми, затѣмъ обходитъ весь столъ, всякому скажетъ доброе слово. Съ нами любилъ иной разъ шутить слѣдующимъ образомъ: у него подъ полой фрака спрятана салфетка съ предварительно завязаннымъ на одномъ ея концѣ узелкомъ; онъ подойдетъ, бывало, сзади стула, спроситъ что-нибудь, чтобы занять вниманіе, а пока ему отвѣчаешь, онъ невзначай возьметъ салфетку за узелокъ изъ-подъ фрака и кончикомъ пощекочетъ прямо въ ухо. Обернешься и не понимаешь, въ чемъ дѣло, а онъ старается сохранить серьезное лицо, но кончается всегда смѣхомъ, и онъ остается доволенъ. Онъ, дорогой, всегда былъ нами доволенъ, а мы—имъ.

Кромѣ родныхъ и самыхъ близкихъ, князь рѣдко кого принималъ: всѣ почетные гости стремились на фрейлинскую половину; но мы, его внуки, — мы царили въ его кабинетѣ. Наши родители еще почиваютъ, а мы съ няней сходимъ внизъ съ антресолей и въ корридорѣ противъ князевой спальни спрашиваемъего стараго лакея Максима [2]), можно ли войти. Если дѣ-

---

[1]) Съ Владимирскимъ крестомъ на шеѣ князь Оболенскій изображенъ и на портретѣ, приложенномъ при настоящемъ изданіи. *Б. М.*

[2]) Этотъ Максимъ ходилъ всегда въ длинномъ коричневомъ сюртукѣ съ косою въ кошелькѣ на затылкѣ, и вся личная прислуга князя, его старики, носили косы. *Е. С.*

душка умылся и уже Богу помолился, то насъ впускаютъ къ нему.

Дѣдушка сидитъ въ пестромъ бухарскомъ халатѣ въ вольтеровскихъ креслахъ съ высокой спинкой и заводитъ часы, коихъ безчисленное множество наставлено передъ нимъ на столѣ. Поздороваемся мы съ нимъ и сейчасъ же требуемъ, чтобы часы съ кукушкой куковали,—и часы кукуютъ, и затѣмъ табакерка съ музыкой играетъ для насъ. По угламъ его кабинета стоятъ этажерки со стеклами, на полкахъ масса фарфора: чашки, игрушки, куклы, собаки и разные звѣрьки. Помимо фарфороваго монаха въ рясѣ и клобукѣ, который несетъ на спинѣ снопъ соломы, откуда торчитъ женская головка, помню качающихся китайскихъ мандаринчиковъ: дѣдушка ставилъ ихъ противъ насъ, и они должны были намъ кланяться; затѣмъ щелкушка,—безобразный старикъ, точеный изъ дерева, долженъ былъ грызть намъ орѣхи. Можно себѣ представить, какъ намъ весело было у дѣдушки!

Онъ тоже часто дарилъ намъ игрушки, чашки, на которыхъ золотыми буквами было написано: Катенька кушай и помни, или Анюта, или Юленька (онъ на фабрикахъ нарочно заказывалъ эти чашки съ именами своихъ внуковъ и внучекъ). Дѣдушка пользовался такимъ нашимъ довѣріемъ, что куклы наши должны были поочередно спать въ его шкапахъ, а игрушечныя кареты ставились въ его гостиной подъ диванъ, какъ въ каретный сарай. Матушка разсказывала, что въ дѣтствѣ онъ ихъ такъ любилъ и баловалъ, что они бѣгали къ папенькѣ выплакивать горе, если гувернантка ихъ наказывала.

Пока на фрейлинской половинѣ, въ гардеробной, у тетушки кроили для старшихъ сестеръ бальныя платья, у князя въ кабинетѣ няня Денисовна кроила для его младшихъ дѣтей платьица и рубашечки. Онъ вникалъ во всѣ подробности ихъ дѣтскихъ нуждъ и потребностей, какъ самая заботливая мать; вообще его жизнь принадлежала всецѣло его семейнымъ обязанностямъ. Матушка говорила, что онъ ихъ иногда пожуритъ

Князь Петръ Николаевичъ
ОБОЛЕНСКІЙ

Худож.-граф. тип. А. А. Бенке, СПб.

за шалость, но дѣти относились къ отцу довѣрчиво, ничего отъ него не скрывали, и между ними была всегда полная гармонія. Матушка моя была нѣжно привязана къ своему отцу и сохраняла въ теченіе всей своей жизни неизгладимое воспоминаніе о его кротости, любвеобиліи и мудрости, не суетной, а именно той мудрости нравственной, на которой лежитъ благодать Божія.

Князь Петръ Николаевичъ Оболенскій былъ два раза женатъ. Первая его супруга, княгиня Александра Ѳаддеевна, была урожденная Тютчева. Дѣти отъ нея—Николай и Марія. Князь Николай Петровичъ Оболенскій былъ женатъ на княжнѣ Натальѣ Дмитріевнѣ Волконской; княжна Марія Петровна была замужемъ за Сергѣемъ Борисовичемъ Леонтьевымъ. Отъ второй супруги, Анны Евгеньевны, урожденной Кашкиной (ум. 1810 года), у князя Петра Николаевича осталось 8 человѣкъ дѣтей [1]). Изъ нихъ старшіе были: Евгеній, Константинъ, Екатерина, Александра; меньшія дѣти—Варвара, Наталья, Дмитрій, Сергѣй. Евгеній былъ декабристъ, Константинъ былъ женатъ на Авдотьѣ Матвѣевнѣ Чепчуговой. Она воспитывалась въ одномъ изъ Петербургскихъ институтовъ, была очень богата, перешла въ католичество и умерла въ Италіи, въ католическомъ монастырѣ. Дмитрій женатъ на Александрѣ Тимофеевнѣ Афремовой [2]), Сергѣй—на Александрѣ Андреевнѣ Бочкаревой; Варвара замужемъ за Алексѣемъ Владимировичемъ Прончищевымъ — моя матушка. Впослѣдствіи она была начальницей Малолѣтняго Отдѣленія оберъ-офицерскихъ сиротъ въ Москвѣ и служила 35 лѣтъ въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи (умерла 16-го іюня 1888 г.). Екатерина—за Андреемъ Васильевичемъ Протасьевымъ, Александра—за Але-

---

[1]) О семьѣ князя П. Н. Оболенскаго болѣе подробныя свѣдѣнія можно найти въ книгѣ Г. А. Власьева: Потомство Рюрика, т. 1, ч. 2, С.-Пб. 1906, стр. 328—332.

Б. М.

[2]) Дочь Чернскаго помѣщика. У нихъ былъ сынъ князь Леонидъ Дмитріевичъ Оболенскій, дочь коего, княжна Марія Леонидовна, вышла замужъ за Николая Алексѣевича Маклакова, нынѣшняго Министра Внутреннихъ Дѣлъ. *Б. М.*

ксѣемъ Ивановичемъ Михаловскимъ, Наталія — за тайн. сов. княземъ Александромъ Петровичемъ Оболенскимъ, попечителемъ Московскаго Университета (1817—1825) и затѣмъ сенаторомъ, служившимъ въ Московскихъ Департаментахъ Сената, и почетнымъ опекуномъ Московскаго Воспитательнаго Дома.

Овдовѣвъ другой разъ, дѣдушка князь П. Н. Оболенскій остался съ весьма большой семьей на рукахъ. Тогда именно его свояченица и переѣхала на житье въ его домъ. Очень можетъ быть, что ихъ вкусы и характеры были различны, но между тѣмъ они жили другъ съ другомъ въ духѣ мира и доброжелательства: князь относился къ свояченицѣ съ утонченной вѣжливостью (courtoisie), оберегалъ ея интересы пуще своихъ въ его домѣ. Онъ умѣлъ мирить всѣ споры и недоразумѣнія кротостью и терпѣніемъ: и чада, и домочадцы жили привольно въ его домѣ, и его управленіе семьей было истинно мудрое, ибо оно не чувствовалось управляемыми.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы князь былъ просто добрякъ, который довольствовался бы тѣмъ только, чтобы не притѣснять окружающихъ. Нѣтъ! въ немъ были нравственныя силы выше уровня обыкновенныхъ человѣческихъ добродѣтелей, а главной и выдающейся чертой его характера была искренность, которою онъ руководился на пути своей жизни. Надо тоже удивляться, съ какой простотой и смиреніемъ велъ онъ иноческую и цѣломудренную жизнь посреди суетнаго Московскаго общества.

У него въ домѣ не было никакихъ вельможныхъ затѣй: все было просто и патріархально, и дышалось легко, и настроеніе было любовное и веселое. У Оболенскихъ всякій встрѣчалъ привѣтъ; вечеровъ и обѣдовъ не давали, а принимали всѣхъ, что называется, запросто; семья была большая, родныхъ много, было всегда шумно и весело безъ оффиціальныхъ приглашеній. Несмотря на отсутствіе блеска въ домѣ Оболенскихъ, въ Москвѣ всѣ любили князя Петра Николаевича; онъ пользовался даже особымъ довѣріемъ въ обществѣ. Мягкость его характера привлекала къ нему, а искренность чувствовалась

глубоко, хотя, можетъ быть, и безотчетно: всякій приходилъ къ нему за совѣтомъ, дѣлилъ съ нимъ радость или горе. Для князя не существовала пословица «чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу»: онъ горячо принималъ къ сердцу невзгоду ближняго, будь то бѣда вельможи или вдовы, бѣдной сосѣдки,—для каждаго былъ откликъ въ его любвеобильной душѣ. И много добрыхъ дѣлъ оставилъ онъ послѣ себя въ памяти людей. Разскажу одно изъ такихъ дѣлъ его.

X.

Оленька.

На Руси много было мелкопомѣстныхъ дворянъ, положеніе которыхъ представляло весьма горькую участь; ихъ бытъ мало отличался отъ крестьянскаго: жили они часто въ избахъ, со своими же крѣпостными мужичками, и пахали, и сѣяли, и убирали сами съ полей свой хлѣбушко. Хорошо, если судьба сталкивала этихъ бѣдняковъ съ сосѣдними зажиточными помѣщиками: иной разъ примутъ въ нихъ участіе, разсуютъ дѣтей по училищамъ или опредѣлятъ сына въ полкъ на свой счетъ, или дочери сошьютъ приданое.

Близъ уѣзднаго городка Корчевы жила семья Бочкаревыхъ, которая принадлежала къ числу мелкопомѣстныхъ дворянъ-бѣдняковъ. Пока живъ былъ отецъ, они могли кормиться, жили въ домикѣ на своей земелькѣ, съ чадами и крѣпостными домочадцами, даже старшую дочь, Уленьку, выдали за чиновника въ городъ Корчеву; но послѣ смерти мужа вдова его не справилась съ полевыми работами и переѣхала съ дѣтьми къ замужней дочери въ городъ. Зять былъ писцомъ въ какомъ-то уѣздномъ правленіи,—велико ли было его жалованье и много ли онъ могъ заработать!.. Участь бѣдной вдовы съ дѣтьми въ его домѣ далеко не улучшилась, и много они бѣдовали!

Не знаю, какими судьбами дѣду моему пришлось познако-

миться съ этой семьей; онъ принялъ въ ней участіе, опредѣлилъ мальчиковъ, помогъ и деньгами,—и бѣдная вдова Екатерина Михайловна Бочкарева оправилась, воспрянула духомъ. Она была простая и набожная женщина, но весьма терпѣливая на пути скорбей и житейскихъ невзгодъ; тѣмъ болѣе неожиданная помощь показалась ей чѣмъ-то необыкновеннымъ, чудотворнымъ, и съ тѣхъ поръ она стала относиться къ моему дѣду, какъ къ чему-то высшему, сверхъ-естественному, и всегда говорила, что она вымолила у Бога князя-благодѣтеля. Подъ такимъ впечатлѣніемъ она долго жила, и такое настроеніе души сохраняла всегда при воспоминаніи о благодѣніяхъ князя; но когда однажды пришло изъ Москвы къ ней въ Корчеву письмо его руки, въ которомъ князь извѣщалъ ее, что вторая дочь ея, десятилѣтняя Ольга, была по его просьбѣ зачислена въ Институтъ, тогда бѣдная женщина совсѣмъ потеряла голову. Князь, кромѣ того, приглашалъ Екатерину Михайловну остановиться въ Москвѣ въ его домѣ, такъ какъ Оленьку надлежало сейчасъ же везти въ Москву для баллотировки. Бѣдная женщина послѣ этого письма ходила, какъ въ чаду; могла-ли она когда-нибудь вообразить, что ея Оленька получитъ воспитаніе не плоше княженъ, будетъ говорить по-французски, да и, кромѣ того, какъ ей хорошо будетъ жить въ Институтѣ: перестанетъ она голодать, какъ это часто случается съ ними въ семьѣ небогатой дочери. И вѣдь у нея, кромѣ Оленьки, еще двѣ младшія дѣвочки! Все же легче будетъ, когда Оленька будетъ пристроена. И откуда снисходятъ на нее такія милости Божіи?.. И она и крестилась, и молилась, и смѣшивала благодѣтеля князя со всѣми святыми и со всѣми силами небесными.

Когда Екатерина Михайловна сказала зятю, что Оленька принята въ Институтъ, и дала ему прочесть письмо князя, то онъ попробовалъ толковать ей о баллотировкѣ, говорилъ, что Оленька зачислена только, а еще не принята въ Институтъ,—она даже разсердилась на него. Тутъ пошли сборы, потомъ отъѣздъ,—и Екатерина Михайловна какъ разъ въ пору при-

везла дочь въ Москву и они прибыли благополучно въ домъ князя подъ Новинскимъ. Ихъ пріѣздъ былъ встрѣченъ, какъ самое обыкновенное обстоятельство: столько нуждающихся вдовъ и сиротъ находили пріютъ въ домѣ князя! Ихъ помѣстили на антресоляхъ въ половинѣ княженъ.

На другой день утромъ послѣ своего пріѣзда, Екатерина Михайловна явилась съ дочерью въ кабинетъ къ князю, бросилась ему въ ноги и начала усердно благодарить, что онъ устроилъ ея Ольгу. Князь былъ озадаченъ пылкостью ея чувствъ, понялъ сей же часъ, что бѣдная женщина не понимаетъ сути дѣла, старался растолковать ей значеніе баллотировки, просилъ ее сдержать преждевременный восторгъ, пока все не объяснится окончательно, но, увы! она не способна была понять, въ чемъ тутъ дѣло. Князь призадумался и отпустилъ ее отъ себя со словами: «Молитесь, голубушка,—по вѣрѣ и дастся вамъ». И въ самомъ дѣлѣ, много молилась Екатерина Михайловна по пріѣздѣ въ Москву: ходила всякій день къ Иверской, служила по монастырямъ молебны...

А какое это тяжелое время было для Оленьки!.. Она далеко не раздѣляла восторговъ матери, была точно равнодушна и даже враждебна относительно перемѣны своей судьбы. Это была худая, блѣдная, бѣлокурая дѣвочка, заморенная нуждой, дикая и застѣнчивая; ей страшно было въ этомъ большомъ домѣ: и все чужія лица, и что то такое совершается надъ ея головой... Она ясно ничего не сознавала, но какое-то тяжелое предчувствіе сжимало ей сердце.

Насталъ, наконецъ, день баллотировки. Оленьку одѣли въ платьице одной изъ княженъ, къ крыльцу была подана княжеская карета, вся семья Оболенскихъ провожаетъ ихъ до передней, съ пожеланіями счастья Оленькѣ. Вотъ онѣ сошли съ парадной лѣстницы, ступили на крыльцо; Екатерина Михайловна, крестясь и читая громко молитву, влѣзаетъ въ карету, Оленька за ней—и поѣхали.

Князь стоялъ у окна своей маленькой гостиной и смотрѣлъ

вслѣдъ удалявшемуся экипажу, потомъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, глубоко вздохнулъ, сѣлъ на диванъ и задумался; на его добромъ лицѣ выражалось волненіе и безпокойство.

Не одинъ князь, а вся его семья принимала горячо къ сердцу помѣщеніе Ольги въ Институтъ; всѣ собрались въ столовой: и княжны, и дѣти, и тетушка-фрейлина, и почтенная гувернантка, m-me Стадлеръ. Всѣ волновались, всѣ переживали длинный часъ ожиданія, и всѣ думали о томъ, какъ это все устроится, и повернется-ли рокъ судьбы благопріятно для этихъ двухъ существъ. Дѣлались разныя предположенія... Но именно человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Бѣдная Екатерина Михайловна! Каково ей было, когда ея Оленька вынула пустой билетъ! Тутъ она вдругъ поняла, что такое баллотировка! Какая это была страшная минута для нея!.. Въ пухъ и прахъ разлетѣлись ея мечты для Оленьки! Гдѣ та заря новой жизни, свѣтъ которой такъ мгновенно вспыхнулъ и погасъ надъ головой ея ребенка? И теперь что же ее ожидаетъ?.. Повезетъ она ее опять въ Корчеву качать ребятишекъ старшей сестры, коровъ доить,—и опять лишній ротъ кормить, который, казалось, сбывался съ рукъ и давалъ мѣсто другимъ голодающимъ. Горько ей было!.. Ея отчаянію не было границъ, ноги подкашивались, рука не слушалась, когда она хотѣла осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, молитва замирала на устахъ...

Въ домѣ князя всѣ были огорчены неудачей баллотировки, утѣшали, какъ могли, Екатерину Михайловну, уговаривали ее погостить подолѣе въ Москвѣ, пока она оправится отъ нанесеннаго ей злой судьбой удара; но рано или поздно ей надо было думать о возвращеніи въ Корчеву.

Однажды утромъ, передъ самымъ ея отъѣздомъ, когда княжны сошли внизъ здороваться съ папенькой, а она сидѣла на антресоляхъ, прибѣгаетъ Іонка, князевъ казачекъ, и говоритъ ей: «Пожалуйте съ барышней къ князю: Ихъ Сіятельство васъ спрашиваютъ». Сошла внизъ Екатерина Михайловна, Оленька

идетъ за матерью; вступаютъ онѣ въ кабинетъ,—князь сидитъ въ вольтеровскимъ креслахъ, княжны сидятъ подлѣ него.

— Вотъ, моя голубушка, Екатерина Михайловна, что́ я придумалъ, — говоритъ князь,—вы отправляйтесь съ Богомъ въ вашу Корчеву, а Оленьку оставьте у насъ: пусть ее учится съ моими дѣвочками — человѣкомъ будетъ. Поди сюда, умница!

Оленька подошла къ нему, и князь погладилъ ее по головкѣ.

Съ легкимъ сердцемъ уѣхала вдова въ Корчеву послѣ этого утра. Оленька осталась съ тѣхъ поръ до своего замужества у князя, нашла въ немъ второго отца, воспитывалась вмѣстѣ съ моей матерью и ея меньшой сестрой; онѣ любили ее, какъ родную сестру.

Ольга Андреевна Бочкарева вышла замужъ за профессора Ивана Семеновича Веселовскаго [1]), который имѣлъ собственный домъ въ Старо-Конюшенной. Говорили, что онъ былъ масонъ. Онъ былъ ученый и добрый человѣкъ. Въ домъ Оболенскихъ онъ былъ представленъ баснописцемъ Зиловымъ [2]), су-

---

[1]) Веселовскій, Иванъ Семеновичъ (р. 1795 г., ум. 12-го апрѣля 1867 г.; погребенъ въ Москвѣ, на Ваганьковомъ кладбищѣ), родомъ изъ бѣдныхъ дворянъ Могилевской губерніи (отецъ его служилъ секретаремъ въ Могилевскомъ Магистратѣ), воспитывался въ Могилевѣ—сперва въ Духовной Семинаріи, а потомъ въ Гимназіи. Въ 1813—1816 гг. онъ учился въ Московскомъ Университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ кандидатомъ физико-математическихъ наукъ, а въ 1823 г. получилъ степень доктора медицины, послѣ чего преподавалъ физику на Медицинскомъ Факультетѣ Московскаго Университета съ 1825 г. и былъ адъюнктъ-профессоромъ Московскаго Отдѣленія Медико-Хирургической Академіи. Первыя ученыя промоціи Веселовскаго совпадаютъ со временемъ попечительства въ Московскомъ Университетѣ князя Андрея Петровича Оболенскаго (1817—1825 г.г.), братъ котораго, князь Александръ, былъ съ 1838 г. женатъ (вторымъ бракомъ) на младшей дочери князя Петра Николаевича Оболенскаго — княжнѣ Натальѣ Петровнѣ. Съ 1835 года до конца жизни И. С. Веселовскій состоялъ ординарнымъ профессоромъ физики въ Московскомъ Университетѣ. О немъ см. «Біографическій словарь профессоровъ Имп. Московскаго Университета», М. 1855 г., т. I, стр. 163—165. Ольга Андреевна Веселовская умерла въ Москвѣ 6-го декабря 1857 г., 52 лѣтъ, и погребена съ мужемъ («Московскій Некрополь», т. I, С.-Пб. 1907, стр. 200). *Д. К.*

[2]) Алексѣй Михайловичъ Зиловъ, отставной гвардіи штабсъ-капитанъ, авторъ плохихъ басенъ и стиховъ (род. 21-го августа 1798, ум. 3-го іюля 1865 г.); онъ былъ женатъ въ 1-мъ бракѣ на Екатеринѣ Николаевнѣ Карадыкиной (род. 17-го августа

пруга котораго находилась въ родствѣ съ Оболенскими или Кашкиными.

XI.

Бабушка.

Бабушку Александру Евгеньевну Кашкину, тетушку моей матери, я стала помнить въ то же время, какъ и дѣда.

Насъ водили тоже въ дѣтствѣ съ нею здороваться. Она сидитъ въ своей угольной на диванѣ такъ прямо, хотя вокругъ нея много подушекъ, вышитыхъ и шерстями, и шелкомъ, и бисеромъ.

Угольная комната довольно большая и четырехугольная; она меблирована просто, и мебель обита ситцемъ съ узоромъ à grands ramages [1]). Передъ диваномъ большой овальный столъ краснаго дерева, и по его сторонамъ стоятъ чинно кресла въ два ряда; передъ дверью, которая ведетъ въ бабушкину спальню, стоятъ ширмы изъ чернаго дерева; въ верхней части ширмъ—стекла, на которыхъ нарисованы китайскія фигуры и бесѣдки. По угламъ комнаты—этажерки съ фарфоромъ и разными вещицами; у окна большая клѣтка и подставка съ шестомъ для ея бѣлаго какаду; онъ всегда тутъ сидитъ съ своимъ желтымъ хохолкомъ и чернымъ носомъ. На окнахъ маленькія ширмочки съ малиновыми стеклами, которыя бросаютъ розовый свѣтъ на всѣ предметы и лица; въ комнатѣ не очень свѣтло отъ большихъ зеленыхъ драпри.

Итакъ, бабушка сидитъ очень прямо на диванѣ; подлѣ нея на подушкѣ спитъ Амишка, ея любимый бѣлый шпицъ, презлой: нагнешься здороваться къ рукѣ бабушки, а онъ рычитъ. Фи-

---

1801, ум. 6-го апрѣля 1826), дочери тайнаго совѣтника Николая Матвѣевича Карадыкина отъ брака его съ Маріей Евгеньевной Кашкиной, а во 2-мъ—на Александрѣ Васильевнѣ Симанской (род. 5-го апрѣля 1813, ум. 1-го января 1881 г.). См. «Родословныя Развѣдки» Н. Н. Кашкина, т. II, С.-Пб. 1913, стр. 538. *Б. М.*

[1]) Крупными разводами.

делька, ея бѣлая болонка, лежитъ, свернувшись, на круглой скамеечкѣ у ногъ своей госпожи.

Бабушка всегда въ туалетѣ: платье шелковое, больше все стального цвѣта или очень темное, на плеча накинута кацевейка бархатная съ мѣховой опушкой: она всегда зябла и была очень слабаго здоровья. Чепецъ на бабушкѣ тюлевый, оборка умѣренная, бантъ изъ газовыхъ цвѣтныхъ лентъ на своемъ мѣстѣ, надъ оборкой,—одинъ кончикъ падаетъ непремѣнно за оборку, другой едва ея касается, фальшивыя букли глянцевито группируются на вискахъ мелкими невисячими буклями, бриды газовыхъ лентъ отъ чепца пущены свободно и не завязаны.

Лицо у бабушки не то важное, не то строгое, выраженіе немного вопросительное, носъ очень длинный, черты лица рѣзки, брови очень черны и тонки. Она всегда румянилась, и подлѣ нея на кругломъ столѣ стояла коробочка сь пудрой: она часто пудрилась и потомъ утирала пудру батистовымъ платкомъ или шкуркой изъ пузыря, которую для нея всегда дома выдѣлывали [1]).

Намъ очень скучно у бабушки. Она дѣлаетъ свои замѣчанія, на кого кто похожъ. Она любила Анночку [2]), мою сестру: говорила, что она въ Кашкиныхъ. Мы всегда выжидали, когда вниманіе бабушки перейдетъ отъ насъ на другой предметъ, и это немедленно случалось: кто-нибудь пріѣдетъ, войдутъ гости—мы низко присѣдаемъ и сейчасъ же удаляемся въ гардеробную, къ фрейлинскимъ дѣвушкамъ: такъ звали Авдотью и Настасью, двухъ старшихъ горничныхъ бабушки.

Гардеробная была большая, свѣтлая комната съ горшками герани, бальзаминовъ и жасмина по окнамъ, съ бѣлыми занавѣсками; по стѣнамъ стоятъ высокіе шкафы, на шкафахъ картонки, корзины, болваны для чепцовъ. Посреди комнаты большой круглый столъ со всѣми швейными принадлежностями: тутъ и

---

[1]) Живописнаго портрета А. Е. Кашкиной до насъ не дошло. *Б. М.*

[2]) Анна Алексѣевна Прончищева впослѣдствіи была замужемъ за Поповымъ. См. ея портретъ на семейной группѣ, приложенной къ настоящему изданію. *Б. М.*

подушечки съ булавками, старыя бонбоньерки съ разноцвѣтнымъ шелкомъ, непремѣнно тоже картинки модъ и обрѣзки ситца, коленкора, шелковыхъ матерій, лентъ и кружевъ. Эти лоскутья именно и привлекали насъ въ гардеробную.

Пока няня болтаетъ съ Дуняшей и Настей, мы роемся въ этихъ шелковыхъ тряпкахъ и глядимъ картинки модъ; затѣмъ насъ щедро надѣляютъ этими лоскутьями для нашихъ куколъ; наберешь эти сокровища въ фартучекъ и удаляешься уже корридоромъ во-свояси, съ сердцемъ, исполненнымъ блаженной радости. И какими онѣ намъ казались добрыми, эти щедрыя благодѣтельницы!.. Мы въ особенности любили Дуняшу: точно она какая-нибудь предобрая классная дама; вѣроятно, наше дѣтское воображеніе производило ее такъ нелѣпо въ этотъ чинъ потому, что она носила всегда коричневое шерстяное платье съ пелериной и бѣлый отложной воротничекъ и рукавчики, — точно институтскій мундиръ. Она не носила чепцовъ; сзади жидкая коса заплетена и разложена корзиной подъ высокій гребень; спереди на вискахъ волосы кольцеобразно придерживаются тоже двумя боковыми гребеночками. Невысокая, худая, съ подвижнымъ, немного хитрымъ выраженіемъ лица, она была тоже отличная актриса въ своемъ родѣ, проникнутая важностью своего амплуа приближеннаго и довѣреннаго лица Ея Превосходительства фрейлины Кашкиной; она жила съ бабушкой въ Петербургѣ во дворцѣ, когда бабушка была при Дворѣ. Настасья была высокая, полная, степенная, ходила въ ситцевомъ платьѣ и въ черномъ фартукѣ, носила шелковыя косынки на головѣ, щеголевато умѣла ихъ повязывать; лицо у нея было доброе, глаза внимательные и смѣющіеся; она дѣлала все не спѣша, а между тѣмъ работа спорилась у нея подъ руками.

Самая тѣсная дружба связывала Дуняшу съ Настей, — ни тѣни соперничества и полная гармонія на пути общей дѣятельности и своихъ обязанностей относительно ихъ госпожи. Привязанность ихъ къ фрейлинѣ была безгранична; онѣ обѣ оста-

лись сиротками, съ ранняго дѣтства не имѣли ни семьи, ни родныхъ, и это способствовало слiянiю ихъ личныхъ интересовъ съ интересами ихъ господъ. Онѣ всегда говорили другъ другу «вы», и остальные люди въ домѣ говорили имъ тоже «вы», когда къ нимъ обращались, и онѣ пользовались въ домѣ нѣкоторымъ авторитетомъ и почетомъ.

Теперь оставлю мои младенческiя воспоминанiя о бабушкѣ и буду разсказывать о ней больше со словъ моей матери.

«Тетушка замѣнила намъ мать,—говорила моя матушка,—папенька умѣлъ цѣнить ея о насъ попеченiя, и мы любили ее и старались окружать ее полнымъ уваженiемъ. Надо было угождать ей: она была строга насчетъ этикета. Я и сестра Катенька [1]) мы были очень живы и вѣтрены, и намъ иногда отъ нея доставалось. Наташа [2]) была ея любимицей: она вела себя степенно и благоразумно и обладала большой находчивостью во всѣхъ свѣтскихъ положенiяхъ; это было у нея врожденное.

«Тетушка была совершенная grande dame, имѣя тотъ тактъ, который облегчаетъ свѣтскiя обязанности, но основанiемъ этого такта не была одна только сухая привычка къ этикету; напротивъ того, она вносила въ свѣтскiя отношенiя большое количество снисходительности къ ближнему, полное отсутствiе эгоистическихъ движенiй и великую заботу о тѣхъ, кто ее окружалъ. И добрая она была для нуждающихся: ея кошелекъ всегда былъ открытъ для друзей, всегда рада была она помочь, утѣшить подаркомъ больную, развлечь страждущаго. Она сильно увлеклась на этомъ пути, и житейская мудрость ей была всегда непонятна. Въ денежныхъ дѣлахъ она была слишкомъ довѣрчива; папенька старался оберегать ее отъ ошибокъ въ этомъ отношенiи, но всегда безплодно: она осталась легкомысленна

---

[1]) Княжна Екатерина Петровна Оболенская была впослѣдствiи замужемъ за Андреемъ Васильевичемъ Протасьевымъ. *Б. М.*

[2]) Княжна Наталья въ 1838 г. вышла замужъ за князя Александра Петровича Оболенскаго (его 2-я жена). *Б. М.*

въ этомъ смыслѣ до конца дней своихъ и очень разстроила свое состояніе.

«Несомнѣнно, что многіе люди той эпохи, бывшіе при Высочайшемъ Дворѣ, отличались рыцарскимъ равнодушіемъ къ благамъ мірскимъ. Мы видѣли Нелединскаго [1]), Куракиныхъ [2]), бывшихъ въ опалѣ при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ; это были люди замѣчательные своимъ безкорыстіемъ и высотою своего нравственнаго знамени. Какія были тогда трудныя времена! и какъ смиренно эти люди переносили опалу и тягость своего положенія; конечно, они были исполнены сознанія своей невинности: при Императорѣ Павлѣ всякій былъ безъ вины виноватъ; однако, отсутствіе въ нихъ протеста или малѣйшей желчи составляетъ явленіе высокаго великодушія.

«Карамзинъ занесъ эту черту на страницы своей «Исторіи»: «Было необыкновенное смиреніе и благородство въ русскихъ людяхъ того времени»,—говоритъ онъ,—«они переносили стоически бѣдствія тогдашняго правленія» [3]).

«Дѣло въ томъ, что Императрица Марія Ѳеодоровна своимъ примѣромъ подняла это знамя терпѣнія и кротости, которое она твердо держала своею царственной рукой. Она указала примѣромъ жизни своей, что «вѣра безъ дѣлъ мертва есть». Простота и смиренномудріе, которыми она окружала пути своихъ истинно-христіанскихъ подвиговъ, заставили упасть къ ея ногамъ ханжество и фарисейство, такъ долго тяготѣвшія надъ нашимъ обществомъ. Вліяніе такой Государыни, какова была Императрица Марія, было неотразимо; она приглашала всѣхъ

---

[1]) Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій (род. 1752, ум. 1829), извѣстный въ свое время поэтъ, въ 1798 г. былъ исключенъ Имп. Павломъ изъ службы, въ которую въ 1800 г. былъ имъ же снова принятъ. *Б. М.*

[2]) Дѣйствительно, оба брата—князья Александръ (род. 1752, ум. 1818) и Алексѣй (род. 1759, ум. 1820) Борисовичи Куракины, любимцы Имп. Павла, подверглись его опалѣ. *Б. М.*

[3]) Слова Карамзина приведены, очевидно, по памяти, да и находится эта мысль не въ «Исторіи» Карамзина, а въ его знаменитой запискѣ «О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ». *Б. М.*

къ терпѣнію и служенію не людямъ, а Богу. Мудрая и геніальная Императрица Екатерина II не имѣла, быть можетъ, той высокой нравственной власти надъ людьми, ее окружавшими, которою вполнѣ обладала Императрица Марія Θеодоровна. Не блескъ Двора или честолюбивыя стремленія привязывали къ нему тогда людей, но связь ихъ съ нимъ имѣла почвой тождественныя вѣрованія со своей Государыней, и для нихъ разлука съ ней смягчалась вѣрой съ ней въ однѣ и тѣ же надежды и упованія. Можно сказать, что они всѣ вмѣстѣ составляли тайную церковь, твердую и незыблемую».

Матушка моя говорила: «Тетушка Александра Евгеньевна была искренно и всецѣло привязана къ Императрицѣ Маріи и ея Августѣйшей семьѣ. Живя у насъ въ Москвѣ, она сердцемъ и мыслями была въ Петербургѣ. Тетушка помнила Императоровъ Александра I и Николая I еще Великими Князьями; она особенно нѣжно любила ихъ Августѣйшую сестру Александру Павловну, которая, вѣроятно, отвѣчала ей тоже своимъ милостивымъ вниманіемъ и расположеніемъ. Эта Великая Княжна, когда прощалась съ тетушкой, подарила ей свой портретъ на память; мы всегда видѣли его въ тетушкиномъ кабинетѣ надъ ея письменнымъ столомъ и любовались этой красавицей. Судьба Александры Павловны представляла цѣпь какихъ-то недоразумѣній по поводу искательства ея руки многими державными женихами. Она выдавалась красотою изъ всѣхъ своихъ сестеръ; говорили, что Императрица Екатерина желала выдать ее за Густава-Адольфа, Короля Шведскаго, но это не состоялось; затѣмъ явился Принцъ Дармштадтскій искателемъ ея руки. Тогда послѣдовала поѣздка Великой Княжны Александры Павловны за-границу, и тетушка была въ свитѣ Ея Высочества въ качествѣ фрейлины; но и это сватовство не повело къ свадьбѣ Наконецъ, Великая Княжна Александра Павловна вступила въ супружество съ Палатиномъ Венгерскимъ и скончалась въ молодыхъ лѣтахъ въ 1801 г. Этотъ годъ былъ тяжелымъ годомъ для ея Царственной Матери, которая перенесла много утратъ

въ теченіе его. Тетушка пережила всѣ эти горести подлѣ своей Государыни, будучи близкой къ тогдашнимъ событіямъ.

«Тетушка вспоминала часто Гатчину и то, какъ милостива и мало требовательна была Императрица Марія относительно ихъ служебныхъ при ней обязанностей. Она говорила, что онѣ, т.-е. фрейлины, при ея Дворѣ боялись только одной изъ ея статсъ-дамъ. Вотъ разсказъ изъ жизни ихъ въ Гатчинѣ въ молодости тетушки.

«Это было лѣтомъ; Дворъ жилъ въ Гатчинѣ; фрейлинамъ былъ отведенъ для помѣщенія павильонъ въ саду. Мы жили тамъ подъ надзоромъ одной весьма почтенной и строгой статсъ-дамы. Она была уже преклонныхъ лѣтъ и требовала отъ насъ, чтобы мы очень рано ложились спать; это очень насъ стѣсняло: прелестные іюньскіе вечера мы должны были проводить въ комнатахъ. Разъ какъ-то, вечеромъ, она по обыкновенію выразила намъ надежду, что мы ляжемъ спать, слѣдуя ея примѣру: она въ это время раздѣвалась и ложилась въ постель. Что дѣлать! намъ слѣдовало бы послушаться, но мы были молоды, намъ такъ хотѣлось подышать вечернимъ воздухомъ въ прелестномъ саду Гатчинскаго дворца. Прождавъ нѣсколько времени, пока старушка перестанетъ кашлять, и убѣдившись, что она спитъ, мы накинули на голову косынки и тихо гурьбой вышли изъ павильона. Мы надѣялись погулять по аллеямъ и вернуться такъ же тихо, какъ ушли: она и подозрѣвать не будетъ нашего отсутствія.

«Мы гуляли съ полчаса, когда съ нами случайно встрѣтились Великіе Князья; мы остановились и разговаривали съ Ихъ Высочествами недалеко отъ павильона. Вдругъ оттуда раздался вопль, крикъ — звали на помощь!.. Всѣмъ пришло въ голову, что павильонъ горитъ. Мы бросаемся туда, и Великіе Князья съ нами. Когда мы вбѣжали въ павильонъ, то сейчасъ увидали, что наши опасенія насчетъ пожара неосновательны — ни дыма, ни запаха гари, но крикъ продолжался, и кричала наша почтенная старушка. Мы вошли въ ея комнату. Она стояла

по срединѣ, въ ночномъ костюмѣ, съ испуганнымъ лицомъ, и указывала на свой ночной чепецъ, который лежалъ на полу. Женская прислуга сбѣжалась на ея крикъ, стояла не менѣе ея испуганная, и никто не осмѣливался коснуться чепца. Тогда одинъ изъ Великихъ Князей поднялъ этотъ чепецъ, и что-жъ бы вы думали?—въ его широкихъ оборкахъ запуталась и билась огромная летучая мышь! Это она надѣлала всю тревогу: окно въ комнатѣ, гдѣ спала статсъ-дама, оставалось открытымъ, лампада горѣла передъ образомъ, — летучая мышь влетѣла на ея свѣтъ и упала прямо на голову спавшей, она проснулась и, съ просонья, не отдавая себѣ отчета, въ чемъ дѣло, могла только сорвать съ головы чепецъ, бросить и начать кричать».

Въ Москвѣ фрейлина Кашкина пользовалась общимъ уваженіемъ, и ея покровительство въ свѣтѣ имѣло большое значеніе для ея племянницъ Оболенскихъ. Она сначала вывозила двухъ старшихъ дочерей князя Петра Николаевича; затѣмъ, когда онѣ вышли замужъ, она опять появилась въ высшемъ кругу Московскаго общества съ двумя меньшими княжнами,—Варварой и Натальей.

XII.

Братья Кашкины: сенаторъ Николай Евгеньевичъ и генералъ-маіоръ Дмитрій Евгеньевичъ.

Много родовитыхъ магнатовъ жило еще въ Москвѣ въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Русское вельможество внушало еще тогда всѣмъ и каждому какое-то обаяніе, которое исчезло совершенно въ наши дни. Обществомъ руководили аристократы съ громкими именами своихъ предковъ: Голицыны, Долгорукіе, Апраксины, Шепелевы, Шереметевы — вотъ какія имена стояли въ то время въ челѣ Московскихъ дворянскихъ круговъ...

Домъ сенатора Николая Евгеньевича Кашкина, гдѣ бывало высшее общество Москвы, славился въ тѣ времена радушіемъ

его хозяйки, Анны Гавриловны и умѣньемъ хозяина веселить общество, сохраняя въ своемъ домѣ полный порядокъ этикета и утонченнаго тона придворныхъ сферъ.

Николай Евгеньевичъ Кашкинъ, родной братъ фрейлины А. Е. Кашкиной, принадлежалъ къ интеллигенціи Екатерининскихъ временъ [1]). Нельзя сомнѣваться, что люди того времени по образованію далеко опередили своихъ предковъ, но между тѣмъ сохранили много деспотическихъ инстинктовъ и, пропитавшись цинизмомъ Вольтера, были весьма сухи сердцемъ и не совсѣмъ удобны въ семейной жизни.

Николай Евгеньевичъ Кашкинъ былъ человѣкъ весьма гордый и надменный; всѣ способности своего ума и сердца онъ, казалось, употребилъ на то, чтобъ поддерживать блестящимъ образомъ свое свѣтское положеніе, свое имя и достоинство пресловутаго рода Кашкиныхъ. Предки ихъ, три брата, выѣхали въ 1473 году къ Великому Князю Іоанну Васильевичу III изъ Рима; будучи греческими (византійскими) дворянами, они носили фамилію Кашкини (?). Потомки ихъ служили государямъ Московскимъ стольниками и воеводами [2]).

---

[1]) У генералъ-аншефа Евгенія Петровича Кашкина (см. выше, стр. 59—60) было два сына — Николай и Дмитрій — и девять дочерей. Николай Евгеньевичъ Кашкинъ (р. 1768, ум. 1827 г.), бригадиръ, потомъ тайный совѣтникъ и сенаторъ, женатъ былъ на Аннѣ Гавриловнѣ Бахметевой (р. 1777, ум. 1825 г.). Его братъ, Дмитрій Евгеньевичъ (р. 1771, ум. 1843 г.), еще подъ знаменами Суворова командовалъ егерьскимъ полкомъ, затѣмъ былъ генералъ-майоромъ въ отставкѣ. Первая его жена, Елизавета Ивановна Воейкова, была зарѣзана на дорогѣ изъ Тобольска. (См. «Родословную книгу», составленную княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, изд. 2-е, т. I, стр. 258). *Д. К.*

[2]) Въ росписи рода Кашкиныхъ, поданной въ 1688 г. въ Палату родословныхъ дѣлъ, приведено было семейное преданіе о томъ, что «лѣта 6981 году пріѣхали изъ Риму съ Царевною Софіею, дщерью царя Ѳомы Морейскаго, со внукою Царя Мануила Греческаго, къ Москвѣ, къ Великому Князю Ивану Васильевичу всея Россіи Греческіе дворяне, три брата прозваніемъ Кашкины»: Аталыкъ, Армаметъ и Карбуша. Отъ послѣдняго и пошелъ родъ Кашкиныхъ, въ XVIII вѣкѣ выдвинувшій адмирала Петра Гавриловича Кашкина, сыновья котораго были: старшій—Аристархъ Петровичъ—тайнымъ совѣтникомъ, а Евгеній Петровичъ - генералъ-аншефомъ и генералъ-губернаторомъ (см. выше). Легенда о происхожденіи Кашкиныхъ изъ Греціи нашла себѣ оффиціальное признаніе и въ Общемъ Гербовникѣ (ч. I, стр. 58). Изслѣдованіе о родѣ Кашкиныхъ см. въ книгѣ Н. Н. Кашкина «Родословныя Развѣдки», т. II, С.-Пб. 1913 г., стр. 173—581;

Николай Евгеніевичъ Кашкинъ игралъ въ Москвѣ очень удачно роль просвѣщеннаго магната, умѣлъ окружить себя обаяніемъ вельможи, и его домъ въ Москвѣ уступалъ немногимъ другимъ домамъ въ этомъ отношеніи. У него были балы, литературные вечера, музыкальныя утра, charades en action и живыя картины, въ которыхъ принимали участіе княжны Щербатовы и Урусовы, красавицы самаго высшаго круга. У него была отличная библіотека, и вся обстановка его дома отличалась вкусомъ почтеннаго стариннаго барскаго покроя.

Художники, поэты, литераторы, знаменитые актеры могли всегда надѣяться на его покровительство. Но блескъ ума Николая Евгеньевича и умѣнье играть роль магната не могли бы упрочить за домомъ Кашкиныхъ того почтеннаго положенія, которымъ онъ пользовался въ Московскомъ обществѣ: душою этого пріятнаго настроенія въ ихъ домѣ была хозяйка его—Анна Гавриловна, супруга сенатора [1]). На ея долю выпала не только трудная задача смягчать пустоту и декоративность нрава ея супруга и умалять его надменность, но и умѣнье одушевлять и осчастливить своими качествами все, что ее окружало. Въ ней именно лежала та сила, которая всѣхъ привлекала въ ихъ домъ. Она была очень дружна со своей золовкой фрейлиной; дѣда моего она почитала и цѣнила по его достоинствамъ; между этими двумя семьями—Кашкиныхъ и Оболенскихъ—отношенія были вполнѣ родственныя и близкія.

Семейная жизнь Анны Гавриловны была тяжела; тутъ ея пути не всегда были усыпаны розами. Ея супругъ не ладилъ съ ихъ сыномъ, къ дочери былъ равнодушенъ [2]). Она должна

ср. также его замѣтку «По поводу воспоминаній о быломъ Е. А. Сабанѣевой» въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1901 г., январь, и отд. изданіе, Калуга. 1913 г., стр. 8. *Б. М.*

[1]) О ней и ея смерти см. ниже. *Б. М.*

[2]) Сергѣй Николаевичъ Кашкинъ (род. 17-го апрѣля 1799, ум. 7-го ноября 1868 г.) былъ единственный сынъ сенатора; онъ служилъ въ 1820-хъ годахъ въ Петербургѣ, въ л.-гв. Павловскомъ полку. Впослѣдствіи былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Миллеръ (род. 1-го мая 1806, ум. 18-го октября 1879 г.).—Единственная дочь сенатора, Варвара Николаевна (род. 1810, ум. 1839 г.), была замужемъ за Александромъ Алексан-

была переносить много борьбы и страданій у своего домашняго очага и твердо и терпѣливо несла свой крестъ. Эта женщина была вполнѣ достойна того уваженія и любви, которыми пользовалась въ Московскомъ обществѣ.

дровичемъ Грессеромъ, адъютантомъ Великаго Князя Михаила Павловича. Въ 1820-хъ годахъ она была еще ребенкомъ. *Е. С.*

Сообщенія Е. А. Сабанѣевой не совсѣмъ точны. С. Н. Кашкинъ служилъ въ Петербургѣ не въ 1820-хъ годахъ, а лишь въ 1819 и 1820; у Н. Е. Кашкина, кромѣ дочери Варвары Николаевны Грессеръ, была еще дочь Александра (род. 23-го сентября 1797 г.), умершая 12-лѣтъ отъ роду 12-го ноября 1809 г. Здѣсь умѣстно сообщить о С. Н. Кашкинѣ еще слѣдующія строки о немъ его внука: «Дѣдъ мой... вступилъ въ Павловскій полкъ—потому что тамъ служилъ въ то время его двоюродный братъ и другъ князь Е. П. Оболенскій—20-го сентября 1819 г. и вышелъ въ отставку, съ чиномъ поручика, уже 24-го сентября 1820 г.; жилъ затѣмъ преимущественно въ Москвѣ и тамъ же поступилъ въ гражданскую службу (въ Московскій Надворный Судъ), съ переименованіемъ въ гражданскій чинъ, 3-го ноября 1824 года. Близкое родство его съ княземъ Е. П. Оболенскимъ и братьями Муравьевыми-Апостолами, а также дружба его съ И. И. Пущинымъ повлекли обвиненіе его въ недонесеніи о заговорѣ декабристовъ, вызовъ его въ Петербургъ, для заключенія на 7 мѣсяцевъ въ Петропавловскую крѣпость, и ссылку въ Архангельскъ, безъ лишенія правъ, на службу въ Канцелярію тамошняго генералъ-губернатора, куда онъ поступилъ 7-го февраля 1827 года. Уже 20-го іюля того же года, во вниманіе къ кончинѣ (18-го мая) его удрученнаго рядомъ семейныхъ несчастій отца, онъ былъ всемилостивѣйше прощенъ и получилъ разрѣшеніе жить, для устройства дѣлъ по имѣніямъ, въ селѣ Нижнихъ Прыскахъ, Козельскаго уѣзда, безъ права въѣзда въ столицы, возвращеннаго ему впослѣдствіи для воспитанія сыновей» («Историч. Вѣстн.» 1901 г., № 1). О немъ см. «Родословныя Развѣдки», Н. Н. Кашкина, т. II, С.-Пб. 1913, стр. 546—557. Сынъ Сергѣя Николаевича Кашкина—Николай Сергѣевичъ (род. 2-го мая 1829 г.), блестяще окончивъ курсъ въ Имп. Александровскомъ Лицеѣ, служилъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и 23-го апрѣля 1849 г. былъ арестованъ по «дѣлу Петрашевскаго», заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, 22-го декабря осужденъ на смертную казнь, но, вмѣстѣ съ другими «Петрашевцами», помилованъ и сосланъ рядовымъ на Кавказъ, въ 4-й линейный баталіонъ. Прикомандированный, для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, ко 2-му батальону, онъ за отличія въ походахъ 1851 г.—получилъ солдатскаго Георгія, въ дѣлѣ 23-го января 1852 г.—произведенъ въ унтеръ-офицеры и въ дѣлѣ 22—23-го октября 1853 г.—въ прапорщики (14-го мая 1855 г.); затѣмъ былъ прикомандированъ къ Штабу Кавказскихъ войскъ; Высочайше помилованъ 25-го января 1856 г.; возстановленъ въ дворянствѣ 22-го февраля 1857 г.; произведенъ въ подпоручики, получилъ Анну 4-й степени за храбрость и уволенъ по прошенію въ отставку въ сентябрѣ 1857 г. Вернувшись на родину, въ селѣ Прыски, онъ осенью 1858 г. выбранъ былъ Козельскимъ дворянствомъ въ члены Калужскаго Комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ (утвержденъ въ этой должности съ Высочайшаго соизволенія Имп. Александра II); въ 1866—1869 г. былъ Козельскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства и, кромѣ того, служилъ, по выборамъ, въ Земствахъ Козельскаго, Перемышльскаго, Мещовскаго и Жиздринскаго уѣздовъ и со-

Дмитрія Евгеньевича Кашкина, брата сенатора Николая Евгеньевича и бабушки фрейлины Александры Евгеньевны, я очень хорошо помню въ моемъ дѣтствѣ, т.-е., въ 1837 — 1838 годахъ. Онъ бывалъ часто въ домѣ дѣдушки князя Петра Николаевича Оболенскаго [1]).

Служебная карьера обоихъ братьевъ Кашкиныхъ устроилась блестящимъ образомъ подъ вліяніемъ высокаго положенія ихъ отца, генералъ-аншефа Кашкина, который былъ намѣстникомъ въ Тулѣ, при Императрицѣ Екатеринѣ II. Оба брата были очень богаты, но Николай Евгеньевичъ оставался на службѣ до конца своей жизни [2]), тогда какъ младшій братъ его, Дмитрій Евгеньевичъ, женатый на Воейковой [3]), вышелъ въ отставку, достигнувъ чина генералъ-маіора, и жилъ въ своемъ богатомъ Тульскомъ имѣніи, селѣ Бурмосовѣ [4]). Тамъ онъ потѣшалъ весь уѣздъ разными праздниками, барскими затѣями и потѣхами. Въ его имѣніи былъ театръ, гдѣ крѣпостные актеры разыгрывали комедіи и мелодрамы его сочиненія; онъ самъ даже игралъ роли Олимпійскихъ боговъ на сценѣ своего домашняго театра. Уѣздное общество щедро воскуривало ему ѳиміамъ подъ вліяніемъ

стоялъ Губернскимъ гласнымъ Калужской губерніи съ самаго учрежденія земства и донынѣ. Съ 1866 г. состоя почетнымъ мировымъ судьею, Н. С. Кашкинъ съ 1870 года былъ Членомъ и съ 1874 г. до 1908 г.—Товарищемъ Предсѣдателя Калужскаго Окружнаго Суда; съ 1908 г. состоитъ Членомъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной. Его болѣе подробную біографію см. въ книгѣ его сына Н. Н. Кашкина «Родословныя Развѣдки», т. II, С.-Пб. 1913, стр. 564—576. Тамъ же помѣщены и портреты С. Н. и Н. С. Кашкиныхъ. *Б. М.*

[1]) Подробная біографія Д. Е. Кашкина написана Н. Н. Кашкинымъ и помѣщена въ его книгѣ «Родословныя Развѣдки», т. II, С.-Пб. 1913, стр. 492—526. Тамъ-же приложенъ и портретъ его. *Б. М.*

[2]) Служебная дѣятельность Н. Е. Кашкина разсказана въ той же книгѣ, т. II, С.-Пб., 1913, стр. 477—484. *Б. М.*

[3]) Овдовѣвъ послѣ брака съ Елизаветой Ивановной Воейковой, Д. Е. Кашкинъ въ 1837 г. женился на вдовѣ Устиньѣ Ѳоминичнѣ Германъ (см. тамъ-же, стр. 522). *Б. М.*

[4]) Имѣніе Бурмосово было не въ Тульской губерніи: древнѣйшіе вотчинные акты и писцовыя книги указываютъ его въ Городскомъ стану Углицкаго уѣзда, а въ XVIII вѣкѣ часть Углицкихъ Кашкинскихъ имѣній, въ томъ числѣ и Бурмосово, была зачислена въ Мышкинскій уѣздъ. *Б. М.*

его обѣдовъ и угощеній, а онъ такимъ образомъ проживалъ свое крупное состояніе.

Онъ былъ хорошо образованъ, зналъ очень хорошо иностранные языки, былъ знакомъ съ иностранной литературой; у него въ его деревенскомъ домѣ была отличная библіотека, и я помню, что всѣ удивлялись его отличной памяти: онъ безошибочно читалъ на память цѣлыя сцены изъ трагедій Вольтера, Корнеля и Расина, зналъ наизустъ всю Вольтеровскую «Генріаду». Но опять-таки этотъ запасъ познаній не освѣщалъ въ немъ ничего человѣческаго или отраднаго для души. Самообожаніе и надменность перешли у него всякія границы; въ семьѣ его почитали за человѣка ненормальнаго и говорили, что онъ помѣшанный.

Я помню дѣдушку Дмитрія Евгеньевича Кашкина, когда онъ подъ Новинскимъ, въ домѣ дѣдушки князя Петра Николаевича Оболенскаго, угощалъ насъ своимъ музыкальнымъ талантомъ. Онъ привозилъ съ собою имъ самимъ выдуманный инструментъ, что-то въ родѣ гигантской гитары; онъ давалъ ей названіе «димитары»—по созвучію съ его именемъ.

Дмитрій Евгеньевичъ собиралъ вокругъ себя всѣхъ, кто жилъ въ домѣ, и давалъ концертъ на этомъ диковинномъ инструментѣ. Трудно себѣ представить старика въ генеральскомъ мундирѣ, при орденахъ, съ лентой черезъ плечо, сидящаго среди залы и играющаго на этой нелѣпой «димитарѣ» піесы своего сочиненія... То были диковинные аккорды и звуки!.. Онъ, бѣдный, не понималъ комизма своего положенія и даже не сознавалъ, что публика, какъ только замѣтитъ, что онъ увлекся игрой, такъ сейчасъ же удаляется потихоньку изъ залы. Оставались его слушателями только дѣти, нянюшки и старушки-приживалки. Когда мы были дѣтьми, то оставались до конца этихъ концертовъ, даже любили эти представленія съ дѣдушкой, музыкантомъ-генераломъ.

XIII.

Мадамъ Стадлеръ и Леонтьевы.

Почтенную воспитательницу моей матери, madame Stadler, лучше всего обрисуютъ тѣ разсказы, которые моя матушка часто въ дѣтствѣ про нее мнѣ передавала; она и насъ старалась пріучать къ труду и независимости отъ внѣшняго міра, т.-е. не любила баловать насъ въ смыслѣ зависимости отъ горничныхъ и ихъ услугъ.

«Рано утромъ мы просыпались подъ звукъ голоса m-me Stadler, которая кликала Парашу (горничную); затѣмъ говорила: «Enfants, levez-vous!» Какъ не хотѣлось иной разъ покидать постель; однако, надо вставать, одѣваться; въ $^1/_2$ 8-го мы пьемъ чай, въ 8 часовъ сидимъ за уроками. Monsieur Stadler занимается съ нашими братьями, Митей и Сережей [1]); они были моложе насъ и едва читали по складамъ.

«Madame Stadler очень строга, взыскательна, даже рѣзка. Бѣдная сестра Наташа! она была болѣзненна, и ей трудно было учиться; Оленька [2]) была очень дика сначала, и у нея была плохая память, я же училась бойко и легко. M-me Stadler поручала мнѣ часто повторять уроки съ сестрой или Оленькой; это развило во мнѣ на всю жизнь способность заниматься успѣшно и охотно съ дѣтьми, а для учениц҃ъ моихъ было очень полезно: мы всѣ сдѣлали скоро быстрые успѣхи.

«Обыкновенно гувернантки любятъ принимать участіе въ свѣтской и суетной жизни своихъ патроновъ, но m-me Stadler, напротивъ того, избѣгала гостиной и неохотно отпускала насъ на фрейлинскую половину. Она говорила: «Je n'aime pas, quand les enfants baguenaudent». По ея мнѣнію, дѣти должны имѣть

---

[1]) Князьями Оболенскими. *Б. М.*

[2]) Наташа—княжна Оболенская, а Оленька—Бочкарева, впослѣдствіи Веселовская. *Б. М.*

вокругъ себя спокойную атмосферу и не мѣшаться съ большими. Она не любила водить насъ въ Александровскій садъ или на Тверской бульваръ: «Тамъ дѣти выставляются на показъ,—говорила она,—въ нихъ возбуждается тщеславіе—это совсѣмъ лишнее. Je suis bonne marcheuse, идемъ лучше подальше отъ городского шума!» И мы, весною или осенью, въ хорошую погоду, ходили съ ней или подъ Дѣвичье поле, или даже на Ваганьковское кладбище. Тамъ мы могли бѣгать, сколько хотѣли; намъ позволяли снимать шляпы: тамъ мы были свободны отъ городскихъ требованій. Лѣтомъ мы жили въ Рождественѣ [1]), и тамъ жизнь текла для насъ очень правильно: уроки, прогулки въ лѣсъ и поля—это отлично было для нашего здоровья.

«Мои старшія сестры были очень болѣзненны; онѣ были уже большія дѣвицы и выѣзжали въ свѣтъ, когда m-me Stadler поступила въ нашъ домъ, такъ что она не могла имѣть на нихъ вліянія, но она основательно говорила, что ихъ слабому здоровью была отчасти причиной многочисленная прислуга, которая окружала ихъ въ дѣтствѣ. Мои старшія сестры не умѣли сами обуваться, пили утренній чай въ постеляхъ и прежде второго часа не выходили изъ своихъ комнатъ. И какіе дикіе предразсудки были имъ привиты мамушками и нянюшками! Ворожба, гаданья, боязнь дурного глаза—все это сильно разстроило ихъ нервы. Сестра Катенька [2]) отрѣшилась вполнѣ отъ этихъ нелѣпостей по разуму,—она была такая умная и образованная дѣвушка,—но слѣды впечатлѣній дѣтства остались на ней: у нея бывали истерики, она боялась грома, пауковъ и лягушекъ.

«Дорогая сестра Сашенька [3]),—та никогда не могла выйти

---

[1]) Село Рождествено въ 1820-хъ годахъ принадлежало князю Петру Николаевичу Оболенскому. Это подмосковное село находится въ 17 верстахъ отъ села Воскресенскаго, близъ котораго стоитъ монастырь, именуемый «Новый Іерусалимъ». *Е. С.*

[2]) Княжна Екатерина Петровна Оболенская была замужемъ за Андреемъ Васильевичемъ Протасьевымъ. *Е. С.*

[3]) Княжна Александра Петровна Оболенская была замужемъ за А. И. Михайловскимъ. *Е. С.*

изъ сферы гаданій, толкованія сновъ и разныхъ предчувствій. Она была съ дѣтства очень слабаго здоровья: ее такъ берегли и нѣжили! Она вела всегда очень праздную жизнь; я ее, право, иначе и не помню, какъ или въ бальномъ платьѣ—такой прелестной съ ея классической красотой,—или же въ постели. Понятно, что ея страсть,—гадать, мечтать и предчувствовать,—была потребностью для того, чтобы сокращать время. Мы всѣ ее очень любили.

«M-me Stadler, какъ только вошла въ нашъ домъ, потребовала удаленія отъ насъ лишней прислуги и оставила при насъ нашу старую няню Денисовну, за которой зорко слѣдила, чтобъ она оставила насъ въ покоѣ отъ лишнихъ попеченій. Конечно, дѣло обошлось не безъ борьбы; но я ей весьма благодарна за ту пользу, которую приносятъ хорошія привычки: я могу всегда обойтись безъ горничной.

«Еще одна черта въ характерѣ m-me Stadler была мнѣ всегда сочувственна: это ея прямота и правдивость. Она была тверда въ своихъ убѣжденіяхъ, никогда никому не льстила и къ себѣ тоже была строга. Приведу для примѣра слѣдующее.

«Когда мы подросли и перешли въ возрастъ сознанія того, что̀ вокругъ насъ дѣлается, то стали замѣчать между супругами Стадлерами частыя ссоры, не разъ слыхали между ними не совсѣмъ миролюбивые разговоры. Послѣ всякой такой сцены мы видѣли, что m-me Stadler огорчена, но она была такъ добросовѣстна, что признавалась намъ, какъ сильно порицала себя за то, что при насъ не умѣла сдержать своего раздраженія и гнѣва, и кончала свою исповѣдь словами: «Mes enfants, faites ce que je dis, mais ne faites pas ce que je fais».

«M-me Stadler долго прожила у насъ въ домѣ: до той поры, когда мы кончили наше воспитаніе. Разстаться съ нею было для насъ истиннымъ горемъ».

Княжна Екатерина Николаевна Оболенская, сестра дѣдушки князя Петра Николаевича, была милая, добрѣйшая старушка. Она жила въ Москвѣ своимъ домомъ, часто кушала у брата,

и онъ аккуратно ее навѣщалъ. Дѣдушка окружалъ ее лаской и вниманіемъ и помогалъ ей по управленію ея имѣніемъ. Она была его единственная сестра незамужняя и осталась до конца дней своихъ совершенной институткой. Она была воспитанницей Смольнаго Монастыря 1-го выпуска. Вотъ что́ матушка про нее разсказывала. «Разъ какъ-то стояла я у окна нашего Московскаго дома со стороны сада. Былъ великолѣпный майскій вечеръ, сирень въ саду начинала цвѣсти, аллея акацій по одной сторонѣ сада, густая уже отъ свѣжихъ листьевъ, бросала отъ себя длинную тѣнь, а на полянкѣ, что́ противъ оконъ, яблони были въ полномъ цвѣту. Луна взошла, ярко свѣтила на небѣ и серебрила своимъ матовымъ отблескомъ эти цвѣтущія деревья. Я залюбовалась и задумалась. Я была одна въ комнатѣ; вдругъ кто-то тронулъ меня легонько за плечо. Я даже вздрогнула. Гляжу, стоитъ подлѣ меня наша добрая старушечка тетушка, княжна Екатерина Николаевна.

— «Варенька,—говоритъ она,—отойди отъ окна, милый другъ, не гляди на луну».

— Отчего же, тетушка? Посмотрите какъ хорошъ вечеръ?

— «Не годится, мой другъ, дѣвицѣ глядѣть на луну: подумаютъ, что ты влюблена».

«Я никакъ не могла понять это отношеніе луны къ состоянію влюбленности, но поцѣловала у тетушки руку и обѣщала не глядѣть на луну».

Тетушку Марью Петровну Леонтьеву, сестру моей матушки, я очень хорошо помню. Въ семьѣ дѣда она и супругъ ея Сергѣй Борисовичъ пользовались большимъ уваженіемъ. Марья Петровна была гораздо старше моей матери,—она была старшая дочь моего дѣда отъ первой его супруги. Она была замѣчательная женщина по уму и образованію.

Имѣніе Леонтьевыхъ, сельцо Корытня [1]), было недалеко отъ имѣнія моего батюшки, и мы часто тамъ гостили.

---

[1]) Калужской губерніи, верстахъ въ 20-ти отъ Тарутина. *Е. С.*

Марья Петровна Леонтьева была маленькая, худенькая женщина, уже пожилая. Туалетъ ея отличался квакерской простотой, отсутствіемъ всякой моды или тщеславія. Въ будни она сидитъ всегда за пяльцами въ ситцевомъ капотѣ; бѣлоснѣжный воротничекъ вокругъ шеи, бѣлые рукавчики аккуратно отложены надъ кистями ея маленькихъ ручекъ, которыя такъ ловко вышиваютъ по батисту самые изящные узоры съ рѣшетками или насыпью. Вообще всѣ ея работы были чисто-художественныя произведенія. На головѣ она всегда носила черный тафтяный сборничекъ, очень плотно придерживавшій гладко зачесанные сѣдые волосы на вискахъ. Лицо у нея маленькое, черты неправильныя, глаза какіе-то лучистые, но часто строгіе, выраженіе лица всегда внимательное и заботливое. Къ ней лучше всего можно было приложить пословицу: малъ золотникъ, да дорогъ.

Супругъ ея, Сергѣй Борисовичъ Леонтьевъ, былъ высокій, плотный мужчина; его характерная большая голова съ высокимъ лбомъ бросалась въ глаза крупными, неправильными чертами лица; выраженіе флегматической серьезности этого лица скрывало съ перваго взгляда добродушіе его физіономіи, которое замѣчалось только впослѣдствіи. Онъ имѣлъ недостатокъ—быть разсѣяннымъ; но когда обнаруживались его ошибки въ этомъ смыслѣ, онъ такъ искренно смѣялся самъ надъ собою, что присутствующіе чувствовали себя ближе къ нему, и онъ привлекалъ этимъ къ себѣ сочувствіе. Онъ выигрывалъ при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ: отсутствіе мелкихъ движеній самолюбія, простота его обращенія утверждали за нимъ полное довѣріе и уваженіе при дальнѣйшихъ съ нимъ отношеніяхъ.

Леонтьевы съ самаго начала ихъ женитьбы жили въ этомъ имѣніи своемъ, сельцѣ Корытнѣ. Сосѣди считали ихъ большими чудаками, потому что ни мужъ, ни жена въ карты не играли, избѣгали праздниковъ, именинъ, частаго сосѣдскаго сообщенія не любили, хотя со всѣми были знакомы,—не то, чтобы чуждались людей. Сергѣя Борисовича осуждали за то, что онъ перебаловалъ свою дворню, отпустилъ много мужиковъ на оброкъ:

дескать, не справится и разстроитъ имѣніе. Нѣкоторые прибавляли, что удивляться тутъ нечему, потому что Леонтьевъ «пороху не выдумаетъ». Но дѣло было въ томъ, что онъ именно ничего не выдумывалъ и дѣйствовалъ въ жизни, руководясь своими внутренними убѣжденіями, не совсѣмъ согласными съ житейской мудростью.

Онъ не имѣлъ въ виду, отпуская мужиковъ на оброкъ, опережать свое время съ тенденціями либерализма, а дать льготы мужику было ему просто сочувственно.

Сергѣй Борисовичъ не увлекался тоже желаніемъ копить, собирать, пріобрѣтать, а жили они, и мужъ и жена, душа въ душу между собой, смирнехонько въ своемъ уголкѣ, прославляя имя Божіе и стараясь служить чему-то высшему, чѣмъ бреннымъ и тлѣннымъ сокровищамъ міра сего. И правда, что крѣпостные у нихъ въ домѣ жили привольно, точно такъ же, какъ у князя-дѣдушки. У Леонтьевыхъ въ семьѣ была тишь, да гладь, да Божья благодать. Трудно себѣ представить, какъ жили Леонтьевы въ 1820-хъ годахъ въ ихъ Калужскомъ имѣніи Корытнѣ. Несомнѣнно, что они не сходились съ сосѣдями; на нихъ былъ особенный отпечатокъ мирной жизни и душевнаго спокойствія. Они тоже неусыпно трудились въ кругу ихъ домашняго обихода, и ихъ домъ былъ точно улей, въ которомъ работа кипѣла съ ранняго утра. Марья Петровна была отличная хозяйка, хотя она, правда, не вносила по этому предмету той щепетильной возни въ смыслѣ провѣрки провизіи и т. д., столь излюбленной барынями, но у нея въ домѣ все шло ровно, точно въ тактъ. Ни у кого не пекли такого вкуснаго домашняго печенія къ чаю, какъ у нея: что за вкусныя булочки и заварные крендельки, и какъ нарядно и опрятно лежали эти булочки и крендельки на большемъ подносѣ, когда экономка Наталья, съ ея степеннымъ лицомъ, ставила этотъ подносъ въ столовой на столъ каждое утро передъ барыней, которая всегда сама разливала чай! Семья собиралась вокругъ этого стола, и было столько гармоніи и патріархальной простоты въ этомъ домѣ! Дѣтей у

Леонтьевыхъ было очень много, и ихъ воспитаніе составляло цѣль жизни ихъ родителей.

Какъ свободна была тетушка Марья Петровна отъ увлеченій французскими и чужеземными вообще гувернерами и гувернантками для своихъ дѣтей! Какъ осторожно выбирала воспитателей! Правда, что, владѣя тремя иностранными языками, она часто сама занималась уроками со своими дѣтьми. Я знаю, что одна гувернантка, жившая въ ихъ домѣ, говорила, что у нихъ она отвыкла справляться съ словарями, потому что хозяйка дома была сама живой лексиконъ.

И какъ мало были сходны понятія Леонтьевыхъ о воспитаніи дѣтей съ понятіями, преобладавшими тогда въ дворянскихъ семьяхъ! Двадцатые года ознаменовались у насъ поѣздками нашихъ дворянъ за границу, увлеченіемъ французскими модами и гувернерскимъ воспитаніемъ, которое надѣлало столько вреда. Мало было тогда удивляться слѣпотѣ родителей,—должно было негодовать за это гнусное направленіе. Кому только ни довѣряли тогда русскихъ дѣтей, лишь бы нашелся иностранецъ! Какой позоръ для Россіи... И сколько вреда надѣлали въ нашемъ отечествѣ эти бродяги, оставшіеся въ нашей территоріи отъ Наполеоновскихъ полчищъ.

Ничего подобнаго такому направленію у Леонтьевыхъ не было, да и быть не могло. Марья Петровна, отлично знакомая съ иностранной литературой, не искала тамъ, однако, авторитетовъ, читала также творенія нашихъ Отцовъ Церкви и умѣла извлекать изъ нихъ болѣе для себя свѣта и пользы. И она воспитала дѣтей своихъ въ духѣ нашей православной церкви, безъ педантства или ханжества, но съ теплымъ упованіемъ на милосердіе Божіе. Несмотря на свою ученость, она была проста, смиренна, исполнена какого-то особеннаго благодушія. Несмотря на свое слабое здоровье, она всегда постилась, согласно правиламъ нашей Церкви; сама она кушала великимъ постомъ щи съ грибами безъ масла, для гостей у нея былъ скоромный обѣдъ, и она имъ радушно угощала; вообще порицать ближняго она

не любила, и всякій находилъ въ ней участіе и самую снисходительную оцѣнку.

Ея отношеніе къ простому люду было трогательное; деревенскія бабы несли въ Корытню, въ барскія хоромы своихъ больныхъ: она собственноручно обмывала раны, купала золотушныхъ дѣтей. Она ввела оспопрививаніе между своими крестьянами и сама умѣла производить эту операцію безъ помощи фельдшера.

Какіе тоже цвѣты росли въ рабаткахъ передъ балкономъ Корытнинскаго дома, взлелѣянные рукою хозяйки или ея дочери Сашеньки! [1]) Садъ у Леонтьевыхъ былъ густой и тѣнистый, безъ претензій на иностранныя затѣи. Ихъ Корытня не отличалась тоже живописностью мѣстоположенія, рощи даже были далеко отъ усадьбы. Когда намъ надоѣдало гулять въ саду, то мы отправлялись вдоль Калужскаго большого тракта; тамъ по обѣимъ сторонамъ его возвышаются курганы, оставшіеся, говорятъ, отъ нашествія монголовъ; по этимъ курганамъ мы собирали спѣлую землянику и клубнику и приносили домой: въ Корытнѣ столько варили всегда варенья! Помнится мнѣ, что тамъ въ домѣ лѣтомъ пахло мятой и малиной. Помнится тоже, что въ угольной комнатѣ, на бѣлыхъ простыняхъ, сушились листья розы или березовой почки и смородины.

---

[1]) Моя двоюродная сестра, Александра Сергѣевна Леонтьева, была впослѣдствіи замужемъ за княземъ Павломъ Петровичемъ Вадбольскимъ. *Е. С.*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Изъ разсказовъ моей матушки о ея Московской жизни 1821—1825 гг.

XIV.

Молодые Кашкины, княжна Анна Урусова и Полина Боборыкина.

«Наша семья и семья Кашкиныхъ, по родственной связи и по доброму расположенію другъ къ другу, какъ молодыхъ, такъ и пожилыхъ членовъ семей, были тѣсно связаны между собою.

У Кашкиныхъ былъ единственный сынъ Сергѣй [1]), который служилъ съ моими старшими братьями въ Петербургѣ въ гвардіи, и единственная дочь Варенька [2]), которая была моложе насъ и не выѣзжала еще, когда мы съ сестрой вступили въ свѣтъ. У Кашкиныхъ мы были, какъ дома: тетушка Анна Гавриловна была безконечно добра къ намъ, и въ ихъ домѣ намъ было особенно легко увлекаться тѣмъ неоцѣненнымъ настроеніемъ радости и молодости, которыя два раза не повторяются въ жизни. Много тоже имѣло въ то время значе-

---

[1]) О немъ см. выше, стр. 79—80. *Б. М.*

[2]) По мужу Грессеръ; скончалась 15-го февраля 1839 г. въ Петербургѣ («Петербургскій Некрополь», т. I, С.-Пб. 1912, стр. 673). *Б. М.*

нія для насъ расположеніе духа тетушки Александры Евгеньевны [1]), которая тогда насъ вывозила. Она говорила, что болѣе довольна нами, чѣмъ старшими моими сестрами, на пути нашихъ успѣховъ въ свѣтѣ, и вообще какъ-то все шло легко и весело вокругъ насъ.

Братья гвардейцы и Сергѣй Кашкинъ ѣзжали часто въ Москву въ отпускъ, сопровождали насъ на всѣ балы; мы гордились ими, ихъ присутствіе оживляло нашъ кругъ, и насъ всюду окружала самая блестящая молодежь Москвы.

На балахъ у Архаровыхъ, Кутайсовыхъ, Апраксиныхъ, Шепелевыхъ и Кашкиныхъ нашими кавалерами были: князь Николай Щербатовъ, Скуратовы, Лукинъ, гвардейцы князья Несвицкіе, князь Мещерскій. Помню, что въ тѣ времена я не разъ носилась въ вихрѣ вальса съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ (онъ былъ намъ и сродни) [2]). Веселое и беззаботное было время!

Много было тогда красавицъ въ Москвѣ: княжна Анна Урусова, княжны Щербатовы, Софи Пушкина [3]), Полина Боборыкина [4]), Гончарова [5]).

Кстати о княжнѣ Аннѣ Урусовой,—вотъ два анекдота о ней, но именно анекдота. Ея красота возбуждала зависть, и подъ

---

[1]) Фрейлины Кашкиной. *Б. М.*

[2]) Какъ именно и черезъ кого Пушкинъ приходился сродни князьямъ Оболенскимъ, не знаемъ. Въ то время, впрочемъ, родствомъ считались чуть не за 10 поколѣній. *Б. М.*

[3]) Та Софья Θедоровна Пушкина, «маленькая и субтильная блондинка, точно саксонская куколка», «прехорошенькая, преживая и превеселая» «крошка Пушкина»—по опредѣленію современницъ,—въ которую влюбился Пушкинъ въ 1826 г. и на которой хотѣлъ жениться, однако, успѣха не имѣлъ: С. Θ. Пушкина въ 1827 г. вышла замужъ за Валеріана Александровича Панина. Она родилась 21-го апрѣля 1806 г., умерла въ Москвѣ 27-го января 1862 г. Ея портретъ см. при замѣткѣ Б. Л. Модзалевскаго въ сборникѣ «Пушкинъ и его современники», вып. XI, стр. 107—108, а о ней самой—Записки В. П. Зубкова, съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго,—тамъ-же, вып. VI, и отд. изд., С.-Пб. 1906. *Б. М.*

[4]) Дочь Евдокіи Евгеньевны Боборыкиной, рожд. Кашкиной, впослѣдствіи княгиня Друцкая-Соколинская. *Б. М.*

[5]) Конечно, Наталья Николаевна, будущая супруга Пушкина. *Б. М.*

этимъ вліяніемъ они возникли; въ сущности, она была добрая и милая дѣвушка.

Разъ, гдѣ-то, княжна Урусова разговаривала со своимъ кавалеромъ въ кадрили или мазуркѣ,—онъ и спросилъ ее, что она читаетъ. Она отвѣтила: «розовенькую книжку, а сестра моя читаетъ голубую».

Князь Мещерскій былъ безумно влюбленъ въ княжну Урусову; онъ считался между интеллигентной молодежью замѣчательнымъ по уму и образованію; и тоже началъ съ ней рѣчь о литературѣ, о чтеніи, о поэзіи, что-ли. Она долго его слушала и, наконецъ, перебила его рѣчь вопросомъ: «Mon prince, avec quel savon faites-vous votre barbe?»

Это, однако, не помѣшало успѣхамъ княжны въ свѣтѣ. Вся Москва съ ума сходила отъ восторга, когда она появлялась на балѣ. Впослѣдствіи она сдѣлала блестящую партію и вышла замужъ за богача князя Радзивила [1]).

Тетушка Авдотья Евгеньевна Боборыкина [2]) пользовалась уваженіемъ въ нашей семьѣ; она была женщина умная, очень самостоятельная, даже рѣзкая. Въ своей семьѣ она была главою и владычествовала надъ мужемъ своимъ [3]).

---

[1]) Е. А. Сабанѣева ошибается въ имени княжны Урусовой: за княземъ Леономъ-Людвигомъ Радзивилломъ, генералъ-лейтенантомъ Русской службы (род. 1808, ум. 1885 г.), была извѣстная своею красотою княжна Софья Александровна Урусова (род. 8-го мая 1806, ум. 17-го іюля 1889 г.), дочь оберъ-камергера князя Александра Михайловича Урусова (род. 1766, ум. 1853 г.) и княгини Екатерины Павловны, рожд. Татищевой. Красота Урусовой воспѣта и въ извѣстномъ четверостишіи, приписываемомъ Пушкину:

Не вѣровалъ я Троицѣ до нынѣ:
Мнѣ Богъ тройной казался все мудренъ;
Но вижу васъ—и, вѣрой озаренъ,
Молюсь тремъ граціямъ въ одной богинѣ.

За князя Радзивилла княжна Урусова вышла въ январѣ 1833 года. *Б. М.*

[2]) Авдотья Евгеньевна Боборыкина, урожденная Кашкина (ум. 15-го декабря 1843 г.), родная тетка моей матери, такъ же, какъ и фрейлина Александра Евгеньевна. *Е. С.*

О ней см. «Родословныя Развѣдки» Н. Н. Кашкина, т. II, С.-Пб. 1913, стр. 526—528. *Б. М.*

[3]) Лукьянъ Ивановичъ Боборыкинъ, полковникъ, потомъ тайный совѣтникъ при

У Боборыкиныхъ былъ сынъ Николай Лукьяновичъ [1]) и дочь Пелагея, которую они потеряли, когда она была еще ребенкомъ. Для тетушки эта потеря была великимъ испытаніемъ: она страстно была къ ней привязана. И вотъ въ своемъ отчаяніи тетушка возроптала и стала молить Бога, чтобы Онъ послалъ ей какую угодно будетъ Его волѣ кару, лишь бы вновь даровалъ ей дочь.

Конечно, что пути Божіи неисповѣдимы, и трудно мыслить, что прошенія ея были ко благу, но я разсказываю то, что было и что знаю. Такъ вотъ, скоро послѣ потери любимой дочери тетушка заболѣла очень мучительной болѣзнью: тѣло ея покрылось ранами, затѣмъ струпьями, и она не покидала постели. Мужъ ея и родные огорчались и скорбѣли, призывая докторовъ, которые не могли ей помочь. Тѣ, которые ухаживали за больной, дивились ея терпѣнію въ страданіяхъ, ея смиренію; она не роптала, а точно утверждалась на этомъ тернистомъ пути. Долго длились эти муки, нѣсколько лѣтъ, однако она выздоровѣла и родила дочь, которую назвали Пелагеей.

Затѣмъ время шло своимъ чередомъ, тетушка овдовѣла, съ сыномъ она раздѣлилась; онъ женился и гдѣ-то служилъ, а тетушка жила всегда въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, съ вымоленной дочкой Полиной.

Мы съ сестрой Наташей были однихъ лѣтъ съ Полиной, видались съ ней каждый день, росли вмѣстѣ, учились вмѣстѣ и начали выѣзжать въ свѣтъ въ одинъ и тотъ же годъ.

Надо сказать, что въ семьѣ Кашкиныхъ, а также и Бобо-

отставкѣ 31-го января 1800 г. См. о немъ «Родословныя Развѣдки» Н. Н. Кашкина, т. II, С.-Пб. 1913, стр. 527. *Б. М.*

[1]) Во время Крымской кампаніи сынъ ея, Николай Лукьяновичъ Боборыкинъ, былъ начальникомъ Ярославскаго ополченія. Родъ Боборыкиныхъ считался однимъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи. *Е. С.*

Онъ родился въ 1794 г., умеръ въ 1860 г., на службѣ состоялъ съ 1814 г., былъ полковникомъ и командиромъ 25-й артиллерійской бригады, потомъ генералъ-маіоромъ въ отставкѣ, а съ 1854 по 1859 г. былъ Любимскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства. О родѣ Боборыкиныхъ см. «Матеріалы для генеалогіи Ярославскаго Дворянства» И. Н. Ельчанинова, т. II, Яросл. 1913, стр. 30—37. *Б. М.*

рыкинныхъ, никто не отличался красотой; но Полина уродилась совсѣмъ красавицей: высокая, стройная, и эти синіе ея глаза, и коса черныхъ волосъ съ синеватымъ отливомъ! И нрава была кроткаго, но сосредоточенная и не очень сообщительная. Она была дика немножко, да и не мудрено: несмотря на свою любовь къ дочери, тетушка была съ ней очень строга. Мы часто жалѣли Полину, и у насъ въ семьѣ мы не видали такого деспотизма. Напримѣръ, разъ какъ-то Полина чѣмъ-то не угодила матери; это было въ чужомъ домѣ, да и общество тамъ было,—что жъ бы вы думали? Тетушка дала Полинѣ громкую пощечину, и это при всѣхъ, en plein salon [1]).

Затѣмъ и такіе были случаи. При застѣнчивости Полины, тетушка совсѣмъ ея не берегла; бывало, гости у нея сидятъ съ визитомъ, она кликнетъ Полину: «Pauline, venez montrer vos quinze ans à monsieur un tel» и т. д. въ томъ же родѣ. И все это такъ рѣзко, такъ неловко было; но Авдотья Евгеньевна была всегда своеобразна и была-таки порядочная чудачка.

Къ добру это не могло вести. Полина была, конечно, скрытна и съ матерью совсѣмъ не откровенна, и вотъ какой тогда созрѣвалъ романъ. Мы-то, дѣвушки, между собою все знали, но до старшихъ это еще не доходило.

Князь Владиміръ Никитичъ Друцкой-Соколинскій началъ ухаживать за Полиной. Ей онъ очень нравился, да и мудренаго тутъ не было ничего: онъ былъ очень хорошъ собою, умный и милый. Зачѣмъ бы тутъ быть роману?—Правда, что онъ былъ человѣкъ небогатый, за то Полина считалась въ Москвѣ дѣвицей съ крупнымъ приданымъ. Чего бы тетушкѣ идти противъ желанія дочери? Однако, вышло такъ, что въ одинъ прекрасный день пріѣзжаетъ тетушка и объявляетъ, что Полина невѣста. И откуда взялся тотъ женихъ, мы понятія не имѣли: какой-то генералъ—старый, дурной такой, совсѣмъ не нашего общества человѣкъ. Полина въ отчаяніи, льетъ слезы, но, ко-

---

[1]) Это было на балу въ Московскомъ Дворянскомъ Собраніи. (Примѣчаніе Н. Н. Кашкина).

нечно, сказать ничего не смѣетъ. И такъ скоро повелось это дѣло: сейчасъ помолвка, затѣмъ, еще дня черезъ три, тетушка пріѣхала съ нами проститься передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, чтобы тамъ шить приданое.

Этотъ послѣдній вечеръ въ Москвѣ Полина провела у насъ и повѣдала намъ, что она тихонько отъ матери видалась съ Друцкимъ у его сестры, что онъ избранный ея сердцемъ, что они поклялись другъ другу въ вѣчной любви и даже обмѣнялись кольцами. Мы плакали надъ ея безуміемъ, уговаривали или покориться матери, или же открыто противиться, вообще сами ничего ясно не сознавали, но душа замирала за эту бѣдную Полину. Такъ мы съ ней и простились, и на другой день Боборыкины уѣхали въ Петербургъ. Это было недѣли за двѣ до масленицы. Полина писала намъ, и письма ея были отчаянныя: она теряла всякую надежду, падала духомъ, а женихъ генералъ бывалъ у нихъ въ Петербургѣ всякій день.

Въ концѣ второй недѣли Боборыкины вернулись въ Москву, сейчасъ же были у насъ,—и каково было наше удивленіе увидать Полину, сіяющею радостью: жениху генералу тетушка отказала,—и Полина свободна!

Вотъ повѣствованіе этого отказа. Приданое было готово, генералъ ѣздилъ каждый день къ Боборыкинымъ въ качествѣ жениха, рядная была написана, и вотъ она-то и играла тутъ какую-то странную роль, послужившую для отказа.

Въ одно утро женихъ заѣхалъ какъ-то къ тетушкѣ, и вотъ говоритъ ему Авдотья Евгеньевна: «Свадьба будетъ у насъ на Красную горку въ Москвѣ. Мы скоро уѣзжаемъ, приданое готово. Теперь позвольте мнѣ передать вамъ рядную». Съ этими словами она подаетъ рядную генералу. Онъ взялъ бумагу, развернулъ и началъ читать. Какъ же разгнѣвалась тогда Авдотья Евгеньевна!

— Какъ,—говоритъ,—батюшка! ты мнѣ на слово не вѣришь, ты хочешь провѣрять меня?

Женихъ началъ-было извиняться, возвращаетъ ей бумагу

и говоритъ, что у него и мыслей подобныхъ не было... Но не такова была тетушка Авдотья Евгеньевна; она точно взяла отъ него рядную и говоритъ: «Нѣтъ, милостивый государь мой, Ваше Превосходительство! Между нами все кончено. Вотъ вамъ Богъ,—а вотъ вамъ порогъ»,—и указала ему на дверь. Тѣмъ дѣло это съ женихомъ генераломъ и кончилось.

Затѣмъ романъ съ княземъ Друцкимъ окончился свадьбой весьма скоро и благополучно [1]).

XV.

Анюта Скуратова и семейство Бартеневыхъ.

Анюта Скуратова рано лишилась родителей; сначала она росла между старшими братьями, затѣмъ ее отдали для окончанія воспитанія въ лучшій въ то время пансіонъ въ Москвѣ—madame Петрозиліусъ.

Семейство Скуратовыхъ [2]) отличалось патріархальностью нравовъ: братья были всѣ дружны между собою, единственную эту сестру ихъ Анюту они окружали заботами, и пока она была дома, для нея были всегда выбраны почтенныя гувернантки, и лучшіе учителя въ Москвѣ давали ей уроки. Скуратовы имѣли всѣ на то средства: они были богатые люди.

Мы съ дѣтства были знакомы съ Анютой, вмѣстѣ учились танцевать, затѣмъ вмѣстѣ и выѣзжали. Я сохранила на всю жизнь чувство живой привязанности къ ней, несмотря на большой запасъ чудачества въ ея характерѣ. Вотъ случай изъ ея дѣтства, который укажетъ на ея впечатлительность. Ей было лѣтъ 12, когда ей взяли законоучителя. Къ его урокамъ она относилась съ особеннымъ усердіемъ. Но не прошло мѣсяца,

---

[1]) Изъ одного письма Н. Е. Кашкина къ сыну Сергѣю въ Архангельскъ, въ 1827 г., видно, что Пелагея Лукьяновна Боборыкина была просватана не за генерала, а за гвардейскаго офицера Сомова. За князя Друцкаго-Соколинскаго она вышла замужъ въ 1830 или 1831 году. *Б. М.*

[2]) О немъ см. у В. И. Чернопятова: «Тульскій Родословецъ», ч. VI, стр. 579. *Б. М.*

какъ въ домѣ стали замѣчать въ Анютѣ большую перемѣну: она задумывалась часто, сдѣлалась апатична, затѣмъ начала худѣть и почти ничего не ѣла. Родные и окружающіе ее обезпокоились: они видѣли, что дѣвочка таетъ подъ какимъ-то гнетомъ; скоро появилось лихорадочное состояніе, и надо было обратиться къ доктору. Конечно, докторъ предписалъ прекращеніе всѣхъ уроковъ и занятій, большое спокойствіе, запретилъ всякое чтеніе. Братья окружили ее нѣжностью и лаской, такъ что она, наконецъ, рѣшилась сообщить имъ, что̀ такое тяготѣло надъ нею.

Когда она начала учиться Закону Божію и твердила тексты, то сначала они ей давались очень трудно; затѣмъ она побѣдила это и дошла до того, что стала усвоивать ихъ легко и быстро, но за то понимать смыслъ ихъ никакъ не могла. Мало того: чѣмъ безсмысленнѣе ей казался текстъ, тѣмъ скорѣе она удерживала его въ памяти и тѣмъ больше огорчалась сомнѣніями. Тогда она призналась въ томъ священнику, своему законоучителю. Онъ придумалъ наложить на нее эпитимію поклоновъ,—говорилъ, что то врагъ ее смущаетъ, и прибавилъ: «Мы всѣ, грѣшные, что ни ступили, то и согрѣшили». Бѣдная Анюта потеряла тогда всякую нормальную нить мыслей, воображеніе ея прицѣплялось только къ одной буквѣ, и она дошла до того, что считала шаги, когда ходила по комнатамъ, затѣмъ удалялась въ свою комнату и била передъ иконами столько поклоновъ, сколько дѣлала шаговъ. Понятно, что ей растолковали и объяснили иначе неосторожныя слова священника; но она долго мучилась нравственно, и ее надо было беречь...

Впрочемъ, Анюта осталась на всю жизнь склонна къ меланхоліи и, напримѣръ, деревенскую жизнь она никогда не могла переносить. Вотъ что случилось по поводу ея отвращенія къ деревнѣ.

Анюта была, правда, очень молода, когда вышла замужъ за Николая Дмитріевича Лукина, но вышла она за него по

своему выбору и, конечно, безъ принужденія. Онъ былъ красавецъ собой, хорошей фамиліи и воспитанія — совсѣмъ для нея пара. Послѣ свадьбы молодые уѣхали въ деревню и располагали тамъ поселиться. Мы съ Анютой были въ перепискѣ, и, судя по ея письмамъ, можно было думать, что она совершенно счастлива.

Прошло такъ мѣсяца три. Анюта появляется въ Москвѣ и сейчасъ же была у насъ; мы ей очень обрадовались, спрашиваемъ, гдѣ же она остановилась, надолго-ли къ намъ. Она говоритъ: «Я живу у m-me Петрозиліусъ». Трудно было этому повѣрить, но это было такъ: Анюта затосковала въ деревнѣ, съ ней были припадки меланхоліи, и она пріѣхала въ Москву, помѣстилась въ пансіонѣ Петрозиліусъ и вела тамъ жизнь совершенно такую, какъ и прочія воспитанницы пансіона: она спала въ дортуарѣ, ходила въ классы и брала уроки музыки.

Она говорила, что тоска отошла отъ нея, и что нравственный балансъ, потерянный подъ вліяніемъ деревенскаго однообразія, возстановился.

Припадки меланхоліи у нея прошли и, конечно, ее оставляли жить такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ справилась сама съ собою, подъ вліяніемъ регулярной пансіонской жизни и занятій.

Тутъ у нихъ случилось въ семьѣ большое горе: скончалась жена брата ея Алексѣя, который вскорѣ за ней послѣдовалъ. Послѣ нихъ осталось двое малолѣтнихъ сиротъ. Анна Петровна Лукина взяла дѣтей этихъ, воспитала ихъ и любила, какъ своихъ собственныхъ.

Съ мужемъ своимъ Анна Петровна жила въ совершенномъ согласіи; онъ привязался всей душой къ этимъ двумъ сиротамъ, племянникамъ своей жены. Лукины посвятили имъ всю свою жизнь.

Семейство Бартеневыхъ [1]) пользовалось въ Москвѣ исклю-

[1]) Статскій совѣтникъ (числившійся по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ) Арсеній Ивановичъ Бартеневъ (род. 8-го апрѣля 1780, ум. въ Петербургѣ 21-го іюля 1861 г.);

чительнымъ положеніемъ; оно принадлежало къ высшимъ сферамъ Московскаго общества и не покидало этихъ сферъ, несмотря на скудность своихъ средствъ.

Семья была многочисленная и во главѣ ея стояла вдова; посреди тяжкихъ обстоятельствъ совершеннаго разоренія, въ которомъ ее оставилъ покойный мужъ, она не теряла никогда присутствія духа и была преисполнена какого-то дѣтскаго благодушія и спокойствія. Она была всегда весела и довольна, никогда не жаловалась на свою судьбу и сохранила отъ прежняго богатства развалившійся большой домъ въ Москвѣ, двухъ крѣпостныхъ служанокъ, лакея, кучера, большую старую карету и двухъ заморенныхъ лошадей. Не знаю, какими средствами все это существовало, но у Бога всего много...

Вотъ буквально какъ жили Бартеневы въ тѣ времена. Съ ранняго утра семья поднималась на ноги, дѣтей умывали, одѣвали, сажали въ карету, и Бартенева отправлялась къ ранней обѣднѣ, затѣмъ къ поздней, и это по разнымъ монастырямъ или приходскимъ церквамъ. Послѣ обѣдни на паперти (чтобъ заморить червячка) покупались у разнощиковъ и совались дѣтямъ иной разъ баранки, иной разъ гречневики или пирожки. Затѣмъ всѣ садились снова въ карету,—и Бартеневы ѣхали къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, гдѣ пребывали цѣлые дни: завтракали, обѣдали и ужинали, смотря, такъ сказать, по вдохновенію, гдѣ Богъ на сердце положитъ.

Дѣти Бартеневой были разныхъ половъ и возрастовъ; въ тѣхъ домахъ, гдѣ были гувернантки, старшія изъ нихъ пользовались уроками вмѣстѣ съ дѣтьми хозяевъ дома, а младшія

женатый на Ѳедосьѣ Ивановнѣ Бутурлиной (род. 31-го января 1790, ум. 22-го октября 1835 г., погребена съ мужемъ въ Сергіевской пустыни близъ Петербурга), былъ отцомъ четырехъ сыновей и пяти дочерей, изъ которыхъ старшая, замѣчательная пѣвица Прасковья Арсеньевна (род. 13-го ноября 1811 г., ум. 24-го января 1872 г.) была камеръ-фрейлиной. В. П. Прончищева (вѣрнѣе ея дочь — Е. А. Сабанѣева) ошибается, говоря, что Ѳ. И. Бартенева въ описываемое время была уже вдовою. О курьезной семьѣ Бартеневыхъ, а особенно о пѣвицѣ Прасковьѣ Арсеньевнѣ, обладавшей удивительнымъ голосомъ и пользовавшейся большою извѣстностію, оставили воспоминанія многіе современники. *Б. М.*

были такіе укладистые ребятишки! Кочующая жизнь по Москвѣ развила въ нихъ способность засыпать по всѣмъ угламъ гостинныхъ или же, прижавшись въ чайной подъ столомъ, прикорнуть глубокимъ сномъ невинности, если маменька поздно засиживалась въ гостяхъ. Иной разъ поздно ночью Бартенева распростится съ хозяевами, направится въ переднюю, кликнетъ своего стараго лакея, велитъ подобрать сонныхъ дѣтишекъ, снесутъ ихъ въ карету, — и семья возвращается досыпать остальные часы ночи въ ихъ большой, часто плохо протопленный домъ.

Въ Москвѣ всѣ знали Бартеневу, принимали въ ней участіе. Старшая дочь ея подростала,—необходимо было думать серіозно о ея воспитаніи. Апраксины, другія еще вліятельныя лица, да, кажется, и князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, который былъ всегда склоненъ сдѣлать доброе дѣло, ходатайствовали о зачисленіи Пашеньки Бартеневой въ одинъ изъ Институтовъ, и она была принята казенной воспитанницей, кажется, въ Смольный Монастырь [1]).

При окончаніи своего институтскаго курса Пашенька Бартенева обратила на себя вниманіе Государыни Императрицы. Это было на выпускномъ актѣ Института; Царская Фамилія почтила его своимъ присутствіемъ, — и Пашенька, какъ лучшая музыкантша изъ дѣвицъ, окончившихъ въ то время Институтъ, пѣла на этомъ актѣ романсъ или арію. Она обладала диковиннымъ голосомъ. Государыня Императрица изволила замѣтить этотъ голосъ и удостоила Пашеньку нѣсколькими одобрительными словами. Пашенькѣ стали завидовать.

Таковымъ успѣхомъ заключилось пребываніе Бартеневой въ Институтѣ; затѣмъ она вернулась къ матери въ Москву и стала продолжать съ нею кочующую жизнь по гостиннымъ. Такое положеніе для молодой дѣвушки не представляло ничего отрад-

---

[1]) Судьба Пашеньки Бартеневой устроилась впослѣдствіи блестящимъ образомъ, ибо она удостоилась званія фрейлины при Высочайшемъ Дворѣ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. *Е. С.*

наго; при скудныхъ средствахъ ея матери вывозить дочь въ центрѣ фешенебельнаго Московскаго общества было не легко; однако, Пашенька выѣзжала, танцевала и веселилась на всѣхъ балахъ точно такъ же, какъ и мы всѣ. Бартеневы жили положительно подъ счастливой звѣздой.

У насъ (т.-е., у Оболенскихъ) Пашенька бывала очень часто, и мы такъ ее полюбили, что безъ нея немыслимо было для насъ никакое удовольствіе. И что это была за умная и милая дѣвушка! Она сдѣлалась тоже очень скоро и любимицей тетушки Александры Евгеньевны [1]). Отсутствіе кокетства, простота ея обращенія съ молодыми людьми и чарующій голосъ привлекали къ ней все, что было въ Москвѣ мыслящаго и интеллигентнаго. Она имѣла даръ производить впечатлѣніе, совсѣмъ о томъ не заботясь, и ея успѣхамъ въ свѣтѣ многіе завидовали, другіе же удивлялись, потому что она была вовсе не красива.

Пашенька много и усердно занималась музыкой; голосъ ея пріобрѣталъ все болѣе и болѣе полноты и прелести. Въ теченіе бальнаго сезона зимы 1824 года у Кашкиныхъ былъ раутъ, и тетушки Анна Гавриловна и Александра Евгеньевна имѣли въ виду дать Бартеневой возможность стать передъ обществомъ во всемъ блескѣ ея крупнаго музыкальнаго таланта. Этотъ вечеръ остался для меня самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ изъ воспоминаній нашей молодости. Зала Кашкиныхъ была полна, и успѣхъ молодой артистки превзошелъ самыя блестящія ожиданія; голосъ ея былъ изъ тѣхъ голосовъ, которые заставляютъ слушателей замирать въ нѣмомъ восторгѣ. Затѣмъ слѣдовало бы сказать, что зала огласилась рукоплесканіями, и пѣвицу осыпали дождемъ цвѣтовъ и букетовъ, но въ салонѣ сенатора Кашкина никто не позволилъ бы себѣ такихъ овацій благородной дѣвицѣ: вѣдь она не актриса на

---

[1]) Кашкиной. *Б. М.*

подмосткахъ. Знаю только, что Московская молодежь осмѣлилась поднести Бартеневой ящикъ конфектъ [1]).

Эти годы нашей дѣвичьей жизни текли безоблачно. У насъ въ домѣ (какъ говорила матушка) настроеніе было легкое, любовное. Какое было въ насъ отсутствіе всякихъ сомнѣній! Казалось, будто надъ нашими головами поднимались одни счастливыя вѣянія, точно для каждой изъ насъ въ отдѣльности и для всѣхъ сообща восходила заря новой жизни, сердце билось въ ожиданіи какихъ-то надеждъ... Никто тогда не понималъ, какъ обманчивы были эти надежды, и какъ скоро онѣ разрушились.

Затѣмъ матушка всегда прямо отъ воспоминаній свѣтской своей жизни въ домѣ отца переходила къ воспоминаніямъ о братѣ ея, декабристѣ.

XVI.

Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій (декабристъ) въ своей семьѣ и среди родственниковъ.

Евгеній былъ гораздо старше насъ [2]), и мы любили его съ какимъ-то благоговѣйнымъ уваженіемъ. Съ самаго дѣтства онъ пріучилъ насъ своею нѣжностью относиться къ нему довѣрчиво. Въ періодъ, когда насъ покинула m-me Stadler, Евгеній началъ руководить нашимъ чтеніемъ; мы были съ нимъ постоянно въ перепискѣ, и на пути свѣтской жизни, когда мы стали выѣзжать, то ему повѣряли свои сердечныя тайны, а не Тетушкѣ. Наши друзья были его друзьями; и вліяніе его на насъ было благотворно. Онъ былъ такъ солидно образованъ,

---

[1]) Конфекты были завернуты, вмѣсто обыкновенныхъ бумажекъ, въ ассигнаціи. *Е. С.*

Авторъ здѣсь нѣсколько путаетъ хронологію: П. А. Бартеневой въ 1824—1825 году было всего 14 лѣтъ,—слѣдовательно, описываемое происходило значительно позже, ибо было послѣ окончанія ею курса въ Петербургѣ. *Б. М.*

[2]) Князь Е. П. Оболенскій родился въ 1796 году. *Б. М.*

такъ серьезенъ, такъ мало было въ немъ тщеславія и суетности!

И что за безподобное было у него сердце! Онъ былъ тоже очень религіозенъ,—и какая чистая была его жизнь въ домѣ отца. Братъ Константинъ [1]) былъ легкомысленный, порядочный даже повѣса; папенька часто его журилъ; братъ же Евгеній только радовалъ его своимъ поведеніемъ. Въ полку Евгеній пользовался общимъ уваженіемъ; онъ былъ старшимъ адъютантомъ у генерала Бистрома, пользовался полнымъ его довѣріемъ, такъ что будущая его карьера обѣщала отлично устроиться [2]). Младшіе братья мои были тогда (1823 — 1824 года) въ Пажескомъ Корпусѣ. Евгеній, служа въ Петербургѣ, часто навѣщалъ ихъ, и Папенька и на ихъ счетъ былъ спокойнѣе. Немало надеждъ возлагалъ мой дорогой отецъ на этого, любимаго его сына.

Вотъ еще разсказъ моей матушки объ одномъ случаѣ въ

---

[1]) Князь Константинъ Петровичъ Оболенскій, штабсъ-капитанъ л.-гв. Павловскаго полка, за причастность къ дѣлу 14-го декабря переведенный въ 1826 г. въ армію, а въ 1828 г. вышедшій въ отставку; онъ былъ женатъ на Евдокіи Матвѣевнѣ Чепчуговой, съ которою, однако, разошелся черезъ годъ послѣ свадьбы. *Б. М.*

[2]) Въ первой книгѣ «Русскаго Архива» за 1873 г. есть отрывокъ изъ жизни Якова Ивановича Ростовцева. Тамъ читатель найдетъ дядю декабриста, если поинтересуется прочесть подробности изъ его жизни и обстоятельствъ, касающихся этого ужаснаго времени 1825 года, передъ возмущеніемъ 14-го декабря, въ которомъ дядя имѣлъ несчастіе участвовать. *Е. С.*

Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій (р. 1796, ум. 26-го февраля 1865 г.), прапорщикъ л.-гв. Павловскаго, а съ 1824—поручикъ л.-гв. Финляндскаго полка, членъ Союза Благоденствія, за участіе въ дѣлѣ 14-го декабря 1825 г. былъ осужденъ на смертную казнь, но, по смягченіи приговора, былъ сосланъ въ каторжныя работы въ Сибирь; здѣсь въ 1845 г. онъ женился на Варварѣ Семеновнѣ Барановой (вольноотпущенной чиновника Блохина), отъ которой имѣлъ трехъ дочерей и двухъ сыновей, коимъ, какъ и ему самому, Высочайшими указами 26-го и 30-го августа 1856 г. возвращено было княжеское достоинство. Скончался въ Калугѣ, гдѣ проживалъ послѣ возвращенія изъ Сибири, принимая участіе въ Комитетѣ объ освобожденіи крестьянъ. Живя еще въ Ялуторовскѣ, Оболенскій въ 1856 г. написалъ свои «Воспоминанія», которыя впервые были напечатаны въ журналѣ «Будущность», изд. княземъ П. В. Долгорукимъ въ Парижѣ (1861 г., № 9—12), затѣмъ переизданы въ «Русскомъ Заграничномъ Сборникѣ» (изд. Франка, Лейпцигъ. 1861 г., ч. IV, тетр. 5). О князѣ Оболенскомъ см. статью въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ». *Б. М.*

полку, гдѣ служили ея братья и Кашкинъ въ тѣ времена. «Евгеній пользовался въ семьѣ довѣріемъ и уваженіемъ всѣхъ. Тетушка Анна Гавриловна [1]) очень любила его, и такъ какъ сынъ ея, Сергѣй, служилъ тоже въ гвардіи—въ Преображенскомъ или Семеновскомъ полку [2]),—то она поручила его брату Евгенію. Поистинѣ пути Сергѣя на службѣ были добросовѣстно имъ оберегаемы, да и вліять Евгеній могъ на легкомысленнаго Сережу, такъ какъ былъ гораздо его старше. И все шло хорошо, когда однажды Кашкинъ вздумалъ подшутить надъ однимъ изъ старшихъ офицеровъ въ ихъ полку,—и тотъ вызвалъ его на дуэль. Братъ узналъ объ этомъ, отправился къ обиженному и сказалъ ему, что этой дуэли онъ не допуститъ, что Сергѣй—мальчишка, у котораго только очень злой языкъ, что, по его мнѣнію, не должно бы кровь проливать, и лучше отложить въ сторону самолюбіе; однако, если уже нельзя уладить это дѣло миролюбиво, то онъ, Евгеній, будетъ съ нимъ драться вмѣсто Сергѣя. Братъ въ то время имѣлъ главной цѣлью спасти Кашкина. Сергѣй былъ единственнымъ сыномъ тетушки Анны Гавриловны: понятно чувство Евгенія въ этомъ дѣлѣ. Но дуэль послѣдовала, и братъ имѣлъ несчастье убить противника. Съ той поры Евгеній очень измѣнился; это подѣйствовало даже на состояніе его здоровья. Духомъ онъ былъ неспокоенъ, угрызенія совѣсти терзали его; часто, посреди веселой бесѣды, онъ мѣнялся въ лицѣ: сначала оно вспыхивало яркой краской, затѣмъ блѣднѣло до цвѣта бѣлаго полотна. Мы видѣли его душевную тревогу, и намъ онъ повѣдалъ это свое тайное горе и просилъ насъ молиться за него. Но мы тогда не знали, что онъ въ то время уже вступилъ въ масонскую ложу, а можетъ быть, принадлежалъ уже и къ Тайному обществу. Онъ говорилъ намъ тоже, что жаждетъ крестовъ, чтобы омыть себя отъ грѣха человѣкоубійцы».

---

[3]) Кашкина. *Б. М.*

[4]) Въ л.-гв. Павловскомъ полку. *Б. М.*

Въ 1825-й годъ Оболенскіе вступили особенно весело. У Кашкиныхъ былъ bal-réveillon подъ Новый Годъ, особенно удачный и оживленный.

Много было прелести въ патріархальномъ порядкѣ тогдашнихъ московскихъ нравовъ,—въ этой поддержкѣ родственныхъ связей, въ этомъ этикетѣ, который ставилъ каждаго на свое мѣсто. Старики держали себя степенно и наблюдательно, молодые учтиво группировались вокругъ нихъ и стояли передъ ними стройной вереницей, во всей прелести своей молодой жизни, своихъ грядущихъ надеждъ.

Въ этотъ канунъ Новаго Года княжнамъ Варенькѣ и Наташѣ Оболенскимъ было особенно весело у Кашкиныхъ; онѣ были со многими, кто былъ имъ дорогъ: тутъ были ихъ братья-гвардейцы — Евгеній и Константинъ и cousin Serge Кашкинъ, сынъ хозяина дома, дяди Николая Евгеньевича. Были на этомъ вечерѣ ихъ сердечныя друзья Пашенька Бартенева, Полина Боборыкина, Анюта Скуратова и много блестящей Московской молодежи, которая носилась въ вихрѣ вальсовъ и котильоновъ подъ звуки бальной музыки въ залѣ Кашкинскаго дома въ Москвѣ, на Садовой улицѣ. Казалось, что всѣ они жили однимъ настоящимъ моментомъ своего бытія, — такъ онъ былъ имъваженъ въ то время и имѣлъ такой знаменательный вѣсъ передъ ихъ духовными очами. Въ этомъ интимномъ кругу молодежи каждый зналъ про себя и про другого, что было кому особенно важно въ сердечныхъ дѣлахъ, и кто въ кого влюбленъ; всѣ поздравляли другъ друга съ Новымъ Годомъ, съ вѣрнымъ знаніемъ почвы въ этомъ смыслѣ, не ошибаясь въ предположеніяхъ,—однимъ словомъ, прелестный и веселый былъ тотъ вечеръ у Кашкиныхъ въ 1825 году...

Тетушка-фрейлина сидѣла, окруженная тоже своими друзьями, на большомъ диванѣ, который составлялъ этаблисмэнъ для почетныхъ старушекъ, въ одномъ изъ угловъ бальной залы. Тутъ были и Варвара Николаевна Перская, и графиня Васильева, Огарева, Настасья Николаевна Хитрова, княжна

Князь Евгеній Петровичъ
ОБОЛЕНСКІЙ

ХУДОЖ.-ГРАФ. ЗАВ. А. А. БЕМЕ, СПБ.

Марья Алексѣевна Хованская, княжна Екатерина Николаевна Оболенская и сама хозяйка дома — Анна Гавриловна Кашкина. Тутъ было общество интимное, и разговоръ касался текущихъ свѣтскихъ интересовъ,—предстоящихъ баловъ у Апраксиныхъ и Кутайсовыхъ; потомъ разбирались туалеты дѣвицъ и барынь, затѣмъ тетушкамъ Кашкинымъ замѣчали, что племянницы ихъ, княжны Варенька и Наташа Оболенскія, производятъ въ свѣтѣ очень хорошее впечатлѣніе, и что ихъ успѣхи на балахъ могутъ вполнѣ удовлетворить самыя взыскательныя ожиданія. Тетушки точно что могли любоваться племянницами въ этотъ вечеръ: Вареньку всѣ называли Грёзовой головкой, и, конечно, трудно было найти что-нибудь граціознѣе и прелестнѣе этого существа: она была невысокая, ясная, какъ заря, бѣлокурая дѣвушка съ пепельными волосами, съ выразительнымъ личикомъ. Наташа была высокая и стройная, съ задумчивымъ лицомъ чернокудрыхъ русскихъ дѣвушекъ. О ней Пушкинъ, вѣроятно, вспоминалъ, когда образъ Татьяны носился въ воображеніи поэта.

И все шло стройно и удачно въ этотъ вечеръ у Кашкиныхъ. Тетушки могли любоваться племянницами, вѣроятно, мечтали для нихъ блестящія партіи. Но какъ тщетны бываютъ всегда мечты, какъ эфемерны людскія соображенія! Никто въ тотъ веселый вечеръ у Кашкиныхъ, при вступленіи въ 1825 годъ,—никто, конечно, не зналъ, какъ тяжело кончится этотъ годъ для Кашкиныхъ и Оболенскихъ [1]).

Зима 1825 года продолжала свое теченіе въ безпрерывныхъ балахъ и свѣтскихъ удовольствіяхъ. Подъ Новинскимъ, въ домѣ князя Петра Николаевича [2]), молодежь безоблачно предавалась волненіямъ и впечатлѣніямъ театра, костюмированныхъ баловъ, литературныхъ и музыкальныхъ утръ; визиты, приглашенія, представленія, старыя и новыя знакомства—все это имѣло свое

---

[1]) 30-го января 1825 г. скончалась, отъ воспаленія легкихъ, Анна Гавриловна Кашкина (см. ниже, гл. XX), а въ декабрѣ былъ арестованъ Е. П. Оболенскій. *Б. М.*

[2]) Оболенскаго. *Б. М.*

мѣсто и свой смыслъ на ярмаркѣ Московской суеты того времени и того общества.

На фрейлинской половинѣ [1]), въ гардеробной, работа кипѣла: кроили атласъ и бархатъ, рѣзали газъ и крепъ, подъ наблюденіемъ самой тетушки-фрейлины, которая была далеко не равнодушна къ туалетамъ Вареньки и Наташи и придавала имъ большое значеніе. Она увлекалась платьями княженъ, своихъ племянницъ, гораздо болѣе, чѣмъ сами выѣзжающія дѣвицы. Фрейлинская главная горничная, Дуняша, была особенно расположена угождать своей госпожѣ; она гордилась княжнами и была внутренне убѣждена, что вотъ-вотъ она предчувствуетъ тотъ моментъ, когда ей прикажутъ кроить приданое. Судьба (т.-е. женихъ) предвидѣлась фрейлинскими дѣвушками, Настасьей и Дуняшей, а можетъ быть и самой тетушкой, не только для княженъ, но и для Оленьки, ибо Иванъ Семеновичъ Веселовскій, весьма солидный профессоръ, началъ ѣздить въ домъ князя, какъ говорили, съ намѣреніями [2]). Молодымъ дѣвицамъ приходилось иногда слушать эти соображенія и предположенія о ихъ судьбѣ, но онѣ мало придавали тому значенія. Часто случалось, что ихъ личныя склонности не согласовались съ планами родителей, однако, ихъ это не раздражало: таковъ былъ духъ, таковы были нравы той эпохи. Очень можетъ быть, что каждая молодая дѣвица имѣла свою сердечную тайну, которую берегла въ душѣ и надѣялась, — а дальше судьба разсудитъ, и Богъ опредѣлитъ. Страсти жили тогда подъ пепломъ романтизма, на нихъ былъ брошенъ покровъ извѣстной сентиментальности и абстрактности, которыя смягчали ихъ порывы. Анализъ чувствъ не вступилъ еще тогда въ свои права, какъ впослѣдствіи, и въ дѣвушкахъ было больше вѣры въ свои силы и въ свою звѣзду на пути своего сердечнаго романа.

---

[1]) Т.-е., въ комнатахъ фрейлины А. Е. Кашкиной. *Б. М.*

[2]) См. выше, стр. 69. *Б. М.*

XVII.

А. В. Прончищевъ и князья Несвицкіе.

Немало воды утекло изъ рѣки Мышинги въ Оку съ той поры, какъ въ Богимовѣ появился на свѣтъ Божій внукъ и наслѣдникъ Алексѣя Іоновича [1])—Алексѣй Владиміровичъ Прончищевъ [2]), который послѣ 1820 года достигъ совершеннолѣтія и, послѣ смерти прадѣда и страдалицы прабабушки, сдѣлался владѣльцемъ села Богимова и другихъ родовыхъ вотчинъ. Онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ крупнаго состоянія прадѣда и единственнымъ представителемъ фамиліи и рода Прòнчищевыхъ.

Молодой Прончищевъ получилъ образованіе, соотвѣтственное его положенію и состоянію. Онъ прошелъ курсъ наукъ въ Москвѣ въ благородномъ пансіонѣ нѣмецкаго педагога (ихъ было тогда тьма-тьмущая на Руси)—Маіора.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Этого двустишія изъ поэмы Пушкина достаточно, чтобы выразить степень познаній и дать точное понятіе о развитіи, направленіи и образованіи молодого Богимовскаго сквайра. Онъ учился танцевать у Іогеля и Флаге, фехтованію и верховой ѣздѣ—въ одномъ изъ лучшихъ манежей столицы (онъ даже получилъ тамъ золотыя шпоры въ знакъ отличія), затѣмъ былъ записанъ въ полкъ. Но военная служба не могла соотвѣтствовать его вкусамъ и слабому здоровью; достигши перваго чина, молодой Прончищевъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ богатомъ помѣстьѣ Калужской губерніи—селѣ Богимовѣ. Хозяйкой его дома продолжала быть тетка его,

---

[1]) См. выше, гл. VI. *Б. М.*
[2]) См. выше, гл. V. *Б. М.*

воспитавшая его и замѣнившая ему родителей, — Екатерина Алексѣевна Прончищева. При ней жила тоже постоянно ея племянница Арбузова, лѣтомъ всегда гостили осиротѣвшія княжны Несвицкія. Зимою же всѣ эти семьи купно ѣзжали въ Москву и жили тамъ въ домѣ князей Несвицкихъ на Прѣсненскихъ прудахъ. Эти двѣ семьи—Прончищевыхъ и Несвицкихъ—почти никогда не разлучались, а молодого Богимовскаго хозяина въ ихъ родственномъ кругу всѣ тетушки, дядюшки и родные сильно баловали и любили. Его жизнь съ дѣтства будто не имѣла будничныхъ дней, а все было ему—вакація и праздникъ. Здоровье его давало тоже частыя за него опасенія, и его съ дѣтства очень нѣжили.

Зиму 1824 года Несвицкіе и Прончищевы проводили въ Москвѣ. Молодой Богимовскій сквайръ представлялъ въ то время собой красиваго юношу, съ типомъ Остзейскихъ нѣмцевъ, который передала ему его покойная мать. У него были тоже ея голубые глаза и пепельные кудри надъ высокимъ лбомъ, который одинъ своимъ складомъ напоминалъ дѣда и давалъ помнить, что онъ былъ тоже Прончищевъ. Его лицо имѣло тѣ тонкія очертанія, которыя впослѣдствіи способны терять изящество своихъ линій при переходѣ въ болѣе зрѣлый возрастъ, за то въ моментъ ранней юности они имѣютъ много красоты и привлекательности. Онъ былъ средняго роста, статенъ и ловокъ, одѣвался по послѣдней модѣ, слегка фатъ, и былъ принятъ въ лучшихъ домахъ тогдашняго Московскаго общества.

Домъ Несвицкихъ на Прѣсненскихъ прудахъ былъ деревянный на каменномъ фундаментѣ. Большія итальянскія окна передняго фасада на улицу придавали веселый и свѣтлый видъ всему зданію. Хотя, если сообразить холодныя зимы Москвы, то можно было пожелать строителю его воздержаться отъ большого размѣра оконъ, приличествующаго болѣе для теплаго климата. Можетъ быть, мѣстность этого дома, на углу, при самомъ началѣ поворота на улицу, которая тянется параллельно Прѣсненскимъ

прудамъ, съ ихъ густыми аллеями посреди города, расположила строителя построить домъ въ сельскомъ вкусѣ, каковъ именно и былъ характеръ его; но надо сказать, что впечатлѣніе, производимое имъ, было выгодное и симпатичное, — именно, кажется, вслѣдствіе напоминанія деревенскаго жилья въ столицѣ.

Домъ Несвицкихъ казался небольшимъ для города; между тѣмъ, помѣщенія въ немъ было такъ много, что трудно было вѣрить, чтобъ онъ вмѣщалъ въ себя столько обитателей; семья была многочисленная [1]), многіе изъ ея членовъ жили внѣ ея, уже самостоятельно, а между тѣмъ, кто бы ни пожелалъ изъ нихъ вернуться въ лоно родного гнѣзда, — оно принимало его съ особымъ гостепріимствомъ.

Законными наслѣдниками и владѣльцами дома были молодые князья Несвицкіе, но хозяиномъ и хозяйкой дома почитались дядя Несвицкихъ—Г. И. Раевскій [2]) и тетушка—Екатерина Алексѣевна Прончищева.

Въ этой семьѣ особенно ясно выражалось почитаніе старшихъ: оно стояло будто на первомъ планѣ и должно было руководить всѣми движеніями въ семьѣ и домѣ. Пріемы со старшими (les grands parents) носили у Несвицкихъ характеръ даже какого-то приторнаго подобострастія, которое сначала удивляло, но впослѣдствіи являлось такою удобоисполнимою обязанностью со стороны молодого поколѣнія, что это дѣлалось сочувственно. Подобаемое уваженіе къ лѣтамъ имѣло мѣсто и между братьями и сестрами, ибо младшіе говорили старшимъ непремѣнно «вы», адресуя рѣчь между собой, и «они» или «онѣ»,—когда говорили о старшихъ себя. Я распространяюсь насчетъ этихъ подробностей потому, что онѣ характеризуютъ ту эпоху, къ которой надо относить эти записки мои, то-есть, къ послѣднимъ годамъ царствованія Императора Александра I. Кромѣ того, такъ какъ Г. И. Раевскій былъ, такъ сказать, главою семьи Несвицкихъ,

---

[1]) У князя Я. Н. Несвицкаго было 5 сыновей и 4 дочери. *Б. М*

[2]) О немъ см. выше, стр. 50—51. *Б. М.*

то, вѣроятно, въ этихъ формахъ утонченной учтивости и чопорной вѣжливости была доля его вліянія.

Въ домѣ иначе не говорили, какъ: «дядюшка или тетушка изволили пріѣхать, изволили огорчиться, изволили прогнѣваться, изволили мнѣ то или другое пожаловать». Тутъ необходимо замѣтить, что про дядюшку фразу «изволили прогнѣваться» замѣняли почти всегда фразою «изволили огорчиться», ибо онъ былъ такъ кротокъ и благодушенъ, что никогда не умѣлъ сердиться; за то про тетушку упоминалось часто, что «онѣ изволили прогнѣваться». Дядюшка жаловалъ и ласкалъ, тетушка чаще всего запрещала и взыскивала. Она была очень вспыльчива, имѣла свои мрачные дни, свои предвзятыя мнѣнія, свои симпатіи и антипатіи. Къ счастью, Григорій Ильичъ имѣлъ на нее большое вліяніе, умѣлъ все умиротворять, игралъ съ нею всякій вечеръ партію виста, и ихъ давняя дружба, основанная на солидномъ началѣ прожитыхъ вмѣстѣ и купно многихъ семейныхъ и жизненныхъ невзгодъ, не теряла отъ этихъ вспышекъ ея характера, а общіе интересы обоихъ стариковъ сливались вмѣстѣ, направляясь къ заботѣ о благѣ и счастьѣ родной и дорогой имъ семьи. Въ итогѣ семья Несвицкихъ имѣла характеръ весьма почтенный и патріархальный.

Между дядюшкой и тетушкой стояла во главѣ молодыхъ старшая княжна Анна [1]. Она была замѣчательна по уму и образованію и вела семейныя дѣла весьма твердою рукой, несмотря на свою молодость. Старшіе ея братья служили въ Петербургѣ, въ гвардіи [2] и только тратили деньги, она же вела отлично хозяйство ихъ крупнаго состоянія и пользовалась въ семьѣ особымъ уваженіемъ и довѣріемъ. Но тетушка очень желала выдать ее замужъ и нетерпѣливо ждала минуты, когда судьба Анюты опредѣлится. Впрочемъ, эти нетерпѣливыя чувства и

[1] Княжна Анна Яковлевна Несвицкая (род. 1804 г.) была впослѣдствіи замужемъ за ротмистромъ Заборовскимъ. *Б. М.*

[2] Князья Алексѣй, Николай и Иванъ Яковлевичи Несвицкіе служили въ Преображенскомъ полку. *Б. М.*

стремленія лежали въ характерѣ тетушки. По здравому же обсужденію и воззрѣнію на это дѣло, нечего было торопиться и спѣшить: за княжнами давали крупное приданое, и онѣ не могли ожидать засидѣться въ дѣвицахъ. Кромѣ того, физическая красота была достояніемъ семьи Несвицкихъ; они почти всѣ унаслѣдовали красоту ихъ покойной матери: въ нихъ тоже проявлялась порода, аристократичность, что-то особенно изящное и живописное. Особенно двое изъ братьевъ, князья Алексѣй и Иванъ (они служили въ гвардіи) положительно поражали своей красотой, княжны же Катерина [3]) и Варвара [4]) могли своими портретами украсить страницы любого кипсека, или альманаха. Природа далеко не поскупилась на дары свои въ семьѣ Несвицкихъ: всѣ они имѣли замѣчательныя способности къ музыкѣ; княжна Анна была въ Москвѣ одной изъ любимыхъ ученицъ Фильда, княжна Катерина обладала дивнымъ mezzo-soprano и замѣчательно имъ владѣла. Я слыхала ея пѣніе и никогда не забуду наслажденія ее слушать. Одинъ изъ меломановъ тогдашней эпохи говорилъ, что къ ея пѣнію можно буквально примѣнить слова нѣмецкаго поэта:

Ich singe wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet.

Она не вдавалась въ пѣніе итальянскихъ арій, которыя дѣлались банальны: столькія дѣвицы высшаго образованія и общества ихъ терзали,—но пѣла Русскіе романсы того времени, напримѣръ: «Гляжу я печально на черную шаль» или «Ахъ, ты, шарфъ голубой съ золотистой бахромой». Для нихъ необходимо мастерство удержать границы драматизма или сентиментальности въ выраженіи, тутъ нуженъ особый музыкальный инстинктъ. Затѣмъ подблюдная пѣснь: «Катилось зерно по бархату и прикатилося къ яхонту!»... Она прелестно пѣла эту простую мелодію,—всѣ слушали и не могли наслушаться.

---

3) Впослѣдствіи, по мужу, Маслова. *Б. М.*
4) Замужемъ не была. *Б. М.*

XVIII.

Балъ у Кутайсовыхъ.

Въ эту зиму 1824 года, въ Москвѣ, двѣ тетушки—Екатерина Алексѣевна Прончищева и фрейлина Александра Евгеньевна Кашкина—вывозили своихъ племянницъ въ свѣтъ. Несвицкіе и Оболенскіе были знакомы домами, считались даже въ родствѣ по Кашкинымъ [1]); дѣвицы въ обѣихъ семьяхъ были очень дружны между собой и украшали своею красотою и присутствіемъ тогдашніе балы Московскаго высшаго общества. Казалось по первому впечатлѣнію, что положеніе въ свѣтѣ этихъ хорошенькихъ молодыхъ дѣвицъ, подъ покровительствомъ двухъ почтенныхъ тетушекъ, было тождественно; однако, въ сущности, заключалась въ ихъ положеніи огромная разница, и эта разница лежала въ характерахъ тетушекъ. Тетушка-фрейлина такъ умѣло держала себя въ свѣтѣ, она шла такими твердыми шагами по паркету Московскихъ салоновъ, тогда какъ Екатерина Алексѣевна Прончищева съ ея страстнымъ нравомъ создавала часто тернистые пути для себя и для племянницъ на ярмаркѣ человѣческаго тщеславія и житейской суеты. Она, при всемъ своемъ умѣ и достоинствахъ, была лишена способности легко и свободно вращаться въ свѣтскихъ сферахъ. Она часто сама мучилась и мучила племянницъ. Ея способность увлекаться симпатіями и антипатіями держала ея отношенія къ людямъ въ какой-то постоянной тревогѣ и волненіи. Затѣмъ, на пути ея жизни являлась всегда всепоглощающая мысль (idée fixe et dominante) и цѣль, которую она преслѣдовала упрямо и безапелляціонно.

Въ эту зиму, однако, Екатерина Алексѣевна дѣйствовала и жила подъ вліяніемъ двухъ для нея неотразимыхъ чувствъ: желанія выдать старшую княжну, Анну, замужъ и страха, чтобъ

---

[1]) Вѣрнѣе—по Бахметевымъ. *Б. М.*

ея племянникъ, Алеша Прончищевъ, не женился. Онъ молодъ и богатъ—мудрено ли въ Москвѣ женить такого молодца? Какъ же не бояться за него?

Когда она думала о судьбѣ княжны Анны, то въ своемъ воображеніи намѣчала ей жениховъ изъ кавалеровъ, встрѣчающихся на балахъ и въ обществѣ. То являлся Скуратовъ весьма приличной въ ея глазахъ партіей, то князья Друцкой или Щербатовъ, чаще же всего въ этомъ смыслѣ она думала объ Оболенскихъ. Князь Евгеній,—гвардеецъ, старшій адъютантъ при генералѣ Бистромѣ, съ блестящей карьерой впереди,—онъ такой солидный и образованный, онъ пойметъ и оцѣнитъ Анюту; да и старшій его братъ, князь Николай [2],—тотъ будетъ болѣе блестящей партіей: онъ очень богатъ. И мало ли было и другихъ соображеній въ ея головѣ относительно судьбы княженъ, ея племяницъ, и все это сильно ее волновало.

Затѣмъ, когда мысли Екатерины Алексѣевны отъ племянницъ обращались къ племяннику, то тѣ же Оболенскіе, столь желанные для однѣхъ, являлись ея воображенію опасными для другого. Ей неоднократно уже мнилось, что тетушка-фрейлина Кашкина имѣетъ виды на ея Алешу, что она уловляетъ его въ женихи для племянницъ; тогда въ сердцѣ ея зарождалось чувство враждебности и негодованія противъ княженъ Оболенскихъ: онѣ являлись въ ея глазахъ кокетками, интриганткамп, совершенно недостойными ея племянника. Если бы Алеша женился на одной изъ нихъ, то пропалъ бы, былъ бы навѣки несчастный. Врагъ силенъ,—думалось ей,—и она молилась всѣмъ святымъ для предотвращенія сего несчастья, посылала въ церковь вынимать на часточку просфору о здравіи раба Божія Алексѣя и спасеніи путей его отъ враговъ и ихъ козней. Екатерина Алексѣевна, впрочемъ, таила свою непріязнь къ Оболенскимъ на днѣ своей души, и подъ Новинскимъ, въ домѣ князя Петра Николаевича,

---

[2]) Князь Николай Петровичъ Оболенскій (род. 1790, ум. 1847), отставной подполковникъ; былъ женатъ на княжнѣ Натальѣ Дмитріевнѣ Волконской (ум. 1843).

Б. М.

всѣ благодушествовали и вовсе не знали, что на Прѣснѣ у Несвицкихъ показалось на горизонтѣ это облачко враждебности противъ нихъ, что это облачко разрастается въ тучу, которой было суждено разразиться на балѣ у Кутайсовыхъ.

Что же касается молодого Богимовскаго сквайра, то онъ въ эту зиму не обращалъ вниманія на тетушку. Да и когда ему заниматься ея волненіями? — У него было столько дѣла: онъ покупалъ рысаковъ и экипажи, очень сорилъ деньгами, прилежно посѣщалъ Англійскій Клубъ, театры, маскарады, считался лучшимъ танцоромъ на всѣхъ балахъ и былъ безумно влюбленъ въ тогдашнюю знаменитую красавицу, княжну Анну Урусову [1]).

Объ этой, такъ сказать, нѣмой страсти молодого Прончищева къ княжнѣ Урусовой много говорили въ то время въ Московскихъ салонахъ. Княжна была старше его, серьезныхъ претензій или искательства ея руки быть не могло съ его стороны; но уловить ея взоръ, когда она садилась въ экипажъ, держать ея шаль при разъѣздахъ съ баловъ и накинуть ее на кудри милой головы было достаточнымъ блаженствомъ для пылкаго юноши. Его звали въ Москвѣ: «le Paladin de la princesse Ouroussof»; это забавляло публику, а ему льстило. Прончищевъ пошелъ даже дальше на этомъ пути: онъ нанялъ цѣлый домъ противъ дома князя Урусова и поселился тамъ одинъ, чтобъ имѣть возможность видѣть чаще даму своего сердца. Все это было въ духѣ того времени и производило въ обществѣ большой эффектъ, которымъ герой дня остался очень доволенъ [2]).

Тутъ тетушка Екатерина Алексѣевна не воздержалась распечь племянника за безполезную трату денегъ; но своимъ интимнымъ друзьямъ говорила: «Я не принимаю этого всеріозъ —

---

[1]) См. выше, стр. 92—93. *Б. М.*

[2]) Сергѣй Николаевичъ Кашкинъ, который былъ во то время большой повѣса и насмѣшникъ, написалъ записку и послалъ ее влюбленному. Онъ поздравлялъ его съ новосельемъ, и на адресѣ было написано: «А. В. Прончищеву, противъ храма Богини Глупости». *Е. С.*

молодо, зелено, а въ сущности лучше такъ истратить деньги, чѣмъ въ карты ихъ проиграть».

Послѣ Рождественскихъ праздниковъ, послѣ бала-ревельона у Кашкиныхъ, въ обществѣ Москвы всѣ ожидали бала у Кутайсовыхъ. Пригласительные билеты были разосланы, модные магазины Кузнецкаго моста наполнены заказами дамскихъ туалетовъ, куафёры приглашены причесывать дѣвицъ и дамъ; на этотъ день чувствовалось особое движеніе и нѣкоторое волненіе въ извѣстномъ кругу общества. Графъ Кутайсовъ умѣлъ веселить Москву [1]).

Это было въ воскресенье. Наканунѣ бала Екатерина Алексѣевна пріѣхала отъ поздней обѣдни, выкушала свой кофей, сидѣла въ гостиной въ домѣ Несвицкихъ на диванѣ и вязала крючкомъ шерстяное одѣяло. Чепецъ съ широкой оборкой и бантомъ изъ газовыхъ лентъ покоился на подушкѣ дивана; она терпѣть не могла этого ненужнаго туалетнаго аттрибута, но подчинялась его ношенію ради зрѣлости своихъ лѣтъ, и онъ всегда, бывало, ловко очутится на ея головѣ, когда доложатъ о пріѣздѣ почтеннаго гостя.

Входитъ ранняя посѣтительница, не изъ очень важныхъ. Говорятъ о погодѣ, объ архіереѣ и пѣвчихъ въ Чудовомъ монастырѣ, наконецъ, о завтрашнемъ балѣ у Кутайсовыхъ.

— Я получила приглашеніе,—говоритъ гостья.

— Мы тоже; вчера принесли. Мои княжны будутъ въ розовыхъ креповыхъ.

— А Оболенскія будутъ?

---

[1]) Извѣстный брадобрей Императора Павла Петровича, грузинъ родомъ, Иванъ Павловичъ Кутайсовъ (ум. 9-го января 1834 г.) былъ возведенъ Императоромъ Павломъ въ баронское, а затѣмъ въ графское достоинство, въ должность оберъ-шталмейстера и въ кавалеры Андреевскаго ордена. Онъ имѣлъ двухъ сыновей: 1) графа Павла Ивановича (р. 1780, ум. 9-го марта 1840 г.), оберъ-гофмейстера и члена Государственнаго Совѣта, женатаго на княжнѣ Прасковьѣ Петровнѣ Лопухиной, и 2) графа Александра Ивановича (р. 1784, ум. 26-го августа 1812 г.), убитаго подъ Бородиномъ, въ чинѣ генералъ-маіора. Въ разсказѣ В. П. Прончищевой рѣчь идетъ, по всему вѣроятію, о балѣ у графа Ивана Павловича Кутайсова, проживавшаго въ отставкѣ, въ двадцатыхъ годахъ, въ Москвѣ. *Д. К.*

— Понятно, что будутъ. Графъ Кутайсовъ самолично былъ у фрейлины съ приглашеніемъ: она не поѣдетъ по одному пригласительному билету. Мы видѣли его экипажъ давеча у фрейлинскаго подъѣзда; вѣроятно, отъ обѣдни къ ней заѣзжалъ. Вы знаете, какъ Александру Евгеньевну всѣ уважаютъ.

— Мнѣ показалось,—говоритъ гостья,—что старшая изъ Оболенскихъ, княжна Варвара, была блѣдна на балѣ у Шепелевыхъ. Кричатъ про нее: Грёзова головка, восхищаются, а я ничего особеннаго не нахожу.

Екатерина Алексѣевна отрываетъ глаза отъ работы, устремляетъ ихъ въ упоръ на гостью удивленно-гнѣвно, точно, та лично ее обидѣла.

— Что съ вами, ma chère, и гдѣ у васъ глаза? Варенька Оболенская свѣжа, какъ роза; обѣ княжны прелестны!

Она откладываетъ свою работу, беретъ табакерку и нюхаетъ, потомъ слѣдуетъ пауза. Гостья, которая знаетъ истинныя чувства хозяйки дома къ Оболенскимъ, недоумѣваетъ. Екатерина Алексѣевна держитъ ее нѣкоторое время въ состояніи этого недоумѣнія, затѣмъ не спѣша говоритъ:

— Я вамъ доложу, ma chère, по моему мнѣнію, обѣ княжны прелестны: что та, что другая. Но это не должно мѣшать намъ видѣть (она подчеркиваетъ это слово), что онѣ нашего поля ягоды, тѣхъ же щей, да пожиже влей, вотъ что-съ... — При этомъ ноздри у нея слегка начинаютъ раздуваться.—Ихъ мѣсто при Дворѣ, оно вотъ какъ!

— Съ одной стороны вы правы, — соглашается гостья, — но...

Хозяйка быстро ее перебиваетъ, затѣмъ держитъ рѣчь мудрую, поучительную. Какое смиреніе она на себя напускаетъ! Она повергается во прахъ передъ значеніемъ фрейлины, изъ ея устъ сыпятся фразы: «Мы простыя дворянки, сударыня, вы моя,—не вельможныя. Значитъ, разуму не имѣть, если не понять, что всякій сверчокъ знай свой шестокъ. Нечего намъ гоняться за ними: далеко кукушкѣ до ястреба,—это все авгу-

стѣйшее, придворное!»... Она оживляется все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ говоритъ.

Входитъ старшій ея племянникъ, князь Алексѣй Несвицкій, здоровается съ теткой, подходитъ къ ней къ рукѣ, раскланивается съ гостьей, которая сожалѣетъ, что онъ помѣшалъ изліянію чувствъ хозяйки: было интересно. Но Екатерина Алексѣевна замолкаетъ и успокаивается; она потянула со стола свою работу, считаетъ points на узорѣ и начинаетъ прилежно вязать, выпрастывая и ровняя шерсть.

Князь Алексѣй былъ въ парадной гвардейской формѣ; онъ поправляетъ саблю, надѣваетъ перчатки.

— Ты съ визитами?—спрашиваетъ тетка.

— Да, ma tante.

— Знаешь что, ваше сіятельство! Было бы вамъ извѣстно, что Александра Евгеньевна Кашкина продаетъ своихъ Ярославскихъ [1]).

— Откуда вы это изволите знать, тетушка?

— Если говорю, то знаю. Шепелевы торгуютъ у нея; имѣніе хорошее—все плотники, а ты строишься въ Ермоловѣ.

— Можно подумать,—отвѣчалъ князь и подошелъ снова къ рукѣ тетки; она въ это время прибавила:

— Можно выгодно купить; я знаю тоже изъ вѣрнаго источника, что князь Петръ Николаевичъ Оболенскій заложилъ свою подмосковную въ Опекунскій Совѣтъ.

Гостья тоже прощалась; она осталась довольна своимъ визитомъ и направлялась къ дверямъ гостиной. Тетушка, провожая ее, говорила: «До свиданья. До завтра, на балѣ у Кутайсовыхъ».

Балъ у Кутайсовыхъ былъ великолѣпный. Княжны Несвицкія въ розовыхъ креповыхъ платьяхъ были очень авантажны. Тетушка была довольна: ей мнилось даже, что онѣ затмятъ Оболенскихъ. Сами же дѣвицы, не раздѣляя вовсе антипатій

---

[1]) Въ Ярославской губерніи у А. Е. Кашкиной имѣній не было. *Б. М.*

высшаго начальства, носились въ бальной залѣ въ вихрѣ вальсовъ и котильоновъ, были веселы и очень окружены (entourées). Тетушка сѣла за партію виста въ гостиной; ей положительно везло въ этотъ вечеръ: она была въ выигрышѣ, очень въ духѣ, любезна и слегка только язвительна.

Входитъ вчерашняя гостья и здоровается съ ней.

— Какъ вы поздно сегодня!—говоритъ тетушка.

— Да, я часто опаздываю, отдыхаю послѣ обѣда, потомъ туалетъ, а сегодня парикмахеръ задержалъ. Княжны очень, очень при своемъ авантажѣ сегодня,—начинаетъ болтать гостья.— А вы слышали новость?

— Какую: розовую или голубую?—смѣется Екатерина Алексѣевна.

— Да нѣтъ,—новость! Князь Николай Оболенскій объявленъ женихомъ.

— Ничего подобнаго не слыхала, — протяжно произноситъ Екатерина Алексѣевна.

— Какъ же,—вмѣшивается въ разговоръ одинъ изъ партнёровъ, старикъ-сенаторъ.—Я радъ за князя Петра Николаевича, прекрасная партія для сына: княжна Волконская; она — сирота, единственная наслѣдница громаднаго состоянія, жила и воспитывалась гдѣ-то въ деревенскомъ захолустьѣ у опекуна.

Екатерина Алексѣевна вистовала въ продолженіе этого разговора и обремизилась: разлетались ея мечты относительно партіи для княжны Анны. Буря поднималась со дна ея души, и Прѣсненская туча враждебности противъ Оболенскихъ принимала все бóльшіе и бóльшіе размѣры. Партія виста, однако, продолжалась. Балъ былъ въ эту минуту въ полномъ разгарѣ, оркестръ не умолкалъ, кадрили смѣнялись котильонами, вальсы длились тогда долѣе, чѣмъ впослѣдствіи, когда полька вступила въ свои права на бальной сценѣ: бабушки же наши ея не танцовали. Но вотъ небольшой перерывъ, затѣмъ оркестръ заигралъ мазурку. Князь Алексѣй Несвицкій открылъ ее въ первой парѣ съ княжной Урусовой.

Екатерина Алексѣевна очень любила карты и вистъ, очень всегда увлекалась игрой, но вмѣнила себѣ въ обязанность на всѣхъ балахъ явиться въ бальную залу въ половинѣ мазурки и взглянуть, съ кѣмъ танцуютъ ея княжны. Мазурка имѣла искони особо интересное значеніе: она служила руководствомъ для соображеній насчетъ сердечныхъ склонностей — и сколько было сдѣлано признаній подъ звуки ея живой мелодіи!

Екатерина Алексѣевна передала на этотъ разъ карты какой-то обязательной барынѣ, вышла изъ гостиной въ залу и усѣлась недалеко отъ двери подлѣ вчерашней гостьи. Въ этотъ вечеръ ей даже пріятно было встать изъ-за картъ: она чувствовала потребность движенія подъ вліяніемъ душевнаго волненія и тревоги. Она взяла лорнетъ, поднесла его къ глазамъ и начала внимательно производить инспекцію танцующихъ. «Кто это танцуетъ въ первой парѣ? А!—нашъ князь Алексѣй съ княжной Урусовой. Какъ онъ хорошъ!—напоминаетъ покойницу сестру»,—проходитъ у нея въ головѣ. Затѣмъ прелестная парочка передъ ея глазами скользитъ по паркету: ея Алеша и княжна Варенька Оболенская. Она была прелестна: эта головка, склоненная слегка впередъ, въ облакѣ пепельныхъ кудрей, и ея кавалеръ съ его стройной, изящной фигурой, съ движеніями покойными и умѣренными въ этомъ танцѣ, гдѣ именно требуется извѣстное самообладаніе, чтобъ не сдѣлать шагъ къ смѣшному,—какъ онъ тоже хорошъ! Оба прелестны, свѣжи, юны! Она такая свѣтлая звѣздочка, эта Варенька Оболенская. Она — змѣя! — мелькнуло въ головѣ Екатерины Алексѣевны,—она, вѣрно, выбрала его въ фигурѣ. Но съ кѣмъ же Алеша танцуетъ мазурку?—конечно, не съ ней же? Но глаза ея не могутъ оторваться отъ этой пары. Вотъ они обѣжали всю залу, вертятся для заключенія тура и садятся парой въ противоположномъ концѣ залы, прямо противъ Екатерины Алексѣевны. Соображенія опять падаютъ передъ дѣйствительностью; громъ гремитъ изъ тучи, что шла съ Прѣсни, гонимая враждебностью; она остановилась и разразилась надъ головой Екатерины Алексѣевны въ этой баль-

ной залѣ у Кутайсовыхъ. Громъ и молнія! У нея искры изъ глазъ сыпятся, и буря сильнѣе поднимается со дна ея души.

— Bonne nuit (добрый вечеръ), chère Екатерина Алексѣевна, я уѣзжаю: устала, едва стою на ногахъ.

Передъ ней стояла тетушка-фрейлина и протягивала ей руку на прощанье. И Екатерина Алексѣевна пожала эту руку, сказала ей тоже: «До пріятнаго свиданья». Затѣмъ она видѣла, что тетушка-фрейлина остановилась въ дверхъ залы, сдѣлала знакъ княжнамъ и подождала. Княженъ тетушка часто увозила изъ мазурки; онѣ замѣтили ея знакъ и подъ руку со своими кавалерами ловко пробирались между танцующими въ томъ направленіи, гдѣ стояла тетушка. Хозяинъ дома, графъ Кутайсовъ, извѣстившись о намѣреніи фрейлины уѣхать, показался тоже въ дверяхъ, подалъ ей руку и повелъ ее провожать до послѣдней залы передъ швейцарской. Прончищевъ и кавалеръ другой княжны провожали ихъ до кареты.

Пока это дѣйствіе происходило, глубокій мракъ покрылъ для Екатерины Алексѣевны этотъ бальный блескъ и свѣтъ. Она потеряла способность соображать, но чувствовала, однако, какъ необходимо ей пересилить себя и не высказаться. Она вернулась къ своей партіи виста, и когда усѣлась опять за карты, тогда только опомнилась. Мысль, что балъ клонился къ концу, поддерживала ея слабѣющія силы; она скоро достаточно овладѣла собой, чтобъ рѣшить въ самой себѣ, что ей непремѣнно надо остаться ужинать. Главное, надо сдерживать порывы душевнаго волненія: не показать же всѣмъ, что̀ у нея тамъ, въ глубинѣ души, подымается!..

Княжны Несвицкія въ промежуткѣ этого времени предавались беззаботно упоенію бальной атмосферы,—тому упоенію, которое всегда является у молодыхъ дѣвицъ вмѣстѣ съ сознаніемъ своего успѣха въ бальной залѣ. Имъ хотѣлось, чтобъ эта ночь никогда не кончилась для нихъ; да и врядъ ли сознаешь въ эту счастливую пору молодости, что такая ночь съ свѣтомъ и блескомъ бальныхъ огней окончится и за ней взойдетъ заря

другого дня. Онѣ вовсе не замѣчали волненія тетушки, да и помнили-ль, что есть эта тетушка на бѣломъ свѣтѣ?

Но вотъ и ужинъ кончился, всѣ разъѣзжались. Онѣ тоже слѣдуютъ движенію толпы по лѣстницѣ Кутайсовскаго дворца. Ихъ провожали братья—Кашкинъ, оба Оболенскіе, еще многіе изъ молодежи. Наконецъ онѣ на крыльцѣ, карета ихъ подана, ихъ усаживаютъ, и экипажъ тронулся. Бѣдныя княжны, какъ мало онѣ были приготовлены къ сценѣ, которая затѣмъ послѣдовала! Да, все время ихъ путешествія домой было для нихъ состояніемъ сущей пытки, и онѣ должны были вполнѣ убѣдиться, что жизненный путь не всегда усыпанъ розами.

Чѣмъ долѣе было сдержано волненіе въ груди тетушки при чужихъ, тѣмъ сильнѣе оно вылилось на нихъ необузданнымъ гнѣвомъ, и онѣ безъ вины остались во всемъ виноваты. Началось съ того, что тетушка вынула изъ кармана серебряную табакерку и нюхнула нѣсколько щепотокъ французскаго табаку. Княжны знали тетку и чуяли что-то недоброе; длилось молчаніе. Затѣмъ это недоброе молчаніе начало прерываться вздохами—знакъ опять неблагопріятный!...

Потомъ тихимъ, сдерживающимъ волненіе голосомъ:

— Вы совершенные ангелы!—обращается къ нимъ тетушка,—агницы непорочныя, ведомыя на закланіе. Позвольте поблагодарить ваши сіятельства отъ полноты моего сердца. Точно, милыя, утѣшаете вы тетушку,—это вѣдь ваши amies de coeur (сердечные друзья), аристократическія, придворныя чистоговорки. Видѣли вы, съ кѣмъ Алеша танцовалъ мазурку? Любуйтесь теперь, сударыни, вашей работой! Сурово—не бѣлье, ваше рукодѣлье.

Голосъ ея возвышался по мѣрѣ того, какъ она говорила, и дрожалъ отъ гнѣва. Она разстегнула шубу, ей было жарко.

— Любуйтесь теперь, говорю я вамъ! Развѣ вы не видите, какая она кокетка, вѣтрогонка! Она собьетъ Алешу съ пути и съ дороги.

Пауза.

Княжны молчатъ, зная по опыту, какъ безполезно возражать теткѣ въ такія минуты раздраженія. Она, однако, продолжаетъ:

А эта придворная фанаберія увозитъ изъ мазурки пуръ се феръ дезире (pour se faire désirer) [1].—Она нарочно картавила французскія слова на русскій ладъ. Знаю и все понимаю: стараго воробья на мякинѣ не проведешь!

— Но, ma tante,—пробуютъ успокоить ее княжны, — успокойтесь, вы изволите преувеличивать, право: ничего подобнаго нѣтъ!

Онѣ сразу поняли, къ чему относилась рѣчь тетки.

— Молчите, неблагодарныя!—вырывается тогда уже крикомъ изъ груди тетушки.—Вы измѣнницы! Вы становитесь въ ряды моихъ враговъ! Молчите, мнѣ дурно, дурно!...

Одна изъ княженъ опускаетъ окно кареты, другая даетъ теткѣ нюхать флаконъ съ солями. Взглянувъ въ окно, онѣ съ радостью увидѣли, что были уже въ Кудринѣ,—значитъ, скоро дома. Въ этотъ вечеръ тетушку съ трудомъ успокоили и уложили въ постель. Она была нѣсколько дней нездорова послѣ бала у Кутайсовыхъ.

XIX.

Сонъ на-яву.

Это было рано утромъ наканунѣ бала у Кутайсовыхъ. Князь Петръ Николаевичъ Оболенскій только-что всталъ съ постели, умылся, Богу помолился и сѣлъ за письменный столъ. Ему необходимо было заняться письмами и счетами. Ему было тяжело въ денежныхъ его дѣлахъ: семья большая, двухъ дочерей недавно онъ выдалъ замужъ, меньшія выѣзжали, сыновей надо было содержать въ гвардіи. Онъ въ эту зиму при-

---

[1]) Чтобъ васъ пуще желали.

нужденъ былъ заложить свою подмосковную, чтобы свести концы съ концами! Печальныя мысли осаждали его въ это утро. Онъ тоже слышалъ о сватовствѣ сына за княжну Волконскую, и его брало раздумье: князь не считалъ своего сына способнымъ къ семейной спокойной жизни. Николай былъ такъ упрямъ и своенравенъ, что судьба его будущей супруги не могла представляться старику-отцу въ розовомъ свѣтѣ.

Старый князь имѣлъ много горя съ этимъ старшимъ сыномъ; у него были съ нимъ постоянныя размолвки, которыя тяготѣли надъ его совѣстью. Леонтьевы, которыхъ онъ надѣялся видѣть у себя эту зиму, не могли пріѣхать, такъ что безъ нихъ ему было еще труднѣе на пути борьбы съ Николаемъ. Сынъ этотъ жилъ отдѣльно отъ отца, былъ совершеннолѣтній, имѣлъ свое собственное крупное состояніе покойной матери [1]) и обращался очень жестоко съ крѣпостными людьми. Часто являлись эти несчастные, бросались въ ноги князя-отца, прося помилованья и защиты. Князь успѣвалъ иной разъ смягчить сына, но это была тяжелая, утомительная борьба; въ семьѣ боялись этихъ ссоръ, тѣмъ болѣе, что князь бывалъ боленъ послѣ нихъ. Онъ горячо молился,—этотъ кроткій святой старецъ, за этихъ людей, надъ которыми тяготѣли столь тяжелыя бремена, за сына, за себя, многогрѣшнаго. И откуда, какъ, отчего Николай такой жестокій, безсердечный? И себя онъ упрекалъ, что не сумѣлъ воспитать его другимъ.

Княжны встали уже и видѣли въ окно со своихъ антресолей сани брата Николая у подъѣзда. Какъ онъ рано!.. Что еще?—мелькнуло у нихъ въ головѣ.—Чѣмъ кончится этотъ визитъ?.. Онѣ встревожились... Князь Николай сидѣлъ долго у отца, потомъ онѣ видѣли, какъ онъ уѣхалъ.

Тогда онѣ сошли внизъ и съ бьющимися сердцами пошли здороваться съ папенькой. Когда онѣ вошли въ кабинетъ, онъ

---

[1]) Первой жены князя П. Н. Оболенскаго—Александры Ѳаддеевны, рожд. Тютчевой. *Б. М.*

сидѣлъ еще въ халатѣ въ своихъ большихъ креслахъ за письменнымъ столомъ, задумчивый, грустный да и растроганный. Но князь сейчасъ же улыбнулся дочерямъ и поспѣшилъ ихъ успокоить.

— Ничего, дѣвки (онъ часто такъ называлъ ихъ въ шутку), не очень пугайтесь... Да что это?—Я вижу, на васъ лица нѣтъ. Ну, ну! — грозилъ онъ имъ пальцемъ, — я и самъ озадаченъ, только кто его знаетъ? Можетъ, все это къ лучшему.

Онъ всталъ, обнялъ ихъ, притянулъ каждую къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ, потомъ, понизивъ немного голосъ:

— Я вамъ на ушко скажу: Николай нашъ женится!

На лицахъ княженъ выразилось удивленіе,—однако, легче стало на душѣ.

— Идите, мои пташечки, — говорилъ князь,— помолитесь. Христосъ съ вами пока! Велите подать мнѣ одѣться, надо пойти сообщить тетушкѣ.

Въ это утро князь выѣхалъ въ каретѣ съ визитами; онъ былъ, между прочимъ, и у невѣсты сына.

Въ домѣ всѣ скоро узнали, что молодой князь женится. Пошли разговоры, извѣстное волненіе, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ.

На фрейлинской половинѣ это событіе было встрѣчено особенно радостно. Когда въ это утро княжны съ братьями вошли здороваться съ тетушкой, она сидѣла въ своей угольной на диванѣ, очень веселая и даже возбужденная.

— Честь имѣю васъ поздравить,—говорила она, пока всѣ вошедшіе садились вокругъ нея. Прекрасная партія, прекрасное имя, и совсѣмъ же молодое созданіе; она его смягчитъ, будетъ имѣть на него хорошее вліяніе. Увидите, что это такъ и будетъ, я готова пари держать. Constantin,—продолжала она, обращаясь ко второму, младшему племяннику, ея любимцу, — приди, моя душа, ко мнѣ на помощь. Ils ont tous des figures d'enterrement. Этотъ Евгеній, —она дотронулась до его плеча, — почему такой

торжественный видъ? Brisez donc la glace! Надо просто смотрѣть на вещи: свадьба въ домѣ, и все тутъ!

— Понятно, ma tante, что и говорить,—отвѣчалъ Константинъ.—По-моему, доложу вамъ, одна Екатерина Михайловна [1]) (мать Оленьки) отлично свое дѣло знаетъ: она уже побѣжала къ Иверской поклоны бить, свѣчи возжигать. Это такъ, какъ слѣдуетъ: безъ Бога не до порога! Печалиться и плакать тутъ не изъ чего. Помилуйте,—у Вареньки, Наташи и Оленьки шесть батистовыхъ платковъ, мокрыхъ отъ слезъ, — шутилъ онъ, — Денисовна сейчасъ мнѣ показывала. Это неимовѣрно! Помолились, поплакали,—говорилъ онъ сестрамъ, — теперь извольте отирать слезы, сморкайтесь и будемъ цѣловаться.—Онъ крѣпко обнялъ сестеръ.

— Когда же невѣста будетъ у васъ, ma tante?

— Кажется, въ четвергъ.

— Прекрасно, я завидую брату Николаю и постараюсь идти по его стопамъ. И откуда она явилась, эта княжна Волконская?—Вѣрно, съ неба. Говорятъ, она изъ Уфы, изъ Оренбурга или изъ Самары.

— Интересно,—говорила, задумавшись, тетка,—дай Богъ въ добрый часъ!

Затѣмъ былъ балъ у Кутайсовыхъ, а на другой день послѣ него невѣста была съ визитомъ у будущаго своего свекра.

Этотъ визитъ сдѣлалъ на всѣхъ въ домѣ глубокое впечатлѣніе: всѣмъ мнилось, что то былъ сонъ на-яву. Невѣста пріѣхала въ двухъ экипажахъ, съ верховыми гайдуками по обѣимъ сторонамъ кареты. Ее сопровождали мамушки, нянюшки въ яркихъ шелковыхъ сарафанахъ, душегрѣйкахъ съ мѣховыми опушками, въ парчевыхъ повойникахъ и сборникахъ, карлицы, казачки съ калмыцкимъ типомъ смуглыхъ лицъ, лакеи въ фамильныхъ ливреяхъ. И это она упала посреди высшаго Мо-

---

[1]) Бочкарева (см. выше, стр. 65 и сл.). *Б. М.*

сковскаго общества людей, стоящихъ уже твердо на почвѣ европейскаго образованія и обычаевъ! И она появилась передъ ними въ рамкѣ давно забытаго, допотопнаго бытосуществованія; явилась одна, безъ всякаго покровителя или покровительницы, въ качествѣ невѣсты, въ домѣ отца нареченнаго ея жениха. Вся эта прародительская челядь слѣдовала за своей госпожей въ парадную гостиную фрейлины и остановилась въ почтительномъ разстояніи, выстроившись амфитеатромъ передъ ней, когда княжна сѣла на диванъ подлѣ тетушки.

Невѣста была въ бѣломъ атласномъ утреннемъ капотѣ съ собольей опушкой, въ жемчугѣ и брильянтахъ. Жаль, что успѣли сшить ей европейское платье на Кузнецкомъ мосту: она была бы гораздо лучше русской боярышней. На видъ ей было лѣтъ 20; высокая, полная, круглолицая, съ прекрасными карими глазами; яркій румянецъ поминутно вспыхивалъ на свѣжемъ ея лицѣ отъ смущенія и застѣнчивости.

Когда ее со всѣми перезнакомили и князь заговорилъ съ ней, тогда она успѣла уже оправиться и отвѣчала ему просто и разумно; голосъ у нея былъ мягкій, грудной и пріятный. Подали кофей. Но разговоръ не клеился: и ей, и всѣмъ было неловко; въ ней было совершенное отсутствіе свѣтскихъ пріемовъ, умѣнья держать себя въ обществѣ.

«Сказочно-восточная принцесса», — мелькало у всѣхъ въ головѣ, и когда она уѣхала, всѣмъ стало легче на душѣ. Тетушка прежде всѣхъ оправилась отъ впечатлѣнія этого перваго знакомства съ невѣстой князя Николая.

— Все это странно очень,—говорила она,—но было бы хуже, еслибъ княжна была только провинціальна. Она мнѣ понравилась, да и все къ лучшему, я ее полюблю. У нея прекрасные глаза, и звукъ ея голоса мнѣ по душѣ.

Старый князь задумался. Николай, Николай! каково-то будетъ жить съ тобой этой молодой, неопытной дѣвушкѣ!

XX.

Кончина А. Г. Кашкиной и фрейлинскія дѣвушки.

Былъ уже февраль [1]); до масленицы оставалось всего нѣсколько дней. У Оболенскихъ всѣ были очень встревожены: любимая всѣми тетка, Анна Гавриловна Кашкина, опасно заболѣла. Докторъ Дядьковскій не покидалъ ея; онъ опасался, что, при слабости ея организма, она не перенесетъ этого сильнаго воспаленія въ легкихъ. Между тѣмъ, отпускъ ея сына Сергѣя [2]) и князей Евгенія и Константина [3]) истекалъ, и имъ необходимо было возвращаться въ Петербургъ.

На фрейлинской половинѣ никого не принимали изъ постороннихъ: тетушка была такъ разстроена, что выѣзжала только къ Кашкинымъ, гдѣ проводила все свое время; на балы и вечера приглашеній не принимала и велѣла Дуняшѣ отложить кройку голубыхъ платьевъ, назначавшихся для бала денного собранія. Время въ домѣ тянулось медленно подъ вліяніемъ тревоги и ожиданія исхода этой тяжкой болѣзни доброй, всѣми любимой Анны Гавриловны.

Раннее утро, чуть свѣтало. Господа въ своихъ спальняхъ еще объяты крѣпкимъ сномъ. Движеніе въ домѣ является только между прислугой, да Катерина Михайловна [4]) сползла съ антресолей и отправилась къ заутренѣ. У окна казачекъ мететъ и выбиваетъ ковры на князевой половинѣ; Тимоша чиститъ клѣтки канареекъ и попугая во фрейлинской парадной гостиной, стелетъ дорожки по корридорамъ, а Параша убираетъ гардеробную комнату.

---

[1]) Читай «январь»: А. Г. Кашкина скончалась 30-го января 1825 г. *Б. М.*

[2]) С. Н. Кашкинъ жилъ въ это время уже постоянно въ Москвѣ, такъ какъ служилъ Засѣдателемъ въ 1-мъ Департаментѣ Московскаго Надворнаго Суда. *Б. М.*

[3]) Оболенскихъ. *Б. М.*

[4]) Бочкарева. *Б. М.*

Совсѣмъ разсвѣло. Параша накрыла подъ окномъ гардеробной маленькій столикъ бѣлой скатертью, уставила на немъ чашки и всѣ чайныя принадлежности и сбѣгала въ кухню за самоваромъ.

Фрейлинскія дѣвушки, Авдотья и Настасья, входятъ въ гардеробную и садятся за утреннее чаепитіе; подъ ногами у нихъ вертится бѣлая болонка съ розовымъ бантомъ между лохматыми ушками; она садится на заднія лапы, машетъ передними противъ морды и начинаетъ изрѣдка лаять.

— Цыцъ, цыцъ, Фиделичка! молчать, тихо!... разбудишь фрейлину; совсѣмъ плохо онѣ почивали, и кашель, и кашель...

Авдотья бросаетъ собачкѣ кусочекъ сахару.

— Разстроены,—говоритъ Настя, прихлебывая чай.

— Понятно, что разстроены, Настенька. Вы знаете, какъ онѣ любятъ Анну Гавриловну, а говорятъ—она плоха. Вы сами посудите, какая для нихъ скорбь! Вчера вечеромъ, какъ онѣ вернулись отъ Кашкиныхъ, сѣли передъ туалетомъ; я чепецъ откалываю у нихъ на головкѣ и вижу въ зеркало, что очень, очень разстроены: сами молчатъ, только губками пережовываютъ—знаете ихъ манеръ—и табакерку промежъ двухъ пальцевъ вертятъ. «Поскорѣй», говорятъ, «Дуняша, ты меня колешь». И впрямъ я имъ ушко булавкой задѣла — такой грѣхъ! Ну, раздѣла я ихъ поскорѣй, легли въ постель, прикрыла я ихъ одѣяломъ, ножки закутала. «Дай кошелекъ», говорятъ; я подала; вынули мелочь. «Дуняша, скажи пожалуйста Катеринѣ Михайловнѣ, чтобъ завтра о здравіи болящей боярыни Анны на ранней обѣднѣ подала». А у самихъ слезы по щекамъ такъ и катятся. «Плоха наша Анна Гавриловна, Дуняша, — шепчутъ мнѣ, какъ я нагнулась руку цѣловать. Какъ я ихъ уложила, выхожу въ гардеробную, Кирюша зашелъ; онъ съ ними вчера за каретой ѣздилъ, такъ и намъ сталъ разсказывать, чтó тамъ у Кашкиныхъ дѣлается. Докторъ тамъ безвыходно, объявилъ положеніе отчаяннымъ. Развѣ что Богъ смилуется. За нашимъ княземъ Евгеніемъ Петровичемъ послали вчера вечеромъ, и онъ

входилъ въ спальню, упалъ на колѣни передъ постелью; Анна Гавриловна обняли ихъ, благословили и шепчутъ: «Сережу моего, Сережу тебѣ поручаю». Аннушка разсказывала эти слова Кирюшѣ, она постоянно въ спальнѣ при генеральшѣ находится. Въ домѣ у Кашкиныхъ такое уныніе!

Фиделька опять садится на заднія лапы и лаетъ.

— Цыцъ, цыцъ!

Онѣ кончили чай.

— Парашенька, брось Фиделькѣ сахарцу, напейся чайку, да помой посуду.

Обѣ фрейлинскія дѣвушки встали изъ-за чайнаго столика и перешли за большой круглый столъ; Авдотья сидитъ и плоитъ оборку перочиннымъ ножичкомъ, Настасья вяжетъ чулокъ. Она взяла Фидельку къ себѣ на колѣни, спицами шибко перебираетъ, задумалась и вздохнула.

— Она страдалица, наша дорогая сенаторша, Анна то Гавриловна,—говоритъ она; только, Дунюшка, я недоумѣваю, при чемъ тутъ нашъ Евгеній-то Петровичъ? Положимъ, что ей на супруга надежда плохая, хоть бы и насчетъ сына. Сенаторъ характерный, ладу съ сыномъ не будетъ. Сергѣй Николаевичъ избалованъ, у нихъ вѣтеръ въ головѣ, а все-таки, по-моему, что̀ тутъ Евгенію Петровичу дѣлать? Нашъ солиденъ—спору нѣтъ, а нешто его Сергѣй-то Николаевичъ послушаетъ? Какъ бы не такъ! Онъ тоже куда богаче нашихъ то князей.

— Какъ вы поверхностно судите, Настенька! Не въ ладахъ тутъ дѣло и не въ деньгахъ, а понятно, что нашъ Евгеній Петровичъ большой форсъ въ семьѣ забираютъ; фрейлина сами этому удивляются, почему къ нему ото всѣхъ такое довѣріе. Сергѣй-то Николаевичъ и сами не глупѣе ихъ, а Константинъ-то Петровичъ...

— Позвольте, Дунюшка, вамъ одно сказать,—живо перебиваетъ тутъ Настя,—позвольте сказать что и вы, и Ихъ Превосходительство Александра Евгеньевна противу Евгенія Петровича невѣрно судите. Вы вотъ что скажите: кто у васъ добрѣе-то, смирнѣе-то

его?—она даже петлю спустила, такъ оживилась... Сказано: не сотвори себѣ кумира, а фрейлина только что не молится на Константина-то Петровича. По мнѣ вы его хоть въ кіотъ съ образами поставьте, да и лампадки передъ нимъ зажигайте—мнѣ то что?—Она, видимо, сильно волновалась.

«Вотъ ужъ и вспылили, и вспылили!—отвѣчаетъ Авдотья,—а неправильно. И между тѣмъ проницательности въ васъ нѣтъ; спору нѣтъ, что Евгеній Петровичъ поведенія примѣрнаго, а всё-таки я скажу,—въ нихъ завелась скрытность, да и вольнодумство; черезъ это Тётушка эту зиму къ намъ и охладѣли: я всё вижу! Это собственно давнишняя исторія—со Стадлерши ещё завелась. И тогда у меня сколько разъ недоумѣнье было. Что вы думаете, Настенька! хоть бы старшія княжны? Примѣромъ, моя голубочка Екатерина Петровна: я ихъ всякій день во снѣ вижу»—при этомъ Дуняша глубоко вздохнула,—«а нешто такую бы партію имъ надо было сдѣлать?—Братецъ Евгеній Петровичъ и Стадлерша много вѣсу въ ихъ судьбѣ имѣли: съ настоящаго пути на свои пути переворачивали. Я пробовала въ ту пору докладывать Ихъ Превосходительству,—дѣлали видъ, что не понимаютъ: у нихъ тонкость придворная!»

Она задумалась, затѣмъ продолжаетъ: «При Дворѣ собственно, скажу, нѣтъ такихъ противорѣчій насчетъ судьбы: выйдетъ это Монаршее соизволеніе и повелѣніе,—кого тебѣ укажутъ, тотъ тебѣ и мужемъ будетъ.

— Оно въ этомъ смыслѣ справедливо, — соглашается Настенька.

— А вотъ теперь позвольте,—перебиваетъ её Дуняша,—какъ это понимать насчетъ княжны Варвары Петровны, что я замѣтила?—Настасья подымаетъ на нее внимательные глаза. — Это дѣло на святкахъ было. Онѣ всѣ нонче скрытныя, да я-то прозорлива,—проницаю мракъ ихнихъ сердечекъ: я все насквозь вижу и знаю, кто имъ по ндраву пришёлся.

— Кто же бы это?—говоритъ Настенька.

— Нешто вы не замѣтили, со Скуратовой барышней дружба

какая?—И печки, и лавочки. Онѣ не то что дурное! наши княжны—чистота и непорочность, что и говорить!

— Такъ это братецъ-то Анны Петровны [1],—Дмитрій Петровичъ? [2])—Подай, Господи! Настя даже перекрестилась. Понятно, что партія хорошая; только опять-таки скажу, чтобы тутъ не перебили этого дѣла. — На святкахъ, знаете ли вы, какая исторія была? Мощу это я мосты [3]) подъ кроватями у княженъ, — всегда сама— Парашѣ нельзя поручать: извѣстная вѣтренница—Вотъ разъ утромъ прихожу къ княжнамъ и спрашиваю: «Какъ почивали, что во снѣ видѣли, Ваше Сіятельство?» А мои княжны только хохочутъ: «Ничего во снѣ мы не видѣли, говорятъ, и ничего никогда не увидимъ. Вы не сердитесь, душенька Дуняша, и мостовъ намъ не мостите: все это вздоръ и сказки». Мнѣ обидно, да ну-поди! Думаю: ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами. Мощу опять: что на нихъ смотрѣть? Это подъ самое подъ Крещенье. Прихожу къ нимъ утромъ; онѣ еще лежатъ въ постеляхъ, промежъ собой по-французски болтаютъ, и спросить какъ-то боишься. Ольга Андреевна (Олинька) сами, спасибо, отозвались на мои мысли, да и говорятъ: «Авдотья Тимоѳеевна! Мнѣ нынче ночью сонъ снился, да такъ ясно: только не мостъ, а въ лодкѣ я Москву-рѣку съ одного берега на другой переѣзжала. Вѣдь Москва-рѣка такъ-то не широкая, но во снѣ точно море показалась... И пере-

---

[1]) О ней см. ниже, стр.

[2]) Д. П. Скуратовъ (род. 18-го іюня 1802, ум. 14-го мая 1885 г.), писатель-публицистъ, одинъ изъ основателей Общества для содѣйствія промышленности и торговли, въ то время офицеръ л.-гв. Преображенскаго полка; онъ впослѣдствіи женился на Фаинѣ Алексѣевнѣ Пушкиной (род. 1807), дочери извѣстнаго театрала и любителя литературы Алексѣя Михайловича Пушкина (ум. 1825). О Д. П. Скуратовѣ см. статью В. Д. Корсаковой въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ». *Б. М.*

[3]) Старинное гаданіе. Оно состоятъ въ слѣдующемъ процессѣ.—Берутъ тарелку, налитую до половины водой; затѣмъ поперекъ надъ водою, по краямъ тарелки, устраиваютъ изъ лучинокъ мостокъ: вода въ тарелкѣ должна изображать рѣку. Въ воображеніи же гадающей, когда она ставитъ тарелку подъ кровать дѣвушки, на которую загадываетъ, должно являться пожеланіе той дѣвицѣ судьбы или жениха. Гадальщица убѣждена, что дѣвушка та, подъ кроватью которой поставлена ею тарелка, увидитъ сонъ, въ теченіе котораго ей приснится суженый, который ее переведетъ черезъ мостикъ надъ рѣкою.—Это гаданье продѣлывается во время святочныхъ ночей и вечеровъ, имѣющихъ яко бы таинственную силу навѣвать пророческіе сны. *Е. С.*

вёзъ онъ меня на другой берегъ.—Кто же это онъ, барышня?—«А это уже мой секретъ!» Какъ онѣ это сказали, у княжны Варвары Петровны колечко упало съ пальчика на полъ и покатилось подъ кровать: у нихъ привычка играть кольцами! Я стала искать,—конечно, нагнулась это и гляжу подъ кровать; что же бы вы думали?—вижу я, что тамъ мостикъ мой разоренъ, лучинки спутаны, вода расплёскана!—Вотъ тебѣ, думаю, бабушка, и Юрьевъ день! Я тутъ опять смолчала; княжны стали одѣваться, а я ушла. Только дѣло это я такъ не оставила; думаю: тутъ нечисто, надо добиться толку, прослѣдить... Вотъ и говорю Парашѣ, чтобы она замѣчала и глядѣла, когда княжны ложатся въ постели почивать. Что-жъ бы вы думали? Параша это своими глазами видѣла: княжна Варвара Петровна, какъ ложатся въ постель, всякій разъ осматриваютъ подъ кроватью, а потомъ возьмутъ да и разорятъ мостикъ, — такъ-таки ножкой толкнутъ да и разорятъ! Это не вольнодумство? Какъ оно по-вашему?»

Въ спальнѣ фрейлины въ эту минуту послышался звонокъ. Дуняша поспѣшно вышла изъ комнаты, Фиделька спрыгнула съ колѣнъ Настасьи и побѣжала въ томъ же направленіи.

Настасья посидѣла еще нѣсколько времени задумавшись, потомъ сложила чулокъ, уровняла четыре спицы, прикрѣпила пятой чулокъ къ клубку и положила на столъ. «Пора идти кофей варить»,—сказала она и вышла изъ гардеробной.

Въ то самое время, какъ звонокъ фрейлины раздался въ спальнѣ, къ крыльцу Подновинскаго дома Оболенскихъ подъѣхали сани домашняго доктора Кашкиныхъ. Онъ вошелъ по лѣстницѣ усталой походкой своихъ старческихъ шаговъ, въ передней кинулъ свою шубу на руки перваго попавшагося лакея. «Князь?»—спросилъ онъ.

— Ихъ Сіятельство у обѣдни; пожалуйте на половину къ молодымъ князьямъ,—и лакей повелъ доктора по корридору.

Князья Евгеній и Константинъ пили утренній чай, когда докторъ вошелъ въ ихъ кабинетъ. Прежде, чѣмъ онъ произ-

несъ единое слово, все было понято. «Все кончилось»,—сказалъ, однако, докторъ.

Князь Евгеній молча осѣнился во всю грудь крестнымъ знаменіемъ. «Царство ей небесное!»—сказалъ князь Константинъ. Онъ придвинулъ доктору кресло ближе къ столу; докторъ сѣлъ и сталъ разсказывать о ходѣ болѣзни съ медицинскими подробностями. Онъ выводилъ причины, почему это должно было такъ кончиться, но это, что произошло, и то, что кончилось, суть то неотразимое, чего ничья земная рука не можетъ устранить съ пути человѣческой жизни...

Князья разсѣянно слушали доктора, затѣмъ встали и попросили его заѣхать въ теченіе утра. Всѣ трое вышли изъ кабинета: предстояло сообщить печальное извѣстіе отцу и тетушкѣ.

Первыя минуты горя всегда парализуютъ, потомъ удаляется постепенно то таинственное, непостижимое и неотразимое; затѣмъ дѣйствительность входитъ снова въ свои права и сознаніе его тягости съ большею тягостью, чѣмъ когда-либо, погружаетъ насъ въ жизнь и ея заботы. Та, которой сейчасъ не стало, достигла чего-то, а тѣ, которые остались, должны продолжать свой путь—идти, идти впередъ!...

XXI.

Носы.

Въ семьѣ всѣ любили и уважали добрую и умную Анну Гавриловну Кашкину, супругу сенатора Николая Евгеньевича; ея кончина была чувствительной утратой для Оболенскихъ. Когда впослѣдствіи на пути ихъ жизни встрѣтились болѣе тяжкія скорби, тогда имъ всегда казалось, что именно эта любимая всѣми тетка унесла за собой весь запасъ ихъ жизненныхъ радостей.

Знакомые и родные проводили бренные останки Анны Гаври-

ловны въ Донской монастырь, гдѣ она была погребена [1]). Въ тотъ же день, послѣ похоронъ, сынъ ея Сергѣй [2]) и оба Оболенскіе—Константинъ и Евгеній—уѣхали въ Петербургъ.

У Оболенскихъ въ домѣ, послѣ недавней веселой и легкой атмосферы, царствовало уныніе. Фрейлина не покидала своихъ апартаментовъ, никого не принимала. Вмѣсто бальныхъ платьевъ кроились въ гардеробной траурныя.

На Садовой же, въ домѣ сенатора, была опасно больна дочь его Варенька [3]). Княжны Варенька и Наташа поперемѣнно дежурили у изголовья больной, и докторъ Дядьковскій [4]) опять проводилъ ночи въ домѣ Кашкиныхъ. Варенькѣ Кашкиной было въ то время 14 лѣтъ; она была высокая не по лѣтамъ, худая дѣвочка, темнокудрая, съ выразительнымъ личикомъ. Характеръ этой дѣвочки представлялъ съ дѣтства самыя странныя противорѣчія. Ея застѣнчивость переходила крайнія границы, возбужденіе при видѣ чужого лица было такъ сильно, что ребенокъ заболѣвалъ,—и, по совѣту докторовъ, рѣшили не раздражать ея и не принуждать къ свѣтскимъ обязанностямъ. Она росла въ своихъ дѣтскихъ комнатахъ съ няней и гувернанткой-нѣмкой. Главная черта ея характера была неумѣренность въ привязанностяхъ и антипатіяхъ; это очень заботило ея мать, которая понимала, что для мужа ея будутъ только докучливы движенія души этого нервнаго и впечатлительнаго ребенка. Отецъ былъ, впрочемъ равнодушенъ къ дочери, и тѣмъ легче было для Анны Гавриловны удалять Вареньку изъ гостиныхъ. «До поры до времени,—говорила покойница,—еще успѣетъ она играть въ свѣтѣ роль дочери сенатора Кашкина». Варенька, такимъ обра-

---

[1]) А. Г. Кашкина погребена не въ Донскомъ а въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. О ней см. въ книгѣ ея правнука, Н. Н. Кашкина: «Родословныя развѣдки», т. II, С.-Пб. 1913, стр. 489—490. *Б. М.*

[2]) С. Н. Кашкинъ въ Петербургъ не ѣхалъ: онъ онъ служилъ уже въ Москвѣ, въ 1-мъ Департаментѣ Надворнаго Суда. *Б. М.*

[3]) Впослѣдствіи Грессеръ; см. выше, стр. 79—80. *Б. М.*

[4]) Профессоръ Московскаго Университета, извѣстный въ свое время терапевтъ Іустинъ Евдокимовичъ Дядьковскій (род. 1785, ум. 1841). *Б. М.*

зомъ, рѣдко видала отца, но къ матери была страстно привязана. Можно теперь представить, какимъ ударомъ была для нея кончина матери; она не плакала, но находилась въ состояніи столбняка и оцѣпенѣнія, затѣмъ опасно заболѣла,—и вотъ какъ это случилось.

Въ самый день кончины Анны Гавриловны, вечеромъ, княжны Оболенскія съ тетушкой были на панихидѣ у Кашкиныхъ. По окончаніи заупокойной службы въ залѣ, гдѣ стояла покойница, старшій штатъ родственниковъ потянулся въ гостиную. Молодые же прошли сначала въ дѣтскія комнаты. Княжны и Оленька старались окружить Вареньку, чтобы облегчить ей тягость быть на виду (en représentation) въ такія горькія для нея минуты. И была-ли она, бѣдная, годна, при ея скорби, переносить этотъ тяжелый похоронный этикетъ? Княжны совѣтовали оставить пока Вареньку въ ея комнатахъ, но сенаторъ прислалъ за ними, чтобы онѣ пожаловали въ гостиную, и надо было туда направиться. Эта гостиная въ домѣ Кашкиныхъ была высокая, большая комната съ мраморными бѣлыми стѣнами, съ кипарисами по угламъ, съ экзотическими растеніями между массивной мебелью. Въ этотъ вечеръ она была тускло освѣщена и декорирована чернымъ сукномъ. Присутствующіе хранили торжественное молчаніе, требуемое этикетомъ въ присутствіи покойника въ домѣ. Тетушки Кашкины, сестры сенатора (ихъ было числомъ шесть), сидѣли на большомъ диванѣ, который стоялъ далеко отъ стѣны; то былъ боковой диванъ, который составлялъ этаблисманъ поперекъ угла гостиной. Тетушки всѣ были, конечно, въ глубокомъ траурѣ, въ плерезахъ, въ черныхъ креповыхъ чепцахъ съ широкими оборками; лица ихъ почти не были видны, потому что свѣтъ отъ канделябра падалъ сбоку, между тѣмъ какъ силуэты этихъ лицъ падали удлиненной тѣнью ихъ профилей прямо на мраморную колонну. Когда княжны съ Варенькой, войдя въ гостиную, стали приближаться къ дивану, гдѣ сидѣли тетушки, изъ устъ Вареньки вылетѣло и повторилось громко нѣсколько разъ слово: «носы, носы!»; затѣмъ она покатилась со смѣху, пока-

зывая пальцемъ на колонну, куда падала тѣнь отъ силуэтовъ тетушекъ. Можно понять, какой эффектъ произвелъ этотъ смѣхъ въ такую минуту на присутствующихъ. Сенаторъ-отецъ всталъ, на его надменномъ лицѣ выразилось негодованіе, тетушки въ смущеніи; княжны шепотомъ окликаютъ Вареньку, чтобы остановить ее, а она пуще хохочетъ, пока, наконецъ, этотъ смѣхъ, принимаетъ другія интонаціи, переходитъ въ вопль, въ крикъ, и она безъ чувствъ падаетъ на паркетъ. Ее отнесли въ дѣтскую, послали за докторомъ; это былъ продолжительный обморокъ. Дыханіе, однако, возвратилось при помощи обычныхъ средствъ въ такихъ случаяхъ, но она никого не узнавала, а въ ночь появился бредъ. И съ этой ночи княжны и Оленька [1]) дежурили при постели больной, не покидая ея. Началась серія мучительныхъ дней у изголовья Вареньки.

Какъ она была трогательна, эта милая осиротѣвшая дѣвочка, посреди роскоши родительскаго дома, въ борьбѣ съ безобразной тяжелой болѣзнью, которая надъ нею работала. У нея была нервная горячка, усложненная приливомъ къ мозгу. Какая перемѣна произошла тогда въ чувствахъ ея отца! Онъ, такой прежде равнодушный къ ней, проводилъ цѣлые часы въ молитвѣ, на колѣняхъ передъ иконами. Онъ давалъ обѣты, посылалъ богатые дары по монастырямъ,—видно, противорѣчія существовали и въ его характерѣ... Одинъ старый князь Петръ Николаевичъ Оболенскій умѣлъ смягчить сенатору эти часы отчаянія. Онъ тоже почти не покидалъ его; ихъ сблизили эти печальные дни скорби. Дружба между обѣими семьями укрѣпилась тѣснѣе подъ вліяніемъ этого скорбнаго періода ихъ жизни.

Однако, послѣ трехъ недѣль насталъ благопріятный кризисъ, опасность удалилась, больная стала выздоравливать. Великій постъ былъ тогда на исходѣ, и Пасху всѣ встрѣтили въ болѣе покойномъ настроеніи.

---

[1]) Бочкарева. *Б. М.*

XXII.

Село Рождествено.

Пасха была въ этотъ годъ въ снѣгу, т.-е., стоялъ еще санный путь, что нерѣдко въ Москвѣ.

Помѣщики, пріѣхавшіе на зиму въ столицу, чтобъ пользоваться ея удовольствіями, подумывали объ отъѣздѣ во-свояси; дальніе всѣ уѣхали уже въ концѣ поста: имъ выгодно было добраться домой зимнимъ путемъ, на полозьяхъ.

Княжны Несвицкія очень желали провести Святую въ Москвѣ, но тетушка Екатерина Алексѣевна Прончищева на это не согласилась: ей надо было спѣшить въ Калугу повидаться съ архіереемъ. Она строила храмъ въ Богимовѣ, имѣніи племянника, была сильно озабочена этимъ важнымъ дѣломъ и уѣхала на шестой недѣлѣ поста. Княжны отправились въ Нетесово, подмосковную дяди Раевскаго. Онѣ пріѣзжали проститьсся съ Оболенскими, обѣщали писать Варенькѣ и Наташѣ; молодыя дѣвицы очень подружились между собой въ эту зиму 1825 года.

Кашкины уѣхали на Ѳоминой въ Прыски, ихъ Калужское имѣніе близъ Оптиной пустыни; подъ Новинскимъ у Оболенскихъ все тоже было на чеку для отъѣзда въ подмосковную. Княжны очень любили деревню и уговаривали отца ѣхать туда, какъ можно скорѣе послѣ Святой, но тетушка, которая оставалась всегда лѣтомъ въ Московскомъ домѣ, всякій годъ останавливала этотъ желанный весенній полетъ въ Рождествено [1]) подъ разными предлогами. На этотъ разъ главной причиной замедленія поѣздки было ожиданіе извѣстій изъ Симбирска, куда князь Николай (женихъ) отправился еще постомъ въ имѣніе своей невѣсты. Наконецъ отъ него было получено письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ отца, что въ первое воскресенье послѣ

---

[1]) Имѣніе въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губерніи. *Б. М.*

Пасхи онъ вступилъ въ законный бракъ съ княжной Натальей Дмитріевной Волконской [1]). Молодые медлили отъѣздомъ изъ Симбирскаго имѣнія, потому что Московскій домъ, который князь Николай купилъ эту зиму за Москвой рѣкой, не былъ еще отдѣланъ. Это послѣднее обстоятельство подвинуло рѣшеніе поѣздки Оболенскихъ въ подмосковную, къ великому удовольствію княженъ, Оленьки и няни Денисовны, у которой въ Рождественѣ были родные.

Въ деревнѣ всѣ чувствовали себя свободнѣе, чѣмъ подъ Новинскимъ, въ Москвѣ, гдѣ тетушка была все-таки высшее начальство, требовала къ себѣ большого вниманія и твердо держала бразды правленія въ смыслѣ этикета. Молодыхъ это часто утомляло; а тутъ, въ Рождественѣ,—жизнь съ однимъ папенькой, съ которымъ княжнамъ жилось такъ легко... И какъ тёпло и уютно было подъ его крылышкомъ!

Весна медлила въ этотъ годъ вступить въ свои права. Снѣгу было еще много, проталины появлялись, очища́я только бугры; ледъ стоялъ на пруду, подернувшись слегка грязноватою водой. Въ первое воскресенье по пріѣздѣ изъ Москвы, въ церковь всѣ ѣздили еще на саняхъ. «Врядъ-ли на Юрьевъ день листъ будетъ нонѣ въ полушку, коли такъ пойдетъ»,—говорили мужички. Дни были такіе холодные, что въ домѣ прилежно топили; выйти погулять никому и въ голову не приходило. Княжны придумали вышивать коверъ въ виду того, что молодые, князь Николай съ женой, будутъ непремѣнно съ визитомъ у князя-отца въ Рождественѣ. Этотъ коверъ ихъ работы будетъ подаркомъ молодой княгинѣ. Изъ кладовой принесли пяльцы, канва легла упругой ровной тканью на ихъ рамкѣ.

Князь одобрилъ намѣреніе привѣтить подаркомъ молодую невѣстку, вмѣшивался въ выборъ узора, ссорился, шутя, съ дочерьми насчетъ какихъ-то незабудокъ на узорѣ, которыя хотѣлъ замѣнить макомъ.

---

[1]) Это было не въ 1824 г., а въ 1819 году; см. замѣтку князя Дмитрія Дмитріевича Оболенскаго въ «Истор. Вѣстн.» 1901 г., кн. 5, стр. 835. *Б. М.*

— Папа, голубчикъ, этого нельзя, вы ровно ничего не понимаете,—говорила Варенька,—это выйдутъ въ шитьѣ красныя лепешки, а вовсе не макъ.

— Помилосердуй, Барбуха! (онъ часто такъ называлъ Вареньку). Макъ у нея лепешки! Съ чѣмъ это сообразно?—одинъ духъ противорѣчія. Пустите, дѣвки, — онъ любилъ въ шутку такъ называть дочерей, — пустите, я самъ буду вышивать. — Князь серіозно садился за пяльцы. Княжны и Оленька помирали со смѣху; кончалось всегда тѣмъ, что всѣ они начинали возиться, точно дѣти. Дѣвушки отнимали у старика шерсть, иголки, ловили цѣловать его руки, если въ борьбѣ приходилось его толкнуть; ножницы и наперстки летѣли съ пялецъ на полъ, пока онъ, утомившись, удалялся, наконецъ, въ свой кабинетъ.

Еще десять дней. Коверъ подвинулся значительно: вышивался уже второй перепялъ, а солнце заиграло теплѣе и веселѣе, падая весенними лучами на разноцвѣтные цвѣты его узора.

Жаворонки и грачи прилетѣли, прудъ очистился отъ льду, снѣгъ лежалъ мѣстами, только въ овражкахъ.

Княжны и Оленька сидѣли за пяльцами въ своей комнатѣ и прилежно вышивали. Это было въ концѣ апрѣля; день былъ теплый, весенній и солнечный. Въ домѣ было предобѣденное время, когда князь имѣлъ привычку почивать съ полчаса.

— Надо выставлять рамы,—говорила одна изъ сидѣвшихъ за пяльцами дѣвицъ.

— Да, пора, стало тепло, настоящее тепло. Оленька, передай мнѣ розовую тѣнь!

Варенька отрѣзала конецъ шерсти, вдѣла въ иголку и, прикрѣпляя его, обратилась къ дѣвицамъ съ слѣдующими словами:

— А что, мои голубушки, вѣдь этотъ коверъ отнимаетъ у насъ немало времени. Мнѣ совсѣмъ некогда писать. Когда я подумаю, что письмо княжны Анны [1]) такое милое...

---

[1]) Несвицкой. *Б. М.*

— И неужели ты до сихъ поръ ей не отвѣчала?—говорила Наташа.

— Нѣтъ еще. Я рада что имъ хорошо въ подмосковной у дядюшки: старикъ тоже безподобный [1]). Но не хотѣлось имъ ѣхать отъ праздника изъ Москвы. Мы только эту зиму такъ тѣсно сошлись съ ними. Я душой привязалась къ княжнѣ Аннѣ; она такая умница, да такой дѣлецъ. Вѣдь она ведетъ сама все хозяйство. Это Богъ послалъ князю Алексѣю такую сестрицу. Я его не понимаю: онъ старшій братъ въ семьѣ, а имъ всѣ командуютъ.

— Тутъ и понимать нечего, мой другъ,—говорила Наташа.— Онъ пустой изъ пустыхъ. А вотъ что, Варенька,—отъ Евгенія [2]) письма стали рѣдки, коротки, и точно онъ какой-то разсѣянный. Не то что, какъ прежде, помнишь? Онъ отвѣчалъ, бывало, на все, что ему пишешь. Ты замѣтила?

— Какъ это тебѣ сказать? Я и сама объ этомъ думала. Но теперь смотры,—онъ устаетъ, и это всегда его раздражаетъ. Послѣднее его письмо, правда, очень грустное: это все воспоминаніе о тетушкѣ Аннѣ Гавриловнѣ. Ты видишь, онъ тоже боится за Вареньку, какъ она тамъ одна съ отцомъ въ Прыскахъ останется все лѣто? Да и Serge его тревожитъ—его невоздержный языкъ. Того и гляди, что онъ въ полку [3]) наживетъ себѣ исторію.

— Знаете что,—говоритъ Оленька [4]),—я Сергѣя Николаевича во снѣ видѣла въ кафтанѣ и мужицкой шапкѣ, и у меня всѣ эти дни такія дурныя мысли! Помните, въ четвергъ вечеромъ, какъ у насъ батюшка (священникъ) чай пилъ; иду я по корридору къ Денисовнѣ, прохожу мимо двери въ классную— стукъ оттуда! Я вся такъ и задрожала, скорѣй бѣгомъ къ нянѣ. Взяли мы съ ней свѣчу, посмотрѣли вездѣ,—подъ шка-

---

[1]) Г. И. Раевскій. *Б. М.*

[2]) Князь Е. П. Оболенскій *Б. М.*

[3]) Какъ сказано было выше, С. Н. Кашкинъ въ это время служилъ уже не въ полку, а въ Московскомъ Надворномъ Судѣ. *Б. М.*

[4]) Бочкарева. *Б. М.*

фами, въ шкафахъ даже; думали, что кошка. И никого, и ничего! Съ тѣхъ поръ у меня все страхъ и дурныя мысли. Не то у маменьки въ Корчевѣ неладно, либо у нашихъ въ Петербургѣ.

— У меня у самой сердце не на мѣстѣ,—задумывается Варенька. Она взяла шерстинку, быстро наметала ее вокругъ двухъ пальцевъ, сняла ее, зажала въ ладони и обѣ руки опустила подъ пяльцы.—Оленька, въ какой рукѣ?

Оленька немного подумала.

— Въ лѣвой.

— Анъ въ правой, ты не угадала!—У меня что-то голова разболѣлась.—Варенька встала изъ-за пялецъ и подошла къ окну.—Вонъ Аннушка несетъ конопли изъ амбара, надо взять немножко. Пойду, покормлю чижовку мою. — Она вышла изъ комнаты.

Когда Наташа и Оленька остались однѣ, то долго работали молча. Въ комнатѣ было тихо, слышался только однообразный звукъ шерсти, которая, касаясь упруго-натянутой канвы, то взмахивалась вверхъ рукою дѣвушекъ надъ пяльцами, то быстро исчезала внизъ. Оленька вздохнула.

— Оленька, милая, а вѣдь Варенька о немъ думаетъ,— тихо, съ разстановкой сказала Наташа, не поднимая глазъ отъ работы.

— А то нѣтъ? Очень понимаю, что думаетъ,—говорила Оленька.—Онъ стоитъ того, чтобы о немъ думали. Если бы да это случилось...

— Я все думаю, Богъ дастъ, устроится,—отвѣчала Наташа.— Папенька не будетъ противъ, тетушка тоже этого желаетъ.

— Пожалуйте кушать!—Іонка, князевъ казачекъ, появился въ дверяхъ. Дѣвушки встали, закинули пяльцы бѣлымъ пологомъ и отправились въ столовую.

За столомъ получились письма изъ Москвы, между прочими и отъ фрейлины. Она извѣщала, что князь Николай съ супругой пріѣхали въ Москву, и на другой же день пріѣзда молодые были у нея съ визитомъ.

«Я у нихъ обѣдала, писала тетушка. Elle n'est pas une tenue gracieuse,—говорила она въ письмѣ о молодой княгинѣ,—mais elle n'est pas le moins du monde ridicule. Она выиграла тѣмъ, что ея полнота пристала больше для замужней, чѣмъ тогда, когда была у насъ невѣстой. Мнѣ оказала ласку и довѣріе; я вижу и рада, что она перестала со мной дичиться, но съ другими еще очень конфузится. Я ее очень полюбила. Какая она радушная хозяйка! Обо всѣхъ подумаетъ и вовсе не волнуется за столомъ. На обѣдѣ сервизъ шелъ отлично, калмыки и карлица при ней. Это очень смѣшно. Роскошь у нихъ большая, и Николай, кажется, доволенъ».

Не стану описывать визита молодыхъ въ Рождествено. Они прогостили тамъ недѣли три мая мѣсяца. Молодую княгиню всѣ въ домѣ очень полюбили; старый князь въ особенности оцѣнилъ очень скоро и справедливо невѣстку. Онъ все затягивалъ ихъ отъѣздъ, и только въ началѣ іюня молодые уѣхали въ Моклецъ, ихъ Тульское имѣніе.

Тогда жизнь въ Рождественѣ потекла снова тихо и однообразно. Купались, ходили въ лѣсъ по грибы и по ягоды, ѣздили раза два въ теченіе этого лѣта въ село Воскресенское (Новый Іерусалимъ), которое лежитъ верстахъ въ шести отъ Рождествена. Каждое воскресенье князь съ семействомъ бывалъ у обѣдни въ своей церкви при селѣ Рождественѣ. Въ этотъ воскресный день у него всегда обѣдалъ священникъ со своею попадьей и двѣ старыя сосѣдки, дѣвицы Свиньины. Князь, въ семейномъ кругу, со своими дочерьми, позволялъ себѣ называть ихъ, въ шутку, «кошоночки». Другіе сосѣди по Рождествену ѣзжали къ Оболенскимъ очень рѣдко, но княжны не тяготились однообразіемъ деревенской жизни и умѣли создавать себѣ занятія и интересы помимо суетности свѣтской жизни. Главнымъ, впрочемъ, интересомъ въ Рождественѣ была переписка съ братьями и друзьями: почтовые дни ожидались нетерпѣливо.

Княжна Варенька очень аккуратно переписывалась съ княжной Анной Несвицкой, и въ это лѣто она въ одинъ пре-

красный день получила отъ нея письмо слѣдующаго содержанія:

«Ты далека, милая Варенька, отъ мысли, что мы теперь очень взволнованы. Дѣло въ томъ, что братъ, князь Алексѣй, уѣхалъ изъ Петербурга очень внезапно въ Парижъ, выйдя предварительно въ отставку. Это насъ очень удивило и встревожило дядюшку. Но вообрази мое положеніе, когда я получила отъ него письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня о вступленіи въ бракъ! По его словамъ, онъ такъ теперь счастливъ, что не находитъ словъ, коими могъ бы выразить свое блаженсто (mon pauvre frère a toujours été très sentimental).

«Помнишь, милая Варенька, въ Москвѣ, въ нашемъ домѣ, въ его кабинетѣ тотъ акварельный портретъ, — хорошенькая молодая женщина въ такомъ фантастическомъ костюмѣ? — Это она, теперь уже княгиня Несвицкая, бывшая вдова графиня де-Монсо (Monseau). Мы съ Катенькой едва вѣрили своимъ глазамъ, когда читали его письмо. У насъ руки и ноги похолодѣли. И какъ доложить объ этомъ дядюшкѣ? Его необходимо беречь, а какъ еще это на него подѣйствуетъ?

«Какъ нарочно, цѣлый день были гости, дѣти такъ шумѣли за столомъ, а мы съ сестрой сидѣли, точно на горячихъ угольяхъ. Вечеромъ, наконецъ, когда въ домѣ все поуспокоилось, мы улучили минуту, вошли къ дядюшкѣ и все ему открыли и доложили. Онъ былъ сильно взволнованъ; но ты знаешь его добронравіе и здравый умъ. Онъ рѣшилъ, что намъ необходимо ѣхать къ тетушкѣ: надо и ее приготовить къ этому извѣстію; затѣмъ, вѣроятно, всѣ родные соберутся у насъ въ Ермолово. Это поведетъ къ раздѣлу: я сижу теперь за счетами, а Катенька укладываетъ сундуки. Завтра мы уѣзжаемъ.

«Думали-ли мы о чемъ подобномъ эту зиму въ Москвѣ? Помнишь тотъ балъ у Кутайсовыхъ, когда братъ Алексѣй открылъ мазурку въ первой парѣ съ Анютой Урусовой? Прощайте, вспоминайте меня», и т. д.

И такъ прошло безоблачно и покойно лѣто 1825 года для

Оболенскихъ. Въ послѣднихъ числахъ октября они вернулись въ Москву, и тутъ еще недѣли двѣ жизнь подъ Новинскимъ текла обычной колеей.

XXIII.

Les événements se suivent, mais ne se ressemblent pas [1]).

Насталъ ноябрь 1825 года. Тетушка-фрейлина была встревожена письмами своихъ друзей изъ Петербурга, которые говорили объ отъѣздѣ Высочайшаго Двора въ Таганрогъ; затѣмъ вскорѣ дошли слухи до Москвы о нездоровьѣ Государя. Это время было тяжелое, въ воздухѣ собиралась гроза, будто лѣтомъ, тогда какъ въ городѣ лѣжалъ санный путь и морозъ скрипѣлъ подъ полозьями саней.

Княжны Оболенскія почти не выѣзжали, да и бальный сезонъ въ этотъ годъ не спѣшилъ открываться. Газеты жадно читались, но оставляли тяжелое впечатлѣніе. Письма отъ молодыхъ князей изъ Петербурга сдѣлались совсѣмъ рѣдки. Варенька, Наташа и Оленька рѣшили, что въ братѣ Евгеніи произошла какая-то перемѣна. Судя по его письмамъ, или онъ хвораетъ, или же его занятія, по должности старшаго адъютанта при генералѣ Бистромѣ, всецѣло поглощаютъ его. Если пріѣдутъ братья въ отпускъ, надо будетъ ихъ побранить, что они сдѣлались совсѣмъ равнодушны къ семьѣ.

Между тѣмъ подходило 24-е ноября, день великомученицы Екатерины. Тетушка записала было маршрутъ на этотъ день для поздравительныхъ визитовъ, но почувствовала себя слабой, кашель ея усилился; она слегла въ постель. 25-го ноября, день священномученика Климента, папы Римскаго, и преподобнаго Петра, епископа Александрійскаго, былъ день ангела князя Петра Николаевича. Княжны вышивали ему туфли къ именинамъ и спѣшили окончить дюжину носковъ, которые онѣ

[1]) Событія грядутъ, но разнятся между собою. *Е. С.*

изъ года въ годъ всегда вязали для отца къ этому дню. Князь любилъ такіе недорогіе, простые подарки.

Мать Оленьки, Екатерина Михайловна Бочкарева, пріѣхала тоже къ этому дню изъ Корчевы. Въ домѣ князя она всегда жила на антресоляхъ, въ бывшей классной комнатѣ, и большую часть своего времени проводила по монастырямъ и церквамъ. Когда была въ Москвѣ, она не пропускала ни поздней, ни ранней обѣдни и всякій день бывала у вечерни. Это частое посѣщеніе храмовъ Божіихъ пріобрѣло Екатеринѣ Михайловнѣ большое знакомство между церковными причетниками и просвирнями. Послѣднія извѣстны въ Москвѣ своею словоохотливостью; кромѣ того, онѣ зорко слѣдятъ за городскими дѣлами, новостями и слухами, даже имѣютъ свои политическія мнѣнія. И вотъ именно въ эту зиму 1825 года, объ эту пору ноября, Екатерина Михайловна, наслушавшись отъ нихъ разныхъ новостей, возвращалась домой и сообщала непремѣнно княжнамъ всѣ городскіе слухи и толки. Изъ нихъ можно было заключить весьма мало истины, однако, они были характерны для времени, и всѣ имѣли какой-то мистическій элементъ. Слышно было, что во многихъ монастыряхъ появились сновидцы.

Поваръ, съ своей стороны, приносилъ съ базара разные слухи какого-то пророческаго содержанія. Странно, что тогда въ народѣ появился страхъ за Царя, даже убѣжденіе въ измѣнѣ и какой-то подпольной интригѣ. Когда дворъ уѣхалъ изъ Петербурга, въ народѣ стали говорить, что Государя и Государыню увезли изъ столицы. Возбужденіе и смущеніе сдѣлались скоро такъ очевидны, что генералъ - губернаторъ Москвы, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, былъ принужденъ принять мѣры для охраненія общественной безопасности и порядка. Патрули разъѣзжали по улицамъ днемъ и ночью [1]).

---

[1]) Объ этомъ тревожномъ настроеніи, которое въ концѣ 1825 года переживалъ и Петербургъ, см. въ статьѣ Великаго Князя Николая Михаиловича: «Легенда о кончинѣ Императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Ѳедора Козьмича», С.-Пб. 1907, стр. 42—45. *Б. М.*

24-го ноября Оболенскіе обѣдали всѣ у именинницы — тетушки княжны Екатерины Николаевны [1]). Возвращаясь съ этого скучнаго обѣда, княжны замѣтили на улицахъ много скучающаго празднаго народа. Затѣмъ прошло и 25-е число, день именинъ князя-отца. Въ этотъ день фрейлина получила письмо изъ Таганрога, въ которомъ ее увѣдомляли объ улучшеніи здоровья Государя, такъ что это извѣстіе дало менѣе печальное настроеніе въ семьѣ. На другой день княжны были удивлены появленіемъ m-me Стадлеръ. Стадлеры въ то время жили въ одномъ семействѣ въ Москвѣ, занимаясь по-прежнему воспитаніемъ дѣтей; они изрѣдка навѣщали Оболенскихъ. Княжны очень обрадовались своему старому другу, но она была очень взволнована, и на рукѣ у нея висѣлъ саквояжъ. Она такъ скоро шла, что едва могла перевести дыханіе. Ее усадили въ кресло и стали снимать съ нея шубу, шляпку и вуаль. Когда она немного отдохнула: «Mes enfants, — говорила она, — j'ai fait mes paquets et me voilà chez vous. On dit qu'on attend des désordres dans la ville, peut être un soulevement. Qui sait, si nous ne sommes pas à la veille des barricades? Notre vie peut être en danger. Ma foi! que la volonté de Dieu soit faite! Mais j'ai pris mon courage à deux mains, j'ai embrassé mon vieux mari, j'ai fait ma révérence à mes... et me voilà. S'il y a danger, je veux mourir avec mes Obolensky» [2]). Княжны крѣпко обнимали старушку и старались ее успокоить. Вотъ какое было въ то время въ Москвѣ настроеніе умовъ.

Государь Императоръ Александръ Благословенный скончался въ Таганрогѣ 27-го ноября [3]). По весьма странному стеченію обстоятельствъ, эта печальная вѣсть достигла Москвы ранѣе, чѣмъ Петербурга. Впослѣдствіи это было замѣчено съ уди-

[1]) Оболенской. *Б. М.*

[2]) «Дѣти мои, являюсь къ вамъ по-дорожному. Слухи носятся, что въ городѣ готовятся безпорядки, а, пожалуй, и мятежъ. Кто знаетъ: можетъ быть, мы наканунѣ баррикадъ? Жизни нашей, можетъ быть, грозитъ опасность! Ну, что-жъ, да будетъ воля Божья — я же подбодрилась, обняла моего старика мужа, распростилась съ моими — и къ вамъ; если есть опасность, я хочу умереть съ моими Оболенскими».

[3]) Сабанѣева ошибается: Императоръ Александръ I скончался 19-го ноября. *Б. М.*

вленіемъ современниками. Затѣмъ Московскій генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, поспѣшилъ печатнымъ объявленіемъ пригласить жителей Москвы въ Успенскій соборъ для присяги Великому Князю Константину Павловичу.

Теперь мы приближаемся къ печальному событію 14-го декабря. Тутъ мое повѣствованіе начинаетъ представлять мнѣ затрудненія. Я его пишу со словъ моей матушки: она не разъ говорила мнѣ о томъ печальномъ времени въ ихъ семьѣ, но въ моей памяти остались неясны обстоятельства той эпохи. Когда и какъ дошло до Оболенскихъ извѣстіе объ участіи князя Евгенія, старшаго сына моего дѣда, въ заговорѣ 14-го декабря, я не умѣю сказать. Была-ли эта ужасная вѣсть сообщена Оболенскимъ письмами изъ Петербурга, или же знакомыми, пріѣхавшими оттуда, — я не знаю подробностей [1]). Вѣроятно, для моей матери эти воспоминанія были слишкомъ тя-

[1]) Судя по сохранившемуся въ семейномъ архивѣ Кашкиныхъ и еще не печатавшемуся ранѣе письму къ Николаю Евгеньевичу Кашкину его племянницы Екатерины Лукьяновны Симанской, рожденной Боборыкиной, князь П. Н. Оболенскій узналъ объ арестѣ сына-декабриста изъ этого именно письма. Вотъ что писала Е. Л. Симанская 21-го декабря 1825 года: «Chargée de nouveau par tous nos parens de la tâche pénible de vous anoncer le plus grand des malheurs, très cher Oncle, l'émotion de mon coeur est si forte, que ma plume ose à peine tracer les tristes détails du funeste événement qui vient de nous plonger tous dans la plus grande consternation; cependant il faut la vaincre et parler. La malheureuse journée du 14 doit déjà vous être connue par la Gazette, où tout y est peint avec la plus grande exactitude. Vous savez donc que ces mutins aussi audacieux que lâches se sont mis en fuite tous et saisis presque en même tems, mais qui pourroit jamais le croire, cher Oncle, qu'à la tête de ces infâmes, que l'âme de ces rebels fut, hélas!—notre Eugène Obolensky! Je ne puis en dire davantage... Préparez donc le malheureux Prince à ce coup cruel et inattendu de la part d'un fils qui jusqu'à présent nous avons tous considéré comme le modèle des jeunes gens. Hélas, cher Oncle, il faut aussi que vous ne l'abusiez point que l'énormité de la faute du malheureux Eugène outre-passe toute démence! Eu attendant nous vous prions aussi tous d'engager soit mon Oncle le Prince lui-même, soit quelqu'un de la famille à venir ici pour mettre ordre aux affaires du malheureux ainsi que des deux cadets qui, ayant pleine et entière liberté dans ce moment-ci, en abusent de toutes le manières, étant tous deux, — je dois vous l'avouer, — des garçons totalement gâtés. — Ma tante Steritch a eu la bonté de se charger de Serge, chez elle au moins il sera gardé à vue et pourra continuer ses études sous l'inspection de l'excellent Eugène; mais les gens ainsi que tout le petit ménage de l'infortuné resteront dans l'état où ils sont jusqu'aux ordres de mon Oncle qui n'attendent point de retard,—voilà sur quoi nous vous prions tous d'insister auprès du Prince»... *Б. М.*

гостны; она избѣгала при разсказахъ вдаваться въ подробности. Есть скорби, которыя парализуются тяжестью ихъ бремени.

Бѣдный, дорогой дѣдъ мой! Колючіе тернія выросли тогда на пути его жизни, а онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Но эти скорби были посланы ему всесильной рукой Промысла Божія,—и такъ онъ ихъ и принялъ. Матушка благоговѣйно говорила о его кротости и терпѣніи въ этомъ испытаніи и всегда удивлялась, какъ онъ находилъ силы нести этотъ крестъ.

Надо тоже понимать, что тогда въ этой семьѣ Оболенскихъ совершилось что-то выходящее изъ ряда обыкновенныхъ горестей, встрѣчающихся на пути человѣческой жизни. Этотъ маститый старецъ, покрытый сѣдинами, князь-отецъ, пораженный въ самое сердце въ старшемъ любимомъ сынѣ,—въ томъ именно сынѣ, который своимъ поведеніемъ, своими нравственными качествами, казалось, укрѣплялъ силу благодати, лежащей на его домѣ!.. И ему, отцу, надо было принять все это, надо было тоже найти силы своимъ примѣромъ умудрять въ терпѣніи окружающую его семью!

Каково тоже было это горе для тетушки-фрейлины! Тамъ, въ ея кабинетѣ, надъ письменнымъ столомъ портретъ въ золотой рамѣ... Какъ кротко глядитъ съ полотна эта темнокудрая красавица въ бѣломъ платьѣ, съ этимъ легкимъ облакомъ широкой оборки вокругъ лебединой шейки! То портретъ Ея Высочества Великой Княжны Александры Павловны, тогда уже въ Бозѣ почившей... Но фрейлина хранила въ душѣ своей самое нѣжное о ней воспоминаніе. И онѣ всѣ, эти августѣйшія особы Царскаго Дома,—надо понимать, чѣмъ онѣ были для бабушки-фрейлины! Что такое родные передъ ними? Развѣ могло ея сердце биться къ роднымъ тѣмъ самымъ біеніемъ, которое отдано давно имъ—имъ однимъ! Петербургъ, Дворецъ—и эта драма!.. О! ихъ знакомые, хранимые такъ свято въ душѣ и памяти образы! Все мѣшается въ ея головѣ. Какой-то хаосъ, и что это такое?—это не смерть, но тоже что-то неотразимое, живущее, гнетущее,щемящее сердце! И этотъ трауръ, облекшій всю семью въ свой черный саванъ...

ЭПИЛОГЪ.

1827—1828 гг.

XXIV.

Суженаго конемъ не объѣдешь.

Мы теперь въ концѣ 1827 года. Князь только въ ноябрѣ вернулся съ дочерьми въ Москву изъ Рождествена, гдѣ почти безвыѣздно жилъ послѣ ссылки сына. Тетушка-фрейлина, по совѣту докторовъ, съѣздила за этотъ промежутокъ времени за-границу, очень тамъ скучала, вернулась въ Москву и заняла опять свою половину въ домѣ князя.

Положеніе домашнихъ дѣлъ у Оболенскихъ было въ то время не блестящее. Ссылка старшаго брата отразилась очень невыгодно на карьерѣ меньшихъ: князь Константинъ былъ переведенъ изъ гвардіи въ армію, вышелъ въ отставку и жилъ у отца, младшіе его два брата служили гдѣ-то въ Финляндіи, въ гарнизонѣ. Каждому надо было посылать денегъ — и въ Сибирь, и въ Финляндію, — и содержать свою большую семью; князь видѣлъ, что состояніе его разстроилось.

Странно распоряжается судьба обстоятельствами жизни. Князь имѣлъ троихъ старшихъ сыновей, и, между тѣмъ, на

пути его дѣловыхъ затрудненій не они, а двѣ меньшія дочери явились ему помощью и поддержкой. За эти два года княжны Варвара и Наталья и даже Оленька [1]) сдѣлали большой шагъ на пути знакомства съ житейскими заботами; онѣ вели переписку по имѣніямъ, счеты; доходы и расходы были имъ извѣстны, долги, взносы въ Опекунскій Совѣтъ — ко всему тому онѣ невольно пріобщились. Но когда онѣ вернулись въ Москву послѣ долгаго пребыванія въ Рождественѣ, то едва сознавали себя тѣми же, какими были прежде. Онѣ не отдавали себѣ отчета въ томъ, что̀ пережилось ими послѣ ихъ горя, и въ томъ, что́ перемѣнилось для нихъ, но все-таки имъ казалось, что онѣ теперь совсѣмъ другія, чѣмъ тѣ Варенька, Наташа и Оленька, которыя тогда жили въ ихъ домѣ подъ Новинскимъ. И какъ это все странно: и лица тѣ ихъ окружаютъ, и тотъ же штатъ прислуги, и канарейки поютъ такъ же громко у тетушки въ гостиной, и Дуняша мѣряетъ имъ платья въ ея уборной, и Фиделька лаетъ, и Екатерина Михайловна [2]) пріѣхала изъ Корчевы къ Рождеству, и мебель та же, и все въ домѣ стоитъ и движется по-старому... Чѣмъ больше все наружное переносило ихъ къ воспоминанію того былого легкаго настроенія, чѣмъ болѣе онѣ внутренно сознавали, что прошлое не повторится, и что оно замѣнилось для нихъ совсѣмъ другими, далекими отъ него интересами; пережитыя горести дохнули на нихъ своей трезвящей силой и удалили отъ нихъ то состояніе души, при которомъ все является въ свѣтѣ радости и надеждъ.

Но что́ главное перемѣнилось для княженъ, — это лишеніе прежней опоры въ отцѣ: теперь онъ сталъ часто полагаться на нихъ болѣе, чѣмъ на самого себя, и теперь нельзя было, какъ прежде, приходить выбалтывать ему свои горести или мечты: надо было его беречь; онъ былъ утомленъ жизненными невзгодами, и на нихъ теперь легла отвѣтственность передъ соб-

---

[1]) Бочкарева. *Б. М.*
[2]) Бочкарева. *Б. М.*

ственной совѣстью въ сознаніи ихъ къ нему обязанностей. По пріѣздѣ въ Москву дочери гораздо рѣже бывали съ княземъ-отцомъ; онъ болѣе, чѣмъ прежде, сталъ удаляться отъ свѣтскихъ сношеній, кушалъ даже отдѣльно въ своей гостиной, вставалъ и ложился рано. Княжны же большую часть своего времени проводили на фрейлинской половинѣ, и ихъ жизнь потекла совершенно отдѣльно отъ его жизни. Какъ уставали онѣ, послѣ деревенской тишины, отъ баловъ и театровъ! Даже не безъ усилія подчинялись требованіямъ тетушки, которая не позволяла пропускать ни одного приглашенія.

Въ это первое время возвращенія въ Москву Варенька въ особенности переживала такія нравственныя тревоги и сомнѣнія, въ которыхъ ей трудно было отдать себѣ отчетъ. Дѣло въ томъ, что для нея представлялась партія, или судьба,—какъ говорилось тогда въ Москвѣ всѣми, начиная съ ключницы и няни и кончая самой барыней. Надо сказать, что въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, въ Рождественѣ, Варенька, посреди семейнаго горя и заботъ, пережила одно дорогое воспоминаніе или мечту (какъ тамъ хотите назовите); это воспоминаніе относилось къ одному молодому человѣку, который тогда, въ ту веселую зиму 1824 года, въ ту зиму ихъ дружбы съ Пашенькой Бартеневой и Несвицкими, сдѣлался ей чѣмъ-то близкимъ и дорогимъ. Теперь ей часто возвращался на память тотъ балъ у Кутайсовыхъ, когда она танцовала мазурку съ Прончищевымъ, а онъ съ княжной Анной Несвицкой; она знала, что онъ въ самый день этого бала долженъ былъ еще утромъ уѣхать въ Петербургъ по очень спѣшному дѣлу и остался до завтра въ Москвѣ: «чтобъ проститься съ вами, княжна!» — сказалъ онъ ей въ этотъ вечеръ. Они стояли съ нимъ въ амбразурѣ высокаго окна Кутайсовской залы; она пристально разсматривала цвѣты своего бальнаго букета, который держала въ рукѣ, другой же своей маленькой рукой въ бѣлой перчаткѣ легонько теребила его зеленые листья; тогда изъ букета упала роза, маргаритка, мирта, — не все ли равно въ сущности, — только онъ поднялъ цвѣтокъ и забылъ отдать

его ей: значитъ, все, какъ слѣдуетъ, чтобы она могла думать, что онъ ее любитъ. Съ тѣхъ поръ онъ уѣхалъ не только въ Петербургъ, но, говорятъ даже, что онъ за-границей, и она совершенно потеряла его изъ виду и ей казалось, что она давно перестала о немъ думать. И что же?—когда является судьба для нея, и судьба, которую всѣ желаютъ, всѣ, всѣ, и Наташа съ Оленькой, и тетушка, и, главное, папенька,—скажите же, что́ ей тутъ дѣлать?.. И ей страшно, ей мнится что то, былое воспоминаніе о немъ живетъ еще въ ея душѣ. Она вспоминаетъ тоже, что нѣтъ брата Евгенія; ему бы она разсказала все, онъ взглянулъ бы на нее своими добрыми глазами и объяснилъ бы ей, почему она попала въ этотъ непонятный для нея самой кругъ мыслей. Евгеній одинъ могъ бы теперь понять ее, а между ними лежатъ безбрежныя снѣжныя равнины Сибири; тѣ же, кто близко, не понимаютъ ее, да и не хотятъ понять. Но, положа руку на сердце, можетъ-ли она сказать, что ей не нравится тотъ, кто есть судьба, кто есть будущій? Развѣ ей не весело съ нимъ? и развѣ эти несносныя Оленька и Наташа не видятъ этого?.. И мысли ея опять нанизываются цѣпью самыхъ странныхъ, неожиданныхъ противорѣчій, и передъ глазами является другой образъ,—образъ того красиваго юноши, который тогда у Кутайсовыхъ танцевалъ съ ней мазурку,—образъ Алексѣя Владиміровича Прончищева.

Прончищевъ ѣздилъ къ нимъ въ домъ съ первыхъ дней ихъ пріѣзда въ Москву, очень сошелся теперь съ княземъ Константиномъ [1],—и не прошло двухъ недѣль, какъ онъ сдѣлался своимъ въ ихъ домѣ; для всѣхъ было бы теперь немыслимо не увидать два раза въ день его гнѣдого рысака, съ бѣлой передней ногой, у подъѣзда Подновинскаго дома. Этотъ гнѣдой рысакъ съ бѣлой передней ногой звался Бѣлоножка; князю Константину въ шутку пришло въ голову перенести кличку лошади на ея хозяина; сначала всѣ посмѣялись этому,

---

[1]) Оболенскимъ. *Б. М.*

затѣмъ, неожиданно для самихъ, это прозваніе Прончищеву привилось въ домѣ у Оболенскихъ, и его тамъ иначе не называли въ интимномъ кругу, какъ Бѣлоножка.

Но теперь оставимъ пока лабиринтъ Варенькиныхъ сомнѣній насчетъ этого же Бѣлоножки и отправимся на ту половину дѣдушкинаго дома, которая глядитъ окнами въ садъ, гдѣ жили эту зиму Леонтьевы [1]). Они оба мало измѣнились за это время: онъ былъ тотъ же высокій, плотный баринъ съ добродушной, флегматичной физіономіей, она—та же худенькая, маленькая женщина съ умнымъ лицомъ и лучистыми глазами.

Послѣобѣденный часъ, когда всѣ въ домѣ расходятся по своимъ угламъ до вечерняго чая, большая комната, раздѣленная на спальню и кабинетъ ширмой краснаго дерева стиля временъ Александра I, такого же фасона диванъ, кресло, туалетъ съ зеркаломъ и колонками по его бокамъ, зеленыя шелковыя драпри на окнахъ, со шнурками и кистями; каминъ, въ которомъ гаснутъ послѣдніе угольки; въ комнатѣ тепло, уютно и свѣтло. Марья Петровна сидитъ на диванѣ, передъ которымъ большой круглый столъ; она вяжетъ чулокъ изъ тончайшихъ нитокъ съ узоромъ. Сергѣй Борисовичъ сидитъ въ креслахъ по другую сторону стола и читаетъ газету. Онъ расправлялъ ее, чтобы перевернуть ее на другую сторону листа, когда жена его спросила:

— Serge, вѣдь если папенькины Ярославскіе не внесутъ оброка, ему нечѣмъ будетъ заплатить за подмосковную въ Опекунскій Совѣтъ?

— Они внесутъ, мой другъ, чего заранѣе тревожиться! Понятно, что батюшка мирволилъ имъ всегда, а тутъ смерть Ивана-старосты и неразъясненные съ ними счеты,—они и задержали свой оброкъ. Только сомнѣваться тутъ нечего: они мужички богатые—внесутъ...

— А все папенька тревожится, да и положеніе его домашнихъ дѣлъ вовсе не блестящее.

[1]) О нихъ см. выше, стр. 86—90. *Б. М.*

— Семья велика, Машенька, — ему заботливо, но я не вижу еще ничего отчаяннаго, не тревожься!—Онъ перевернулъ листъ газеты и продолжалъ читать; въ эту минуту въ комнату вошла Варенька.

Мы говорили, что нравственно она какъ будто состарѣлась, за то наружно была все та же свѣтлая звѣздочка, съ милымъ лицомъ, черты котораго граціозны и мягки,—въ самомъ дѣлѣ, точно у Грёзовыхъ головокъ. Она сѣла подлѣ сестры со своимъ вязаньемъ.

— Я пришла работать къ вамъ до чаю, а тамъ—одѣваться, парикмахеръ... Мы сегодня у Шепелевыхъ.

— Вы будете въ бѣлыхъ?—спрашиваетъ старшая сестра.

— Должно быть, въ бѣлыхъ: тетушка посылала Дуняшу за живыми цвѣтами.

— Я люблю ихъ на васъ: cela a bien réussi pour l'effet l'autre soir.

— Сестрица, голубушка! Мнѣ не до того, я пришла съ вами посовѣтоваться. *Онъ* ѣздитъ всякій день, вы сами видите,—чтò мнѣ дѣлать?—Она остановилась: имя, которое просилось у нея на языкъ, не вылетало изъ ея устъ, яркій румянецъ покрылъ ея милое личико.

— Чтó тебѣ дѣлать съ Бѣлоножкой?—договорила за нее сестра, улыбнулась, но тоже замолчала. Видно было, что ея мысли были заняты тѣмъ же предметомъ, но она обдумывала, какъ бы осторожнѣе къ нему приступить. Варенька нагнула голову ниже надъ работой, тамбурный крючокъ, которымъ она вязала шерстяное одѣяло, сталъ какъ-то глубже входить въ петли и быстрѣе протаскивать черезъ нихъ шерстяныя нитки; старшая сестра глубоко вздохнула.

— Вы все знаете, сестрица,—вдругъ прервала молчаніе Варенька,—вы все знаете, а я ничего не знаю.

— То-есть, какъ это ты не знаешь, Варенька?.. По-моему, ты совсѣмъ не такая, чтобъ не отдать себѣ отчета, когда дѣло касается не тебя одной, а еще и другого человѣка, для кото-

раго важно, чтобъ ты именно знала, въ чемъ тутъ вся суть между вами!—И она какъ будто строго взглянула на сестру.

— Всѣ противъ меня,—начала тогда вспыльчиво Варенька: и Наташа, и Оленька, и вы, наконецъ,—чего я, впрочемъ, никакъ не ожидала—этого мнѣ даже и въ голову не приходило... Съ вашей стороны, сестрица, жестоко такъ глядѣть на меня въ такую минуту, когда я пришла къ вамъ просить вашего совѣта, вашей защиты...

— Варенька, Варенька,—прервала ее сестра,—ты далека отъ истины, потому что сама съ собой не можешь справиться; каждая изъ насъ проходила въ жизни черезъ то, что̀ тебя теперь волнуетъ: не ты первая, не ты послѣдняя. Я понимаю, что равнодушно,—вотъ какъ стаканъ воды выпить,—объ этомъ нельзя говорить; но тоже, голубушка ты моя, говорить о какой-то защитѣ...

— Сестрица, опять-таки вы не хотите никто меня понять! Позвольте васъ спросить, могу ли я выйти за этого человѣка замужъ и даже думать о немъ, когда папенька такъ нуждается въ нашихъ заботахъ, когда мнѣ главное въ жизни – его покой? И я знаю, что я ему нужна, я знаю, что́ такое его жизнь послѣ нашего горя. Наташа часто больна, а я, здоровая и полная силъ, и что же—бросить его на нее?.. Это вотъ что́ будетъ значить съ моей стороны: прощайте, дѣлайте, какъ знаете, et après nous le déluge!

— Варенька, голова у тебя горячая и воображеніе пылкое — я это давно знаю; только видишь что̀: не давай себѣ воли подчиняться этой фальшивой экзальтаціи. Tu n'es pas dans le vrai, потому что сама понимаешь и знаешь, что папенька желаетъ, чтобы судьба твоя устроилась; ненужныхъ жертвъ онъ отъ тебя не приметъ. Но дѣло теперь не въ папенькѣ, а надо просто знать: чувствуешь ли себя способной принять эти новыя обязанности на пути твоей жизни?.. какъ онъ тебѣ кажется и какъ отвѣчаетъ твое чувство на его чувство?

— А вотъ это-то и есть самое мудреное, — вздохнула Ва-

ренька.—Сергѣй Борисовичъ, голубчикъ! Сестрица нынче такая строгая и неприступная, хоть вы скажите мнѣ, что̀ я должна дѣлать...—Голосъ ея теперь былъ полонъ слезъ, она отложила въ сторону свою работу, оперлась локтемъ одной руки на столъ, наклонила надъ нимъ голову и стала водить по столу концомъ крючка, оставшагося у нея въ другой рукѣ между двумя пальцами; глаза ея слѣдили внимательно за движеніемъ крючка, которымъ она выводила на столѣ то буквы, то круги, то крестики, не оставляя, однако, никакихъ слѣдовъ или очертаній на его гладкой полированной поверхности. Когда Варенька окликнула Сергѣя Борисовича своимъ вопросомъ, онъ, не спѣша, отодвинулъ газету отъ себя, хотя давно уже не читалъ ее, слушая ихъ разговоръ. И теперь онъ тоже точно выжидалъ чего-то; наконецъ и онъ тоже подвинулся ближе къ столу своей широкой грудью и пристально взглянулъ на смущенную дѣвушку.

— Варенька, — началъ онъ затѣмъ своимъ ровнымъ голосомъ, — знаешь-ли ты, какой важный вопросъ не выходилъ у меня изъ головы, пока я васъ слушалъ; ты мнѣ вотъ что̀ скажи: что будетъ дѣлать Алексѣй Владиміровичъ Прончищевъ, когда княжна Варвара Петровна Оболенская ему откажетъ?...

Варенька вздохнула, но не поднимала глазъ.

— По-моему, и ты, и моя дорогая Машенька, вы обѣ спѣшите въ этомъ дѣлѣ, а поспѣшишь—людей насмѣшишь. Не горячись, я вотъ что тебѣ скажу еще: поставь ты себя немножко въ уголъ за то, что сейчасъ такъ вспылила, тогда ты взглянешь потрезвѣе и попрямѣе на все это. Всѣ люди точно дѣти; если бы ихъ ставили почаще въ уголъ, то они успѣли бы размыслить тамъ о томъ, до чего не додумались, сидя на диванѣ. И чего только ни приходитъ тебѣ въ голову!... И жертвы, и страданія, и защита! Въ сущности ничего этого нѣтъ, зачѣмъ же Бога гнѣвить? Дѣйствительное гораздо проще воображаемаго; не теряй силъ въ ненужной борьбѣ и не падай духомъ, ибо это будетъ противно Богу, а положись ты лучше на Его святую волю!

Пока онъ говорилъ, на глаза дѣвушки начали набѣгать слезы, затѣмъ онѣ стали катиться крупными струями по ея воспаленнымъ щекамъ. Марья Петровна отложила на столъ свой чулокъ и обняла расплакавшуюся сестру, которая продолжала плакать подъ вліяніемъ этой ласки. Сергѣй Борисовичъ всталъ и началъ ходить ровными шагами по комнатѣ; когда онъ замѣтилъ, что Варенька начала успокоиваться, онъ подошелъ опять къ столу и остановился прямо противъ нея; она подняла на него глаза и увидѣла на его лицѣ самую добродушную улыбку.

— Ну, миръ,—говорилъ онъ ей, точно успокоивая ребенка,—ты шутиха и больше ничего! Все это тебѣ тяжело—очень вѣрю, но только рано слезы лить, дѣвица ты моя красная, зоренька ты моя ясная! перемелется—и все мука будетъ! Не захочешь изъ нея пироги мѣсить—принуждать не буду, я первый скажу: оставьте вы ее въ покоѣ!

Онъ сѣлъ близко подлѣ нея у стола.

— Спасибо вамъ, голубчикъ!—сказала она и протянула ему руку; онъ взялъ ее, удержалъ въ своей, потомъ задумался и началъ пальцами другой руки барабанить въ кадансъ по ея маленькой ручкѣ, воображая, вѣроятно, что стучитъ по столу; обѣ сестры улыбнулись его разсѣянности.

— Serge!—окликнула его жена.

— Княжна, пожалуйте скорѣй одѣваться!—Няня Денисовна стояла въ дверяхъ въ синей куцавейкѣ съ бѣличьимъ воротникомъ, въ чепцѣ съ широкой оборкой. — Чай всѣ откушали, Параша два раза приходила за вами отъ тетушки.

Княжна встала, цѣловала руки сестры, пока та крестила ее, цѣлуя ее въ голову. «Христосъ съ тобой, мой другъ! успокойся, у Бога всего много»,—говорила Марья Петровна. Варенька поспѣшила къ тетушкѣ: пора было одѣваться на балъ къ Шепелевымъ.

Едва прошла недѣля послѣ этого разговора съ Леонтьевыми, и Алексѣй Владиміровичъ Прончинщевъ сдѣлалъ формальное

предложеніе князю, прося руки его дочери, княжны Варвары Петровны [1]).

Такъ-таки это и произошло въ одно утро, когда его сани остановились раньше визитнаго часа у крыльца Оболенскихъ, и онъ прошелъ прямо въ комнаты стараго князя. Княжны съ Оленькой знали, въ чемъ тутъ дѣло, онѣ видѣли въ окно его рысака, сидя въ своей комнатѣ за работой,—и кто ихъ знаетъ, чего онѣ себѣ думали, только говорили онѣ о разныхъ постороннихъ предметахъ, вовсе не касающихся того, что ихъ занимало въ ту минуту, пока, наконецъ, не вошла Денисовна и доложила, что Ихъ Сіятельство папенька просятъ княжну Варвару Петровну къ себѣ въ кабинетъ.

Въ это самое утро судьба Вареньки опредѣлилась очень ясно, и ей стало легче, чѣмъ было въ то время, когда воображаемое такъ несходно было съ дѣйствительнымъ. На другой же день послѣ сдѣланнаго предложенія была оффиціальная помолвка въ домѣ князя и были приняты подарки отъ жениха. Послѣ этого время точно остановило свое быстрое теченіе: были утомительные часы визитовъ, представленій, обѣды у родныхъ,—все такъ банально и скучно... Самое серьезное дѣло, которое остановило на себѣ вниманіе жениха и невѣсты, были письма отъ него къ ея роднымъ и наоборотъ. Тетушка жениха, Екатерина Алексѣевна Прончищева, отвѣтила на письмо княжны въ самомъ оффиціальномъ тонѣ, но совершенно прилично, соразмѣрно ихъ обоюднымъ положеніямъ. Отъ княжны Анны [2]) было получено нѣжное посланіе съ выраженіемъ надежды, что родственная связь скрѣпитъ узы ихъ дружбы.

Всѣ полюбили жениха у Оболенскихъ, и ему было ловко и пріятно въ ихъ семьѣ; онъ же самъ воспитался между Несвицкими, которые постоянно жили въ домѣ ихъ дѣда, и катехизисъ

---

[1]) Повидимому, Е. А. Сабанѣева ошибается въ своемъ разсказѣ на годъ: о предложеніи А. В. Прончищева писалъ Н. Е. Кашкинъ, какъ о новости, сыну своему С. Н. Кашкину въ Архангельскъ,—слѣдовательно, въ зиму 1826—1827 г. *Б. М.*

[2]) Несвицкой. *Б. М.*

и правила со старшими (les grands parents) ему были тоже вполнѣ знакомы: у него было столько дядюшекъ и тетушекъ... Фрейлина выразила свою про него апробацію въ этомъ отношеніи: онъ помнилъ, какія она любила конфекты, доставалъ ловко ложи на такія представленія, когда посланный лакей являлся доложить, что нѣтъ на нихъ ни одного билета въ театральной кассѣ. Съ молодыми тоже у него была полная гармонія; Наташа и Оленька полюбили его, какъ брата. Онъ былъ молодъ, блестящъ, хорошъ собой, и его влюбленное настроеніе такъ приличествовало его лѣтамъ и наружности. «Juliette et Roméo»,—говорилъ князь Константинъ, глядя на жениха и невѣсту,—«или Павелъ и Виргинія».

Прошло Рождество; свадьбу хотѣли отложить до Красной Горки, но тутъ тетушка Екатерина Алексѣевна вмѣшалась своимъ авторитетомъ. Она написала князю, выражая ему покорнѣйшую просьбу согласиться, чтобъ свадьба состоялась въ январѣ, ибо у племянника ея въ Калужскомъ имѣніи долженствуетъ быть въ февралѣ освященіе храма, коего она была строительница. «Требовать отъ Алеши, писала она, чтобъ онъ пріѣхалъ, будучи женихомъ, я не дерзаю; онъ пообѣщаетъ, но не исполнитъ слова,—зачѣмъ вводить его въ искушеніе!.. А лучше позвольте ожидать молодыхъ хозяевъ, будущихъ супруговъ, на мой великій праздникъ освященія храма въ селѣ Богимовѣ».

Такъ и былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, и 25-го января 1828 года [1]), утромъ, въ церкви Вознесенія, что̀ на Арбатѣ, было совершено бракосочетаніе Алексѣя Владиміровича Прончищева съ княжною Варварою Петровною Оболенской. Затѣмъ былъ семейный завтракъ у князя въ домѣ; молодыхъ поздравили шампанскимъ, и они переодѣлись въ дорожныя платья: имъ предстоялъ довольно далекій путь въ ихъ Калужское имѣніе.

Къ крыльцу поданъ маленькій легкій возокъ, окна его обиты снаружи мохнатымъ медвѣжьимъ мѣхомъ и похожи на два глаза съ рѣсницами; тройка сѣрыхъ вятокъ, щегольская сбруя, на козлахъ сѣдой кучеръ...

Б. М.

[1]) Не 1827-ли?

Настала минута прощанья. Князь крѣпко обнялъ расплаканную дочь и крестилъ ее дрожащею рукой; слезы катятся по его старческимъ щекамъ; потомъ тетушка-фрейлина, старшая сестра, невѣстка благословляютъ Вареньку, затѣмъ братья, Наташа и Оленька обнимаютъ ее. Въ передней собрались всѣ домочадцы—проститься съ княжной; не отдавая себѣ отчета, почему это такъ, она сказала каждому свое доброе слово прощанья, дала свой поцѣлуй или прощальный взглядъ, хотя сердце ея было полно только однимъ своимъ внутреннимъ чувствомъ скорби, что она оставляла тутъ столько ей дорогого и милаго. Вотъ молодые сошли съ лѣстницы, вступили на крыльцо,—оба такіе красивые въ своихъ богатыхъ шубахъ; зеленая шаль накинута на милую головку Вареньки. Оленька и Наташа ихъ тоже провожаютъ и стоятъ тутъ на крыльцѣ въ мѣховыхъ куцавейкахъ съ пестрыми платками на головахъ, съ красными пятнами на заплаканныхъ лицахъ. Было морозно, но солнце блестѣло и разсыпалось звѣздистымъ свѣтомъ по ровному снѣгу широкаго двора; акаціи подъ его заборомъ стоятъ, покрытыя инеемъ. Дверцы возка хлопнули, когда лакей открывалъ ихъ; Варенька обняла въ послѣдній разъ сестеръ, и князь Константинъ бережно посадилъ ее въ возокъ, запахивая вокругъ ногъ полы ея салопа; молодой послѣдовалъ за супругой,—усѣлись, дверцы опять хлопнули, лошади тронулись,—и быстро помчалась молодая чета по снѣжному зимнему пути, и скрипѣлъ морозъ подъ новыми полозьями возка; и все дѣло по дѣлу, и все какъ слѣдуетъ...

Анна Варвара Петровна, рожд. княжна Оболенская
Юлія Надежда Алексѣй Владиміровичъ Екатерина
ПРОНЧИЩЕВЫ

ХУДОЖ.-ГРАФ. ЗАВ. А. А. БЕМЕ, СПБ.

Указатель.
